

ANGOR

БАРНАР

МИР НА КОСТЯХ

Барнар — планета, одиноко существующая на краю Вселенной. Её населяет множество рас и народов: люди, эльфы, орки... Также на ней обитают ведьмы, демоны и жуткие монстры. Земли постоянно обгажены кровью из-за частых войн и сражений между государствами. Но, возможно, многим из них придётся объединиться против главного врага — повелителя хаоса Узгулуна. Наёмник по имени Конрад вместе со своими новыми друзьями попытается противостоять злу.

Два королевства

На краю Вселенной, под пристальным светом беспощадных звёзд, кружила древняя планета Барнар. На этой суровой и красивой планете происходили нескончаемые и кровопролитные войны между различными расами. Довольствоваться её дарами могли лишь сильнейшие и ловкие, потому что природу тех мест невозможно предугадать. Многолетние и безмолвные засухи могли молниеносно сменяться бушующими наводнениями, а сковывающие сердце зимы, могли длиться по несколько лет. Обитатели её суровых покровов, держались вместе, чтобы выжить, но длилось это недолго. Рано или поздно любому виду на каждой планете приходится занимать либо низшее положение, граничащее с исчезновением, либо высшее положение, обеспечивающее изобилие всего необходимого. Поэтому одна большая раса фагрийцев из тех мест разделилась на две части.

Во главе их племени стояло два вождя и они не могли прийти к общему компромиссу в обозначении дальнейшего будущего для своего народа. Часть людей ушла на север за сильным и кровожадным вождём по имени Таргон. Он взял с собой воинов, которые готовы были убивать и сметать всех на своём пути, ради богатств и пропитания. Атлетические тела их покрывали шкуры диких зверей, под которыми были тяжеловесные доспехи. На поясе они носили топоры, украшенные костями убитых врагов. На деревянной рукоятке их оружия были вырезаны руны богов. Могущественный народ захватывал земли более слабых племён, продвигаясь всё дальше и выше на север. Пугающая слава о их колесницах, в которые были впряжены свирепые вепри, разнеслась во все концы света. Многие боялись Таргона и добровольно преклонялись перед его властью. Уставший от бесчисленных боевых стычек и уже старый Таргон, смог основать перед своей смертью великое королевство, состоящее из обширных земель и именуемое Хайриан.

Народ, следуемый за своим королём Таргоном Завоевателем, поклонялся только богу войны и смерти Ингвариду, потому что лишь следуя путём сражений, можно достичь желаемого процветания. Ингварид предстал на их знамёнах в виде быка, покрытого кровью врагов, а за спиной его взмывал вверх топор войны. Глаз у Бога не было, потому что хайрианцы верили, что по глазам можно просчитывать действия наперед, благодаря чему Бог их был совершенен и непредсказуем. До сих пор ходят легенды и поются баллады о тех временах, когда в ночи раздавался рёв вепрей, после чего появлялись всадники, а между ними мчался Ингварид, разрубая черепа несчастных пополам и забирая свои подношения в виде растерзанных трупов. Таргон вскоре умер от старости, оставив своё королевство сыну Хенрику.

Отец хорошо успел обучить мальчика военному мастерству и часто брал его с собой в завоевательные походы. К пятнадцати годам он уже сам командовал гвардейским конным отрядом, специально выделенным ему отцом. Голова Хенрика была тщательно выбрита и на затылке у него изображена татуировка черепа. Крепкий телосложением и ловко орудующий секирой, он уже в подростковом возрасте представлял из себя достойного наследника короля. Заняв престол, Хенрик продолжил расширять границы Хайриана, дабы увековечить славу своего рода. Новый король грезил о создании империи и взгляд его лёг на южные земли.

В то время, пока создавался Хайриан, не так далеко от его будущих границ, была другая

жизнь. Народ, который не разделял взглядов Таргона, решил уйти южнее северных земель. Возглавил их вождь Ульфгард. Новые земли славились ценными металлами, поэтому было решено начать усиленную добычу, благодаря которой они смогли бы выторговать у соседних племён зерно и мясо. Так оставшийся народ смог выжить и у него началась пора процветания. Излишки металлов Ульфгард пускал на выплавку оружия и амуниции, так как догадывался, что счастье недолговечно, а то что уже было нажито, придётся тщательно охранять.

Славный правитель старался прислушиваться к каждому жителю, за что его очень любили. Вместо убийств, он вёл переговоры, а оружие использовал лишь для защиты от варваров. Некоторые соседние кланы свергали своих жестоких ярлов, которые забирали последние крохи пищи у обычных земледельцев. Клань, не найдя достойных наследников обращались за покровительством к Ульфгарду, чтобы он направлял их. Некоторые жители, которые не приняли управление Ульфгарда, организовывали на него покушения, но все они оказались безрезультатными. Складывалось впечатление, что словно сами боги оберегали его. В те тёмные и опасные времена, жителям хотелось спокойствия и стабильности, а он мог дать им всё это. Так небольшие и скудные земли, со временем превратились в широко простирающееся и великое королевство Дорман, в котором верили в добрых богов. Среди множества из них, были такие, как Бог плодородия и любви Хед. Он был в образе оленя с длинными и ветвистыми рогами. В честь него устраивались весёлые оргии, на которых дорманцы занимались любовью и дарили друг другу в знак преданной дружбы обереги. Дорманец, получив такой подарок, знал, что теперь он всегда может обратиться за любой помощью к тому, кто ему его подарил. Также почиталась Богиня охоты и природы Алу, которая направляла стрелу охотника прямо в цель. Она являла собой чёрную волчицу с зелёными глазами. В преданиях говорится, что Алу любила странствовать по миру и изучать жизнь обычных смертных.

Боги помогали процветанию народа под предводительством Ульфгарда, но не подарили ему детей. Такова была плата за хорошую жизнь. Ульфгард женился несколько раз. Старшая жена умерла от старости, а молодая жена погибла при покушении на мужа. Её вывезли в лес, где Элизабет долго насиловали, а затем четвертовали. Ульфгард узнав об этом, поехал мстить убийцам, которые устроили ему засаду и смертельно ранили его.

Перед своей кончиной, король позвал к себе своего младшего брата. В покои из красного бархата вошёл крепкий мужчина с щетиной, глаза его горели холодным пламенем и звали его Розгальд.

— Брат, ты звал меня? — прозвучал встревоженный голос.

На широкой дубовой кровати лежал, покрытый липким потом и морщинами, Ульфгард.

— Розгальд, я всю свою жизнь старался сделать всё для своего народа и так как наследников у меня нет, то ты должен принять теперь эту нелегкую ношу. — Он обхватил своей костлявой и синеющей рукой, белую руку Розгальда. — Я даже рад, брат, что это ты сядешь на трон. Знаю, что слова мои скверные, но я люблю тебя и не знаю никого, кому бы я больше кроме тебя, мог бы доверить трон.

Синие глаза Розгальда наполнились печалью и его густые угольные брови начали подрагивать.

— Я не справлюсь, брат.

— Ты ошибаешься! Ты достоин этого, ведь ты кровь моей крови. — Прохрипел немощный Ульфгард. — Никогда не забывай, Розгальд, что любовь богов хоть и на нашей

стороне, но и богам нужна наша вера в них.

Прищуренные и мокрые глаза Ульфгарда начали бесцельно блуждать, а затем застыли, словно потерявшись в тумане. Король издал свой последний вздох и ушёл в мир своих добрых богов, выполнив всё и даже больше в этом брэнном мире.

По бледному каменному лицу Розгальда потекли обжигающие слезы. В тот день он взвалил на свои плечи тяжёлое бремя — правление народом.

Начиная от непоколебимых крепостей и до самых маленьких селений с окраин, одиноко стоящих среди бескрайних степей, вплоть до шумных и высоких дворцов, люди выходили провожать своего короля в иной мир. На протяжении нескольких дней все посещали храмы и читали молитвы за упокой Ульфгарда. Затем эти же жители большим наплывом отправились в главный замок Дормана, чтобы увидеть своего нового короля.

По каменному полу ступал в высоких кожаных сапогах Розгальд. На голове его сидела корона в форме обруча, украшенная драгоценными и сияющими камнями. За ним нёсся плащ из медвежьей шкуры, взгляд его был уверенным и лишь быстро стучащее сердце могло выдать его волнение. Его намеренья были четкими и определёнными, но страх неизвестности порождал неуверенность в его разуме и скапливал у него солёную росу в ложбинке над верхней губой.

Началась новая эпоха и Розгальд должен был доказать всем и себе, что он справится. Не успел он взойти на престол, как ему уже начали приходить шокирующие известия. Возле границ Дормана происходило полнейшее разорение. Собранные войска Хенрика шли словно саранча и никто не мог им противостоять. Некогда свободные деревни, становились разграбленными, а с непокорных крестьян снимали заживо кожу. Тем кому удалось уцелеть, бежали под защиту Дормана.

Вокруг разливался нежно-розовый закат. Хенрик долго вглядывался в передовые крепости королевства Дорман. По его истерзанному шрамами лицу, пробежала самодовольная улыбка.

— Это отродье согласно преклониться передо мной? — прорычал Хенрик, обращаясь к своему посланцу.

— Мой повелитель, наместник крепости ни при каких условиях не сдаст своих позиций. — Гонец вытер рукавом из волчьей шкуры пот со лба.

Слуга вздрогнул от последующего громкого и безумного смеха Хенрика.

— Уничтожьте эту жалкую крепость и пошлите послание их новому ничтожному королю Розгальду! Скажите ему, что он не виноват в том, что его предки являлись трусливой гнилью. Пусть он подумает и начнёт преклоняться передо мной. Если он примет мои условия, то я прощу его и не буду отбирать у них всё до последнего, а ежели нет, то я выпотрошу всех дорманцев до единого!

По прошествию часа, передовая крепость пылала огнем, а ещё через пару часов Розгальд встревоженно читал угрозы Хенрика.

Король Дормана попросил ночью того же дня всех своих жрецов пойти с ним в храм, построенный в честь Бога мудрости Дахмана. Внутри храма стояла огромная статуя птицы, с длинными крыльями, перья которых были похожи на острые лезвия и в когтистых лапах у нее была ветвь мудрости. Перед статуей они до самого утра молились и приносили подношения.

— Великий Дахман, если я пал перед тобой на колени, то значит ты наша последняя надежда. Ульфгард говорил мне, что наши братья не смогут быть долго лояльными. —

Розгальд поднял глаза вверх. — Мне страшно, но я знаю, что ты мудрый Дахман, понимаешь меня. Прошу дай нам сил и ума, чтобы мы одолели врага. Только ты сможешь направить нас, ибо мудрость твоя во благо, ты не оставишь детей своих. Я никогда в это не поверю! Мы будем вместе сражаться плечем к плечу. Бог и народ должны быть едины и сплочены, а по отдельности нам не выстоять. Верую, мы справимся.

На щебечущей заре, Розгальд вошёл в свои покои, где его ждала обеспокоенная красавица жена. У Тиссы были кофейные широкие глаза и сладкие губы. Пепельные волосы королевы скромно укутывали стройное тело до самого пояса. Розовая кожа её сияла в первых лучах солнца.

— Я не спала всю ночь, Розгальд. — Она подошла к нему и плотно прижалась к его широкий груди. — Мне очень страшно за нас всех, но в глубине души я верю, что нам будет по плечу выстоять.

— Не беспокойся, любовь моя, я приложу все усилия, как и весь народ Дормана, чтобы победить полчища наших врагов.

— Я не сомневаюсь в этом, муж мой! Но если с тобой что-то случится и меня будет ждать рабство, я покончу с собой.

Муж отстранился от жены и боль отразилась в его глазах. Розгальд трепетно приподнял её голову за нежный подбородок.

— Тисса, клянусь тебе, что я никогда не допущу того, чтобы с тобой что-то случилось!

Розгальд припал к её губам и притянул к себе сильнее, начав водить по её хрупкой спине своими большими руками. На ней было лишь тонкое обтягивающее платье, украшенное драгоценной вышивкой. Они продолжали страстно целоваться и от этого перехватывало дыхание. Соски её напряглись и затвердели, а сочная и небольшая грудь покрылась мурашками. Он ощутил её соски через свою льняную рубаху. Тисса запустила свою тоненькую ручку с серебряным браслетом, в его тёмные, как смоль и выющиеся волосы. Руки Розгальда опускались всё ниже по её спине и достигли упругих ягодиц, которые он начал жадно сжимать. Тисса же почувствовала, как больно упирается ей в нижнюю часть живота, большой член мужа. Она сняла через голову платье и оно бесшумно постелилось на каменный, покрытый шкурами пол. Перед Розгальдом предстали её оголённые груди и он начал упиваясь их сосать, отчего у Тиссы ослабли ноги и ему пришлось подхватить её на руки, чтобы уложить в постель. Розгальд целуя соски, ласкал рукой её влажный и пылающий цветок. Жена начала изгибаться и постанывать, прося его при этом не останавливаться. Розгальду казалось, что он сейчас выплеснется весь наружу, но он знал, что должен держаться ради Тиссы, ведь она так любила долгие ласки, ей всегда было мало мужа.

Она прижалась к его щеке, вдыхая в себя весь аромат своего любимого человека и начала тереться об него. Их глаза встретились и в них читалось счастье, счастье которого не бывает много. Розгальду казалось, что в её тёмных глазах сияют тысячи звёзд и он знал, что только ради этих глаз он и был рожден. Тисса перевернулась и оседлала мужа, прильнув губами к его ушам. Язык её забирался во все изгибы ушей, заставляя Розгальда сжимать простыню в руках и думать о чем-то неприятном, иначе он бы не выдержал. Затем её остренький язычок, словно лезвие, дарующее жизнь, а не смерть, скользнул по его короткой шее, на которой пульсировали мощные вены. Тисса спустилась ниже и зарылась головой в его волосатую грудь, одновременно глядя своим коленом у него между бёдер. Она лизала его соски, а он снял брюки из воловьей кожи. У Розгальда вырвался стон, когда пылающие и увлажненные губы жены, закрались ему в промежность, после чего она начала резко и

уверенно водить по всем местам языком. Тисса лишь успела прикоснуться к концу члена, как муж перевернул её на спину и приподняв за талию, вошёл в нее полностью. Двигая бёдрами и целуя её пухлые губы, Розгальд постепенно переходил все ниже, достигая груди.

Ему хотелось видеть взгляд Тиссы, но жена от наслаждения не могла найти в себе силы, чтобы приоткрыть глаза. Тисса унеслась далеко в сказочный мир, где ощущала жар и тепло своего мужа. Долго их потные тела сплетались в наслаждении, пока Розгальд не заполнил её своим тёплым семенем. После чего оба уснули в объятиях друг друга, но сны у обоих были тревожными.

Розгальд совсем скоро встал и отправился созывать совет, так как время не терпит. Судьба двух королевств решится совсем скоро!

Неизбежность

По большому тронному залу разносился гул, лорды горячо спорили между собой и перебивали друг друга. Тени от пламени, несущиеся из каминов, плясали на грубых лицах.

— Эльфы ты говоришь? — вопил крупный дорманец с длинными белыми усами, — Пока эти остроухие будут думать, нас уже порубят на фарш.

— Валунд, да ты в своём уме? Нам одним не выстоять против полчищ Хенрика! Единственный выход, который у нас есть — это позвать эльфов. — стуча по столу, противоречил одноглазый Сервар.

Крики становились всё громче и громче, эхо разносясь по всему залу, отбивалось от стен и заставляло звенеть кубки, стоявшие на деревянном столе.

В это мгновение распахнулись ворота и появился Розгальд. Наступила тишина, в которой были слышны только крики воронов за окнами.

Розгальд быстрым шагом приближался к своему трону, мимо кланяющихся подданных. Заняв своё место, король обратился к главнокомандующему.

— Хорстар, доложи существующую на данный момент обстановку. — Прозвучал размеренный голос правителя.

Из-за длинного дубового стола поднялся невысокого роста мужчина, до пояса у него спускалась рыжая борода, заплетенная в тугую косу, а лицо было испещрено шрамами.

— Милорд, мы потеряли две крепости, находящиеся в окрестностях реки Холк. Местных жителей убили и подвесили освежеванными на деревьях. По сведениям разведчиков, войско Хенрика превосходит наше в разы. У противника около пяти с половиной тысяч колесниц, запряженных вепрями. Пехота состоит примерно из двадцати тысяч солдат. Также король Хайриана заключил союз с вельвами.

— Да поможет нам Дахман! — пронеслось по залу.

— Благодарю, Хорстар! — поднял руку король и немного подумав, спросил, — Сколько у нас имеется людей?

— В полной боевой готовности находится одиннадцать тысяч воинов, а еще можно созвать мирных жителей, умеющих пользоваться оружием и готовых защищать нашу землю.

— Этого будет недостаточно! — в задумчивости ответил Розгальд и обвёл взглядом собравшихся, — Командиры, прошу вас покинуть зал и немедленно начать формировать вооружённые отряды из населения! — мудрый правитель близко подозвал к себе главнокомандующего, — Хорстар, ты со своими отрядами отправляйся к границам Дормана и сдерживай натиск вражеских войск, но ни в коем случае не подпускай их близко к лесу Редвуд. Запомни! Ни в коем случае! Когда наша армия будет готова, то нам понадобится первыми занять возвышенность возле леса. Встретимся с тобой там и дальнейший план я расскажу на месте, поэтому постарайся не умереть, пока будешь оттягивать время, — король положил руку ему на плечо. — От тебя и твоих людей будет зависеть слишком многое!

— Милорд, я вас никогда не подводил, да и сам я ещё не готов к встрече с богами.

Хорстар быстро кивнул своему королю и замешался в толпе подчиненных, спешащих выполнять приказания. В зале остались ближайšie советники правителя и представители знатных родов.

— Сейчас мне нужно обсудить план военных действий с моими советниками

наедине, — громко изрёк Розгальд.

Недовольная, обделенным вниманием зная, разбрелась по саду, окружающему дворец. До поздней ночи проходило обсуждение стратегии и наконец, когда собрание завершилось, король обратился к своему дальнему родственнику и одному из мудрых советников.

— Сервар, выбери самого опытного гонца и дай ему лучшего по скорости скакуна. Пусть он сейчас же отправляется с моим посланием в Лириан.

— Будет сделано, мой король! — важно ответил тот.

В густом мраке простучал одинокий топот копыт жеребца, на котором скакал гонец с посланием к королю светлых эльфов Эринделу. Путь гонца лежал через труднопроходимые леса, поэтому ему постоянно приходилось направлять коня в обход, чтобы не утонуть в болотах или не задержаться надолго, прорубая себе путь. Он ехал без передышки, останавливаясь изредка лишь для того, чтобы накормить животное. Из-за создающих тень ветвей, за ним постоянно следили зоркие глаза хищников. Через несколько дней своего важного путешествия, ему удалось достичь эльфийских башен Лириана, на которых его давно заметили стражники с длинными пиками. Эриндел уже передал приказ, чтобы коня гонца накормили, а самого его сразу же привели в приёмные покои. Когда гонец шёл за стражей, то видел вокруг себя белокаменные и резные мосты, под которыми протекала живительная река. Внутри дворца вместо лампад, стояли священные камни, способные впитывать лунный свет и издавать свечение, которое освещало залы. Эльфы верили, что именно эта сила, дарованная им луной, в древние времена помогла им побороть величайшую тьму.

Гонца встретил высокий и бледнолицый эльф, на голове у него была корона, выкованная искусными мастерами и украшенная слезами побеждённых драконов. Его тело покрывала белая туника, которую создали летающие девы, живущие высоко в горах. Над серебряными глазами, возвышались брови, похожие на мощные крылья орла. Король взял у гонца свиток с посланием и усевшись на покрытый шёлком диван, принялся читать. После чего он подозвал своего советника Филариона.

— Король Дормана просит у нас помощи в битве против войск Хайриана. Взамен он гарантирует нам свои земли, на которых мы сможем добывать наш священный камень — Иллариум.

Гонец стоял рядом и слушал, но он не понимал эльфийского наречия.

— Мы долгие годы дружим с дорманцами и ведём торговлю, — начал Филарион, — и мудрый король Розгальд предложил нам стоящее вознаграждение.

— Согласен! Эти земли с её залежами, сослужат нам хорошую службу. Это справедливая цена за помощь. Созывай братьев, пусть варят самые мощные зелья и готовятся отправиться в бой. Я сам лично возглавлю войска. — Эриндел взглянул сверху вниз на гонца и продолжил свою речь уже на человеческом языке. — Передайте своему королю, что мы явимся на битву. А также я хочу подарить Розгальду кольчугу из чешуи дракона. Она будет служить ему верно и защитит его тело в грядущей войне.

— Благодарю вас, славный Эриндел!

К гонцу подошла черноволосая эльфийка и вручила ему жёсткую и сияющую кольчугу. Затем правитель передал ему своё ответное письмо. После чего посланнику оседлали эльфийского коня, чтобы быстрее доставить благую весть в столицу.

За четыре дня Розгальд успел полностью собрать все военные силы страны. А в это время, пока в столице Дормана — Остбоне, проходили сборы, главнокомандующий Хорстар

сдерживал вместе со своими отрядами натиск хайрианцев, которые уже продвигались близко к лесу Редвуд.

На площади Остбона собрались лучники, пехотинцы и ковен ведьм, которые использовали магию стихий и могли влиять на время, материю, а также пространство. Во главе ведьм стояла колдунья Амелия, которая приходилась родственницей одному из древних кланов Дормана. У Амелии были длинные рыжие волосы и она носила зелёный плащ с капюшоном, на её большой груди висел амулет из красного камня, который передавался от матери к дочери и наделял хозяйку вещами сновидениями. Также в ковене вместе с Амелией, состояли две её подруги, которые являлись друг другу сестрами. Младшую из них звали Тара и у неё были короткие светлые волосы, облачалась она в синий плащ, на котором сияли алмазы, а за плечом у неё всегда висел лук, являющийся подарком отца и приносящий удачу в самый нужный момент. Старшую сестру звали Карлин и имела она волосы цвета тёмной материи, казалось, что ни один луч солнца не способен пройти сквозь них. Девушка предпочитала носить чёрный плащ с голубой тесьмой, в которую были вплетены волосы матери, служащие ей оберегом.

Все были готовы к выступлению и Розгальд лишь надеялся, что план, посланный ему во сне Дахманом, сработает. Силы Дормана начали свой ход. Женщины и дети провожали войско, выходя на улицы из белоснежных домов, которые окружали высокую стену замка. Пар, исходимый от тысячи дыханий, поднимался до синих шпигелей башен. По тяжеловесному мосту, шагали знаменосцы. На синих знамёнах был изображен величественный медведь, идущий сквозь снежную бурю. Стройными рядами по мощенной дороге долго шествовали защитники и тонкий снег хрустел под ногами. Даже скованное льдом озеро вокруг города, ощутило жар, исходимый от взволнованных сердец жителей.

Через неделю войска достигли территории древнего леса Редвуд, где король встретил сильно поредевшие и измотанные, но стойкие отряды своего главнокомандующего.

— Ты сдержал своё слово, Хорстар, — слегка улыбнувшись произнес король, — Силы неприятеля сильно вас потрепали и отбросили далеко вглубь страны, но к лесу вы их не подпустили. Я не сомневался в тебе!

— Благодарю, Милорд! — начал Хорстар, от которого исходил сильный запах пота, — Хайрианцы вот-вот снова наступят. Два дня тут было спокойно, но мои люди доложили, что все военные силы Хенрика уже полностью подошли. Вскоре здесь начнётся сущий ад!

Главнокомандующий не мылся несколько дней, усталость таилась в его глазах, а на руке была перевязана рана.

— Хорстар, я думаю, что тебе стоит остаться в тылу.

— Мой король, я ни за что не собираюсь пропускать такое великое событие, отсиживаясь в тылу, словно заяц, который боится попасться на ужин волкам.

Повелитель понимающе кивнул своему главнокомандующему и рассказал ему полностью дальнейший план их действий. Затем Розгальд разделил своё войско на три части: ковен ведьм он отправил на возвышенность вместе с лучниками, пехоту с её копьями, наконечники которых были выплавлены из прочных металлов Дормана, расположил у подножия холма. Всадникам король приказал укрыться в лесу. Вдали, сквозь густой туман, начали проявляться очертания войск Хайриана. Вепри вырывали землю своими клыками, всадники в колесницах держали дубовые луки. Вёльвы парили в воздухе и в волосах у них вплетены были кости животных. Из их ртов, с гнилыми зубами, исторгался едкий запах, от которого растения засыхали. Тела ведьм покрывали бородавки, а в руках у них были

магические посохи, помогающие им колдовать ядовитый дым, вызывающий у людей волдыри и кровотечения. Пехота хайрианцев двигалась ровным шагом, неся в руках знамени с их безглазым Богом быком.

Хенрик остановил свое войско и позвал к себе главнокомандующего.

— Посмотри на это ничтожество! И такой горсткой воинов они хотят остановить нас?! ХА-ХА-ХА! — рассмеялся злорадным смехом король. — Отправьте все наши силы, чтобы стереть эту погань с лица земли! — прокричал он, забрызгиваясь слюнями.

Услышав приказ своего повелителя, главнокомандующий сел в колесницу и проезжая вдоль рядов армии громко кричал.

— Во имя нашего короля Хенрика и во славу Бога Ингварида, все в атаку!

Прозвучали звуки горна и вперед ринулась толпа, словно одна большая волна.

Розгальд, облачившись в кольчугу, передал командование людьми на холме своему военачальнику Хорстару и приказал ему, чтобы они готовились к обстрелу. Сам мудрый король направился в первые ряды пехоты и выстроил её в две длинные шеренги, которые создали стену из щитов. Хайрианцы с топорами в руках, столкнулись с ней и многие были ранены копьями, но воины Хайриана, разносили в щепки щиты дорманцев. Сам Розгальд получил удар топором в грудь, но эльфийский дар спас ему жизнь.

Под ногами сражающихся таял тонкий слой снега и земля увлажнялась потоками крови. Птицы падальщики уже кружили в ожидании мясного пира. Первый ряд стены из щитов с трудом держался на ногах, скользя по сырой земле. Хайрианцы, уставшие отталкивать врага дальше, начали перепрыгивать через стену из щитов, подбрасывая друг друга вверх. Розгальд понял, что сейчас они сами могут быть окружены и разрознены врагом, поэтому подал сигнал к отступлению, затрубив в висевший на шее рог. Хенрик, стоявший на самом краю поля, заподозрил что-то неладное. Пехота Дормана начала отходить вглубь леса. Покрасневший от ярости и нетерпения, король Хайриана кивнул своему главнокомандующему, после чего тот взмыл вверх длинной плетью, подав сигнал правителям колесниц, которые имели косоподобные лезвия, установленные на колёсах с каждой стороны. Лучники с колесниц начали выпускать стрелы в отступающих дорманцев, а затем догоняя их, отрубали им ноги, встроенными косами. Под копытами разъярённых вепрей летела грязь в перемешку с конечностями. Остатки войск Розгальда отбиваясь, продвигались дальше в вечно красный и хвойный лес. Крупные ветви чуть не сбивали их с ног, лишая сил. По пятам следовали пехотинцы, пускающие в них топоры и разрубающие им позвоночник. Розгальд прислонился к дереву, чтобы отдышаться и едва успел увернуться, от летящего в него топора. Улыбающийся беловолосый хайрианец вынул кинжал и набросился на короля. Розгальд использовал обманный приём: он специально выронил меч из руки, быстро подхватив его другой рукой снизу и пронзив им насквозь врага. Хайрианец опрокинулся на холодную землю и из рта его потекла струя крови. В это самое мгновение, разделившаяся конница дорманцев, начала окружать колесницы с вепрями, выступая с разных концов леса.

Тяжеловесные и белоснежные кони, были покрыты позолоченной бронёй. Своими мощными копытами они размозжали головы вепрям, а всадники прикрываясь овальными и лёгкими щитами от стрел хайрианцев, срубали головы с плеч. С возвышенности холма летели пылающие пламенем валуны, которые навечно впечатывали пехоту хайрианцев в плодородную почву. Валуны эти поджигали с помощью магии, стихийные ведьмы заговаривали их лететь прямо во врага. Вёльвы, дабы предотвратить попадания в пехоту

смертельных валунов, начали создавать магические щиты. Хорстар отдал приказ лучникам, чтобы те начали целиться во вражеских ведьм. Яростные вёльвы пустили в ход ядовитый дым, от которого лучники дорманцев начали захлёбываться собственной кровью. Амелия скинула свой капюшон и наружу высвободились рыжие кудри.

— Сёстры, пора! — выкрикнула она.

Ведьмы стихий выстроились в ряд и возвели руки к небу, призывая лесные корни создать перед ними крепкую стену, дабы отразить предстоящий натиск големов, которых увидела во сне Амелия перед битвой.

Через несколько секунд, вёльвы призвали в этот мир големов. Те вырастали из под земли, являя собой мощные глиняные тела в купе с камнем. Порождённые магией существа, со всей силы набросились на стену из корней. Тара заметив, что стена в некоторых местах начала ослабевать, выхватила лук отца из-за спины и начала читать заклинание.

— Агнитус вьетон элёрум! — проговорила она тонким голосом.

Лук озарился ослепительным светом и стрелы его наполнились разрушительным волшебством. Светловолосая дева начала выпускать стрелы, вонзающиеся в тела големов, из-за чего те рассыпались и превращались в пыль.

Одна из вёльв заметив свечение, напустила на Тару стаю чумных псов. Из пасти их текла зараженная слюна, а кожа была покрыта засохшими струпьями. Карлин бросилась защищать сестру, навлекая на стаю шквал ветра, который сбрасывал их с возвышенности и ломал им кости. Одна из гончих успела укусить Карлин и та повалилась на землю, корчившись от боли. Рваная рана её кровоточила и по телу начинала медленно разноситься зараза. К ней подбежала Тара.

— Карлин, лежи смирно! — проговорила уверенно сестра, но в голосе её ощущалось волнение, — Потерпи, с тобой всё будет в порядке, — Тара приложила на рану прядь волос их матери и начала читать заклинание.

Волшебные локоны должны были усилить действие исцеляющей магии. Юная ведьма семь раз повторяла одну и ту же фразу.

— Лактимус инъекто!

На её глазах у Карлин из раны вышли сгустки заражённой крови, а кожа затянулась. Тара подала старшей сестре руку и они вернулись к битве.

В глубине леса в этот момент под грудой трупов из врагов и своих подданных, лежал Розгальд. Лицо его было покрыто засохшей грязью, а тёмно-синие глаза взирали на высокие кроны деревьев. Королю казалось, что всё это сон, беспечное небо пронзали теплые лучи солнца. У него звенело в ушах и он чувствовал боль в затылке. Откуда-то над ним возник сильно размахивающий руками Хорстар, рот его открывался, но Розгальд не мог разобрать слов. Главнокомандующий начал оттаскивать трупы и затем помог подняться своему королю. Из-за быстрого подъёма на ноги, у Розгальда потемнело в глазах и стараясь прийти в себя, он начал часто моргать. Слух вернулся к мудрому правителю и наконец он услышал Хорстара, который придерживал его.

— Милорд, где же чертовы эльфы?! — прохрипел главнокомандующий, нахмутив брови.

Розгальд оглянулся по сторонам. Вокруг царил хаос. Земля так была пропитана кровью, что от неё хлюпало под ногами. Всюду валялись отрубленные руки и ноги, а лица воинов настолько изуродовано выглядели, что их невозможно было распознать. Ужасные вопли разносились эхом по всему лесу Редвуд. Рядом сражались воины, вспарывая друг другу

животы, из которых вываливались кишки.

— Эриндел дал мне слово! Он обещал, что придёт! — нервно изрёк король.

Перевес

Вокруг Розгальда с Хорстаром замыкалось кольцо из павших воинов с обеих сторон. К ним подступали хайрианцы и лица тех были забрызганы кровью, а мышцы рук напряжены от многочисленных взмахов топорами. На их плащах из шкур, твердыми комками засохла грязь. Король Дормана и его верный главнокомандующий, прислонились друг к другу спиной.

Хорстар держал тяжёлый меч наготове, пытаясь прибрать выбившуюся из косы бороду. Розгальд слегка пошатываясь, опирался на рукоять клинка, голова его была поникнута и на затылке рдела запекшаяся кровь. Он с трудом дышал, но смог вновь выпрямиться и в глазах у него горела решимость. В мыслях всплывал образ жены и его обещания, данные ей и своему народу. Король осознавал, что они висят на волоске от неминуемого поражения. В сражающейся толпе, мудрый правитель заметил яростно разящего всех на своём пути, лидера хайрианцев. Хенрик держал двумя руками огромную секиру и размахивая ей, перерубал врагов пополам. Бегущих на него воинов, сбивал с ног мощным ударом ноги. Взгляды правителей двух королевств пересеклись и в них горела взаимная ненависть.

— Держать свои позиции! — кричал солдатам надрывно Хорстар, — Колите насмерть этих чёртовых брыдлей!

По лесу разнеслись звуки горна и небо резко потемнело, словно солнце заволокли тучи. Со свистом над головами дорманцев пронеслась волна стрел, вонзающихся в тела хайрианцев. Среди высоких деревьев двигались ровно в один шаг эльфы, облаченные в серебряные доспехи и в руках они держали изящные луки с прочной тетивой. Те точно выполняли приказы своего повелителя. Эриндел ехал впереди, сидя на быстро мчащемся вилороге. Пепельные волосы его покрывал сияющий шлем, с длинным гребнем.

— Не прошло и двух зим, как они появились! — иронично заметил Валунд, только что разобравшийся со своим противником. — Видимо долго укладывали свои волосы и подбирали перья на шлемах в тон.

Для воинов Хайриана это стало полной неожиданностью, но не для самого Хенрика. Тот был предусмотрителен и всегда держал карту в рукаве. Главная из вельв увидела пехоту эльфов, стремящуюся в лес и подала с помощью посоха знак катапультам, затаенным на всякий случай в чаще у дальнего конца поля боя. Так наказал ей поступить перед битвой Хенрик, если произойдет что-то непредвиденное. Заряжающие, увидев сигнал, начали наводить катапульты в сторону подкрепления. Эльфы падали с разможженными костями на поле брани и не могли пробраться к союзникам, поэтому Эриндел направил наездниц верхом на грифонах, чтобы остановить этот шквал из метательных орудий. Подлетев к машинам, девы обрушили на них огненный поток, испепелив всё до тла. Теперь эльфам ничего не мешало примкнуть к воинам Розгальда. Ход сражения изменился в пользу Дормана. Прилив новых сил в ряды, помог оттеснить врага назад. Хенрик понимал, что если он сейчас не подаст сигнал к отступлению, то не только проиграет эту битву, но ещё и потеряет всех своих людей. Не успевая забирать с собой раненых, хайрианцы начали отходить.

— Они бегут, милорд! — прозвучал восторженный крик Хорстара. — Догоняйте и добивайте этих упырей! — обратился он к подчинённым, подняв знамя и помчавшись вперёд.

Розгальд глядел вдаль, вкушая горький вкус победы и думал о том, сколько здесь потеряно жизней. Многие мужья не вернутся к жёнам и детям. Но это всё было не зря, ведь они защитили свою землю и свои семьи. Мысли его прервал оклик.

— Приветствую тебя, Розгальд! — глаза эльфа скользнули по снаряжению короля. — Рад, что мой дар пришёлся в пору.

— Я никогда не сомневался в мастерстве эльфов. Спасибо тебе! — Если честно, то я думал, что ты уже не успеешь, — с усмешкой добавил правитель Дормана.

— Однако, я стою здесь и уговор соблюден, — твёрдо заключил Эриндел. — Я всегда держу данное мною слово!

— В этом я и не сомневался, мой друг!

Короли пожали руки, похлопав друг друга по плечу.

После окончания боя, начали разбивать лагерь, чтобы отдохнуть и перевязать раненых. Повсюду стояли котлы с бурлящей похлебкой. Из палаток, где ухаживали за покалеченными, доносились вопли. По очереди формировали погребальные костры для павших в битве. Эльфы сновали туда и сюда, разнося лечебные зелья.

Наконец-то солдаты могли отдохнуть и прийти в себя. Сидя у костра, они передавали друг другу горячительный грог и пели песни о воинской славе.

Амелия с подругами находилась в палатке, где они пытались смыть с себя грязь и кровь.

— Сейчас бы принять горячую ванну с расслабляющими травами, — со вздохом сказала Карлин.

— Не знаю, а мне и так нормально, — закинув ногу на ногу и держа в руках кружку эля, на веселе растягивала слова Тара.

Вокруг неё лежало три опустошенных баклаги из под напитка.

— Ты хотя бы дождалась, когда приготовится еда, а то будешь валяться, словно городской пьяница после трактира, — подняв брови и с улыбкой обратилась к ней Амелия.

— Я хоть и маленькая, но крепкая, как бык. И вам бы, девочки, тоже не помешало пригубить немного эля. День сегодня был жарковатый, — уже заплетающимся языком, парировала Тара.

— Я думаю, что тебе всё же хватит, сестрёнка! — подошла к ней Карлин и забрала кружку.

— Что? — возмутилась юная ведьма, — Взгляните на меня, я абсолютно в норме. Могу даже сделать кувырок.

После своих слов, Тара поднялась и у неё подкосились ноги. Девушки подхватили её и уложили на меховые шкуры.

— Это не то, что вы подумали. Я просто устала сильно, целый день вас спасала. Сейчас посплю немного и силы ко мне вернутся! — заключила, засыпающая Тара.

— Её можно понять, ведь сегодня ты чуть не умерла! — нежным и тихим голосом обратилась Амелия к Карлин, положив подруге на плечо руку.

— Я знаю! Мы это всё, что есть друг у друга, — сказала Карлин, глядя на сопевшую сестру.

В сгущавшихся сумерках, обратно вернулся Хорстар с десятком людей. Уставшие кони их нервно били копытами и взмахивали густыми хвостами.

— Как обстановка? — спросил Розгальд, приближаясь к пьющему воду из черпака, командиру.

Вытерев рот рукавом, Хорстар ответил.

— Наши люди продолжают двигаться к пограничным крепостям. Я приказал им занять их и следить за тем, чтобы эта погань больше не сунулась в наши земли.

— Отличная работа! Они ещё долго не решатся вернуться после таких потерь, — сказал король, сомкнув за спиной руки. — Отдыхай, Хорстар! На рассвете мы будем прощаться с нашими павшими братьями и сёстрами, — кивнув военачальнику, Розгальд вернулся в шатёр.

Ранним утром, в поле стали видны длинные ряды погребальных костров выложенных пластами, на них складывали тела умерших. Розгальд и Эриндел сказали прощальную речь, после которой ведьмы подожгли костры. Долго ввысь возносились высокие языки пламени, а холодные ветра развеивали пепел на многие мили королевства Дорман.

После церемонии погребения начали постепенно снимать лагерь, для возвращения в столицу. Когда союзные войска расходились, король эльфов подошел проститься с Розгальдом.

— Для меня было честью сражаться рядом с тобой! Через месяц я посету Остбон!

— Я благодарен тебе за всё, Эриндел! И буду рад тебя видеть у себя во дворце.

Правитель Лириана оседлал вилорога и умчался вдаль со своей армией.

По королевскому саду гуляла Тисса в сопровождении фрейлин. Взгляд её был печален и лицо осунулось.

— Оливия, нет ли вестей от моего мужа? — обратилась королева к одной из придворных дам.

— Новостей ещё не было, моя госпожа! — пролепетала, склонившись в поклоне девушка.

Тисса начала нервно крутить кольцо на пальце, прикусив губу. Одинокие ночи её были бессонными, поэтому она просила слуг, заваривать для неё успокаивающий отвар.

Во время очередного обеда, королева вновь сидела без аппетита, уныло ковыряя вилкой по сочному и ароматному осетру. В трапезную ворвался покрасневший и запыхавшийся слуга.

— Что вы себе позволяете?! Как смее вы без стука и разрешения тревожить меня во время трапезы? — строго отчитала подчинённого Тисса.

— Прошу простить меня, Ваше Величество! — почтенно кланяясь, отвечал слуга, — У меня важные новости для вас. В скором времени должен прибыть король в столицу с благой вестью. Наш король разгромил войско Хенрика у леса Редвуд.

Тисса резко вскочила из-за стола и приказала разнести эту радостную весть по всему городу.

— Начинайте готовиться к торжественному приёму! — гордо и сияя от счастья, громко приказала она своим подданным.

Под звуки труб во врата въехал король, всюду сновали ликующие и приветствующие жители. Жёны бежали в объятия к своим мужьям, вернувшимся с войны. Глаза некоторых женщин бегали по стройному ряду воинов и не находя своих близких, наполнялись горем и отчаянием.

Розгальд резво спрыгнув с коня, отдал поводья прислуге. Стремительно он промчался в покои по ступеням. На встречу выбежала жена и бросилась к нему в объятия. Она покрывала его лицо и руки поцелуями.

— О Боги, ты вернулся! Ты даже не представляешь, как я счастлива вновь видеть твои глаза и ощущать тепло твоих рук! У меня для тебя хорошие новости, — нежно прошептала

она и положила руку мужа себе на живот.

Лицо Розгальда расплылось в широкой улыбке.

— У меня будет наследник или наследница! Ты меня осчастливила, Тисса!

Король вышел на террасу перед народом и объявил о начале пира. В главный зал замка начал стекаться люд и всюду играла музыка.

— Пойдемте в более предпочтительное местечко! — предложила Тара подруге с сестрой.

Ведьмы направились в трактир, в котором взяли себе свиные рёбра и полные кружки эля.

— Сестра, а тут хороший эль! Может и мужчины такие же здесь, — игриво подметила Карлин.

— Ты только не заводи здесь долгих интрижек, а то ещё притащишь снова в наш дом своего мужика, — посмеялась над ней Тара, — И будет всё как в прошлый раз, когда я увидела твоего бывшего ухажёра с припущенными портками и с моим ожирелием в руках. Пришлось стереть ему память.

— Да брось, было же весело. Я никогда не забуду, как он верещал, привязанный гольшом к свинье и выпущенный скакать на ней по улицам.

— Да, это было что-то великолепное, — засмеялась Амелия.

Просмеявшись, она заприметила за другим столиком симпатичного мужчину в коричневом кафтане и с плащом из белого меха. На поясе, покрытом красной льняной тканью, у него висел тёмный кожаный ремень и был пристёгнут меч в ножнах. Он курил трубку, попивая эль. Мужчина почувствовал скользкий по себе взгляд ведьмы и улыбнулся ей.

— Мне улыбнулся тот красавчик, — шёпотом сказала Амелия подругам.

— Какой? — дружно спросили сестры.

— Да вон, который сидит у окна в конце зала, — отвечала она им, слегка кивая в ту сторону.

Подруги взглянули в указанном направлении.

— Но там же никого нет, а ты ещё даже к элю не притронулась, — пошутили они.

Амелия удивилась и за её спиной раздался голос.

— Дамы, разрешите угостить вас? — перед ними стоял с дружелюбным видом, тот самый мужчина.

Знакомство

Перед ними стоял мужчина высокого роста. Длинные шоколадные волосы его были завязаны в тугий пучок, а его карие глаза отдавали оттенком миндаля. Мощные скулы покрывала короткая борода.

— Мы не против! — оценивающе посмотрев на незнакомца сказали ведьмы.

Он подсел к ним за стол и заказал нарезанное мясо с элем. Все друг другу начали представляться.

— А вас как зовут? — спросила рыжеволосая девушка.

— Конрад.

— Вы участвовали в битве? — поинтересовалась Тара.

— Нет, я только прибыл в эти края.

— Жаль, вы пропустили такое зрелище, — с сарказмом вставила Амелия.

— А вы что участвовали в битве?

— Да, — откинувшись на спинку лавки, устало протянула Тара. — Наши способности были как раз кстати. Никогда не забуду запах горелой плоти.

— И какие же у вас способности? — улыбнулся собеседник.

Амелия пристально уставилась в уже выпитую кружку из-под эля и на глазах Конрада, та сама по себе наполнилась вновь напитком.

— А это полезная сила! — рассмеялся мужчина. — Вас наверное за это не очень-то жалуют в подобных заведениях?!

— По-разному бывает, — вздохнула Карлин, облокотившись на стол и подперев голову рукой. — Как-то в одной из королевских резиденций у местного правителя во время пира закончилась выпивка, и тот обратился к нам за помощью. Всегда когда им что-то нужно, то они бегут к нам. В обычное же время, все сторонятся нас, потому что видите ли боятся, что мы можем превратить их в мышей, — закатила глаза девушка. — Как-будто нам делать нечего!

— Так вы помогли ему?

Ведьмы переглянулись между собой и разразилась диким хохотом.

— О да, ещё как! — просмеявшись продолжила Карлин. — Мы наполнили все бочки доверху бычьей мочой.

— И поделом тому толстому скряге! — хлопнула по столу Тара. — Нечего скупердяйничать на выпивку.

— Действительно, небось решил набить себе карманы лишний раз! — сложив руки на груди сказала Амелия. — Будет знать, как за спиной поливать нас грязью, а чуть приспичит сразу бежать с просьбами к нам. Мы что похожи на трактирщиц или того хуже, на шутов?!

— Я смотрю, вы не из робких, — Конрад поднял кружку вверх. — Пью за вашу смелость, чародейки!

— Хорошо подмечено! — ответили девушки, чокаясь кружками.

— А теперь ты нам поведай немного о себе, — обратилась Амелия, убрав локон своих огненно-рыжих волос за ухо.

— Надо припомнить, — отпив эля и немного подумав, он начал свой рассказ. — Сам я наёмник и примыкал ко многим правителям в их походах. Для меня не было важным то, чем

они занимались. Главное, мне неплохо платили золотом. Как-то раз предложили отличную работенку, на которой пришлось столкнуться с редкостной тварью. Это был крупный болотник и обитал он у пещеры в окрестностях озера Линтуус. Это существо нападало на местных жителей деревень по ночам, оставляя после себя груды трупов поселенцев и недоеденного скота. Мы с людьми наместника два дня выслеживали монстра и наконец обнаружили его укрытие, — Конрад остановился, чтобы набить табаком трубку и после того, как выпустил из носа две струи дыма, продолжил. — Перед входом в логово мы зажгли факелы и пробираясь вглубь пещеры, начали различать вокруг уйму костей. Болотника нигде не было видно, мы были уверены, что он прячется где-то в тени. Как это обычно и бывает, всё пошло не так как было задумано. Внезапно перед солдатами, идущими впереди, выскочило серо-зеленое высокое чудовище и набросилось напрямиком на них, растерзывая своими когтистыми лапами их тела на куски. Один из воинов нанёс удар по болотнику, сильно ранив того. Монстр не собирался так просто сдаваться и вцепился своей раздвигающейся в разные стороны пастью в него, сжимая всё сильнее свою челюсть. Я не стал ждать пока тварь с ним закончит, просто не мог допустить, чтобы оно убило еще одного из моих людей. Это был отличный шанс для убийства существа. Поэтому я подбежал к нему вплотную, пока тот был отвлечен и отрубил чудовищу его огромную голову. Башка его ещё долго при свете факелов трепыхлась, а красные глаза свирепо взирали на нас, но вскоре из неё всё же издался последний гнилостный вздох. Парень, кстати, выжил, правда после пережитого оказалось, что пару ребер всё-таки было сломано, но это было ожидаемо после такой-то поездки, — сделав глубокую затяжку ухмыльнулся Конрад. — Собственно поэтому я сижу в этом трактире. Мы должны были с ним встретиться здесь. Как всегда, опаздывает, — постучал по столу пальцами наёмник, выпуская клубы дыма.

— Опасная у тебя работенка. Наверно часто приходится несладко? — с заинтересованностью сказала Амелия.

— Да. Заданий подобных этому у меня бывает много.

— Конрад — сучий потрох! Я смотрю ты опять рассказываешь байки про свой огромный хрен, дабы соблазнить девушек! — прозвучал громкий голос, вошедшего мужчины. — Не верьте ему! Там такой стручок, что над ним даже червяки потешаются.

Незнакомец скинул с себя капюшон, с которого скатывались капли дождя. Голову покрывала растрепанная тёмная шевелюра с бакенбардами. Он направился в сторону стола, по дороге подмигнув распутным девкам, стоявшим у стойки в вызывающе-ярких платьях.

— Грегори! — воскликнул, обернувшись к дверям Конрад. — Повитуха бы успела принять на свет десятерых, пока я ждал тебя.

— Извини, я был слегка занят. Мне нужно было остаться в живых и при этом доказать, что ребёнок не от меня.

— Опять нагулял кого-то?

— Ты издеваешься! — взмахнул руками Грегори. — Вообще-то я всегда очень осторожен в этих вопросах. Не зря я пью специальное снадобье.

Друзья крепко обнялись друг с другом и Грегори подсел к ним за стол.

— Прошу, знакомьтесь, это тот самый воин, который чуть было не помер мучительной смертью, — с наигранной серьёзностью указал рукой Конрад на друга.

— Приятно познакомиться! — дружно ответили ведьмы.

— И мне тоже! — улыбнулся Грегори. — Только он слишком преувеличивает. Ещё бы чуть-чуть и я бы сам смог поразить ту тварь и без его помощи.

Компания до поздней ночи просидела за разговорами, осушая одну кружку за другой.

— Скоро рассвет. Нам пора бы отдохнуть, — сказала Амелия мужчинам, глядя на своих сонных подруг.

— Я надеюсь, что мы с вами ещё встретимся, — произнёс Конрад, протягивая руку для пожатия.

— Несомненно! — с полной уверенностью ответила девушка.

— Такое чувство, что вы точно всё знаете наперёд, — сощурил глаза Грегори.

— К сожалению, не всё, — опустила глаза ведьма.

Амелия с сёстрами поднялась наверх помахав на прощание собеседникам, а мужчины напоследок пожелали им спокойной ночи.

Сидя в креслах у камина, оставшись наедине, двое друзей принялись обсуждать свои дальнейшие планы.

— Ну так куда мы на этот раз отправляемся? — спросил Конрад.

— В один из самых шикарных домов терпимости Остбона, где нас уже ждут большегрудые близняшки, — сказал в предвкушении Грегори.

— Болван, я про предстоящую работу!

— А-а, — очнувшись от витающих в голове фантазий, протянул напарник. — Я говорил с местным командиром Хориком, ой, или как его там, — поднял глаза вверх Грегори, пытаясь вспомнить имя. — Кажется Хорстаром. В общем, он сказал прибыть нам к нему с утра, тот всё подробно изложит.

— Тогда нам нужно выспаться, а не бегать по распутным девкам!

— Конрад, ты постарел, дружище! Что уже выбиваешься из сил?! — подшутил Грегори.

— А ты, что хочешь упустить хороший куш, проспав встречу?! Чем ты потом будешь расплачиваться в этих же самых борделях?

— Я спокойно могу не спать хоть двое суток подряд! — поднял брови Грегори.

— Да, а потом в схватке словишь топор лбом из-за своего недосыпа, — проворчал Конрад.

— Ладно, черт с тобой! Спать так спать, — махнув рукой и направившись к лестнице, нехотя произнёс напарник.

Ночь была довольно шумная, смех и музыка еще долго не утихали на улицах Остбона. Кругом царило веселье, пьянство и разгулье.

С наступлением утра, солнце нетерпеливо ворвалось в каждый дом. Конрад поморщился от яркого света, падающего на него сквозь окно. Немного поёжившись в кровати, он встал, чтобы умыться. На соседней кровати спал Грегори.

— Просыпайся, гуляка! — пнул Конрад, спящего друга.

— Тара, за что? Ведь я всего лишь полизал... — завопил Грегори, быстро вскочив, но не договорил, поняв, что это был всего лишь сон.

— Тара? — засмеялся Конрад.

— Да, мне снился шикарный сон, — заулыбался Грегори, растирая ушибленное место. — Наши вчерашние спутницы все были у меня в постели и я так был счастлив, пока ты, коровья лепеха, не пнул меня на том самом моменте, когда я пытался доставить языком удовольствие Таре.

— Ну, ты и фантазёр! В эту постель максимум смогла бы поместиться только одна кривая волосатая лилипутка из лесов!

— Фу, Конрад! — замотал головой Грегори, словно в попытке избавиться от своего

воображения. — Умеешь ты испортить удовольствие после хорошего сна. Если тебе самому ничего не снилось, то зачем издеваться над другими?! — Грегори хитро взглянул на друга. — Или может снилось?

— Нет, мне ничего не снилось, — ответил Конрад, взяв полотенце и направившись в уборную вниз.

Конрад в задумчивости спускался по ступенькам, вспоминая свой сон, которым ему не хотелось делиться. В мыслях вновь оживал нежный образ Амелии и то, как они с ней плавали голыми под луной. А потом были обрывки его частых кошмаров, в которых он возвращался к своему голодному детству. В последнее время мать ему не снилась, но он часто держал в голове её предсмертный лик, когда она пригласила его к себе, чтобы сказать что-то важное, но так и не успела это произнести. Она извинялась перед ним своим слабым голосом, постоянно повторяя про то, что по-другому она не могла поступить. Мать сожалела о судьбе сына и кляла себя за слабость, и страх. Перед глазами Конрада сейчас были её впавшие, но такие же карие глаза с миндальным оттенком, как и у него самого. Последняя фраза до сих пор не давала ему покоя, как и его одинокое детство: "Мой мальчик, я знаю, что ты скорее всего никогда не сможешь простить меня за то, что я не была с тобой рядом все эти годы. Но ты не был тому виной, я каждый день молилась за тебя всем богам, чтобы ты рос не в обиде на мир. В тебе, Конрад, течёт необычная кровь. Я уверена, что тебя ждёт великое будущее, — её голос стал совсем тихим, так что юноше пришлось приблизиться как можно ближе к этой чужой женщине, которая заявляла, что она его мать. — Мне нужно признаться и рассказать тебе правду о твоём роде... — И тут голос её бесследно исчез, упархнув из этого мира на крыльях смерти."

Конрад решил сейчас об этом не думать, чтобы голова и душа были спокойными перед новым заданием.

Собравшись, друзья покинули таверну и помчались галопом во дворец, поднимая вокруг себя пыль, серебрящуюся на свету. Когда они передали своих скакунов слугам, их проводили в тренировочный зал, в котором обычно обучаются военным приёмам молодые люди, поступающие в армию короля, а сам главнокомандующий принимает у них экзамен по технике. Но сегодня на рассвете после большого победного пира, в зале никого не было, кроме самого Хорстара и трёх ведьм. Военачальник восседал за дубовым пыльным столом, обхватив голову руками, а Карлин что-то заваривала ему в кружке.

Стража объявила о приходе посетителей.

— А, вот и славные наёмники! Наслышан о ваших подвигах, — обратился к ним Хорстар, подняв голову. — Не обращайтесь внимания на мой потрепанный вид и отёкшее лицо. Вчера всё же был пир. Я славно отдохнул, теперь вот приходится расплачиваться за веселье, — он указал рукой на темноволосую деву. — Любезная Карлин делает мне облегчающее снадобье.

Конрад и Грегори поприветствовали его, но продолжали вопросительно и удивлённо смотреть на своих вчерашних знакомых.

— Вот это совпадение, дамы! — улыбнулся Грегори, слегка поклонившись девушкам.

— О, так вы знакомы?! — заметил Хорстар. — Это очень хорошо! В любом бою, важно доверять стоящему с вами рядом.

Все три ведьмы улыбались и похоже совсем не удивлялись такой встрече.

— Амелия, ты оказалась права, — обратился к ней Конрад, наполненный восхищением от её красоты.

Тара помахала рукой Грегори, отчего тот немного смутился и ненадолго покрылся румянцем.

— Что ж, предлагаю сразу перейти к сути, — отпив из кружки целебный отвар, начал Хорстар. — Сейчас все мои люди слегка заняты преследованием врагов, охраной границ и большинство находится в госпитале. А в это время на нашей земле в большом селении под названием Иезавель, началась какая-то чертовщина. Не успел я вернуться в город с сражения, как гонцы, посланные оттуда, облепили меня, словно пчёлы мёд. Как я понял по их словам, то дела там обстоят прямо-таки скверно. На окрестности селения по ночам или на рассвете находит какой-то жуткий туман, в котором исчезают жители. Слишком много пропавших, они до сих пор не найдены. С первых происшествий уже прошло несколько недель. Народ напуган, крестьяне боятся выходить из домов. Так и до голода недалеко. В общем, с этим таинственным делом нужно немедленно разобраться. Так как многое там непонятно и могут быть впутаны тёмные силы, то самые сильные ведьмы из ковена отправятся с вами. Ваша задача: выяснить, что там происходит. Если осилите это дело, то казна Его Величества не скупится.

Все в зале задумались над тем, что бы это могло быть.

— Как туда добраться? — спросил Конрад.

— О, я знаю, — прозвучал в молчании, словно звон колокольчиков, голос Карлин. — Я была в тех местах когда-то с друзьями. Это в трёх днях пути отсюда на конях, а если не останавливаться на долгий ночлег, то в двух.

Конрад кивнул.

— Когда вы сможете выступить? — спросил Хорстар.

Мужчины и девушки переглянулись.

— Я полагаю, что через пару часов. Нам нужно заехать домой, чтобы взять с собой на всякий случай необходимые магические вещи. Неизвестно, что это может быть, — сказала Тара и все остальные с ней согласились.

— Это верно, — изрёк военачальник.

Команда направилась в путь.

— Далеко ли ваш дом, красавицы? — спросил Грегори, перекинув поводья от упряжи в одну руку.

— За городом, как раз по пути в Иезавель, — ответила Карлин.

— И вы живёте все вместе? — поинтересовался Конрад.

— Да, вместе веселее, — произнесла Тара. — Когда наши родители умерли, Амелия переехала жить к нам.

— Почему если не секрет? — обратился Грегори к чародейке.

— Нет, не секрет, — улыбнулась слегка девушка. — Вместе всегда лучше. Мы были нужны друг другу. Да и к тому же моя семья очень старого знатного рода, поэтому они никогда не могли принять мои способности.

— Что ж, у каждого свои тяготы на пути, — вздохнул Грегори.

— У тебя тоже проблемы с семьёй? — взглянула на Грегори Амелия.

— О, нет, у меня всё совсем просто, — печально улыбнулся тот. — В восемь лет мои родители отправили меня работать помощником в военное училище, после чего так и не навещали меня. Так что моими родителями с тех пор являются армия и меч.

— Это грустно, — сказала Тара, подъехав на скакуне к Грегори и положив ему руку на запястье.

Грегори весь покрылся краской и Конрад, заметивший это, широко заулыбался.

— Чего, ты лыбишься, конья морда?! — огрызнулся на него друг.

— Да так, просто, — ответил Конрад. — Вспомнил своё весёлое детство, проведённое на улице.

— А ты всегда вспоминаешь тяжёлые времена с иронией? — спросила Амелия, сочувственно глядя на него.

— Я стараюсь вообще не переживать о прошлом, — солгал Конрад.

Молодые люди уже выезжали за город и вдаль начали виднеться широкие поля, где резвились молодые кони. С дороги спускалась тропа, ведущая в лес. На краю которого стоял двухэтажный длинный дом, выстроенный из коричневого камня и покрытый глиной.

— Вот мы и на месте, — быстро протараторила Тара, спрыгивая с пегой кобылы. — Мы быстро соберем всё, что нам нужно, а вы, парни, не стесняйтесь, проходите в дом. Скажу кухарке, чтобы она сделала вам чай.

— Леди, вы наконец-то приехали! — воскликнула, выбежавшая к ним полная и розовощекая женщина в сером переднике. — Я переживала! Война окончилась, а вас всё нет.

— Тереза, ты как всегда слишком много волнуешься, — обняла её Карлин. — Мы просто слишком устали и решили остановиться в Остбоне. Но сейчас снова отправляемся в путь по поручению короля, поэтому пожалуйста сделай чай нашим гостям, пока мы соберем вещи.

— Да ветвь Дахмана мне в руки, не успели войти в дом, как снова его покидаете, — всплеснула руками кухарка.

Грегори и Конрад пошли за причитающей Терезой внутрь. В доме было светло и жарко от высоких окон, и топящихся каминов. Они вошли в гостевую комнату, больше похожую на библиотеку, так как всюду стояли наполненные книгами шкафы. Кресла были обтянуты бархатом лимонного цвета, а деревянный столик накрывала цветочная скатерть, вышитая вручную. На полу расстился пёстрый ковёр с орнаментом, а в центральной части стены располагался камин. Молодые люди уселись в кресла и Конрад заметил в конце зала, приоткрытую дверь. Оттуда доносился приятный запах сушёных трав и едва различимо виднелись какие-то склянки, стоявшие на полках и на столе. На ноги Грегори набросился маленький пушистый щенок, обмочивший его сапоги.

— Ой, пушистик, что ты натворил?! — обратилась к щенку женщина, держа в руках поднос с чайным сервизом. — Простите его, пожалуйста! Никак не могу его приучить ходить по нужде на улицу.

— Ничего страшного, — почесав затылок сказал Грегори.

Конрад, сидевший рядом в кресле, едва сдерживал смехок.

Друзьям дом показался очень уютным и они были рады почувствовать настоящее домашнее тепло, которого им не доставало.

Задание

По бескрайним полям в лучах заходящего солнца, быстрым аллюром передвигалось пять всадников. Зайцы издали слышали топот, разносимый из-под мощных копыт и с быстробьющимся сердцем уносились под защиту леса. В воздухе пахло свежестью и ветер развеивал у ведьм распущенные волосы с маленькими косами. К сёдлам у всех была привязана поклажа.

— Как вы думаете, кто может похищать людей? — взглянул на спутников Грегори, заставив перейти коня на шаг.

— Может их и вовсе никто не похищал, — пожала плечами Тара. — А они сами ушли.

— Сразу чуть ли не вся половина селения?! — воскликнула Карлин.

— А что? — похлопала глазами та. — Всякое бывает.

— Я вот думаю, что это может быть очень сильным проклятием, которое породила ярость при потере от убийства чьего-то близкого человека или ребенка, — Карлин оперлась о луку седла. — А может быть, это проклятие наслано восьмью безмолвными из мира теней? Помнишь, как родители про них рассказывали? При битве с безмолвными погиб наш с тобой дед. Они приходили из тумана и выжигали глаза каждому кто их встретит, а затем забирали с собой.

— Это точно не безмолвные, ведь наши предки их прогнали.

— Тара, я не думаю, что безмолвные не способны вернуться со временем из любого измерения, — обратилась к ней Амелия. — Но я с тобой согласна в том, что это не они. Для них это слишком мелко, да и к тому же, если это так, то нам всем крышка. Я тоже слышала ту историю про древнюю битву и в ней принимали сражение сотни магов, ведьм и эльфов. Мы не продержимся и часа в таком случае.

— А вы, девушки, умеете задать настрой, — с долей сарказма произнёс Конрад.

Таре стало немного жутко и лицо её побледнело, так как она с детства очень боялась историй про безмолвных: приходящие из мира теней являлись одними из самых жутких и всемогущих воплощений потустороннего мира.

— А я в вас, красотки, не сомневаюсь, — заметив беспокойство Тары, Грегори успокаивающе подмигнул ей. — Я считаю, что девушки, способные наколдовать эль, уж точно смогут совладать хоть с самими богами.

Таре понравилось, что Грегори способен снять душевное напряжение одной только фразой. Ей казалось, что в чём-то их характеры схожи.

— А ты, Конрад, встречался с подобным? — обратилась к нему, ехавшая рядом Амелия, придерживая капюшон на голове изящной рукой в браслетах.

— С исчезновениями в тумане? — он приложил пальцы к подбородку, припоминая что-то похожее. — Нет, пожалуй, с таким я ещё не сталкивался. Но я был бы весьма рад, если бы версия Тары оказалась верной, тогда, считай самые лёгкие деньги в моей жизни оказались бы в кармане.

Амелия не ожидала такого ответа и широко улыбнулась, озарив этим спутника.

— Таким как мы, деньги никогда не будут доставаться легко. Ты ведь прекрасно понимаешь, что никто в здравом уме не бросит свой дом просто так, — завершила она.

Но Конрад уже не совсем слышал то, что ведьма ему сказала. Взгляд его замер на её румянном лице и на таких нежных притягивающих, словно магнит, губах. Он не понимал, как можно быть настолько красивой и в тоже время интересной личностью. Все девушки, которые встречались ему раньше были либо слишком привлекательны, но в тоже время жутко раздражали его. Либо встречались загадочные дамы, но не притягивающие его так к себе, как она. Наёмнику это было не совсем по душе. Зарождающееся влечение к ней даже настораживало его.

— Начинают сгущаться сумерки, поэтому предлагаю остановиться на той опушке среди деревьев, — громко произнёс Конрад.

Маленькая процессия замедлила ход и всадники спешили. Грегори с Конрадом принесли дрова, а ведьмы разожгли костер. Карлин отправилась угощать яблоками лошадей, а Тара с Амелией нарезали овощи и мясо в суп. На небе проявлялись мириады звёзд. Мужчины установили для девушек небольшую самодельную палатку. После чего все уселись есть горячий суп, сваренный на скорую руку.

— Очень сытная и вкусная похлёбка получилась, — сказал Грегори. — Давно я так в походах не ел. С Конрадом мы обычно ели сухие пайки или просто мясо пойманной дичи.

Ведьмы улыбнулись в ответ на похвалу, а Грегори потянулся за хлебом и его миска соскользнула с колен. Пытаясь резко остановить её падение, он только всё ухудшил, окончательно опрокинув её на грудь, сидевшей рядом Таре. Девушка взвизгнула и подскочила от горячего содержимого.

— Вот черт, как жжёт, — пытаюсь отлепить от кожи, прилипающее платье, кричала Тара.

— Переоденься и промочи слегка травяным раствором ожог, — подошла к ней сестра, — он в моей сумке.

— Карлин, я не маленькая уже, сама всё знаю, — протараторила девушка и быстро скрылась в палатке.

Грегори был в шоке от своей неуклюжести и даже не успел извиниться, поэтому он несуразно вскочил и помчался за ней. Забежав резко в палатку, Грегори от неожиданности упал. Там, в свете свечей, Тара уже скинула с себя платье и была абсолютно обнаженной. На её белоснежных, как снег и стройных ногах танцевали тени от огней. Между упругими грудями проявлялось розовое пятно. Девушка смутилась, но начала звонко смеяться, быстро укутываясь в плед.

— И как понимать твоё падение, Грегори? — наконец, выговорила она. — От моей груди ещё никто так не приходил в ужас.

— В ужас?! — вскочил он с земли. — Я... нет. Ну, что ты, Тара, я наоборот в восторге. Ой, черт, то есть, — у Грегори начал заплетаться язык, но он выдохнул и смог совладеть с собой. — В общем, я пришёл, чтобы извиниться за то, что я криворукий. И да, я заметил ожог уже проявился, а чтобы кожа не покрылась волдырями нужно смазать мёдом. У меня как раз с собой есть небольшой запас, потому что мёд подходит на все случаи жизни. Я сейчас принесу тебе.

— Грегори, не извиняйся. Я ведь тебя не виню.

Через пару минут он вернулся с маленькой посудинкой из чёрного металла.

— Нужно намазать совсем тонким слоем аккуратно. Я могу помочь тебе смазать верх, у тебя шею тоже немного задело.

— Спасибо, — улыбнулась ему ведьма.

— Я тебя облил значит, а мне ещё и спасибо за это? — усмехнулся он, подойдя к ней и обмакнув пальцы в мёд. — Ты настоящее воплощение доброты.

Он прикоснулся к её коже рядом с ключицей, где начиналась впадинка и начал наносить сладкий мёд на красные крапинки.

— Не больно? Хотя о чем это я, само собой будет немного болеть, но не долго.

— От твоих прикосновений почему-то наоборот исчезает вся боль, — выпалила Тара, покрывшись румянцем.

Грегори густо покраснел и перестал понимать, что происходит. Прежде он не ощущал такого стеснения, проводя время с другими. Капля мёда соскользнула вниз, направившись между грудей и он автоматически направился за ней, втирая её в кожу. Быстро отдернув руку, Грегори увидел взгляд её голубых глаз и начал в них таять, как брошенный на разогретую сковороду кусок сливочного масла. Её светлые шелковистые волосы манили его и ему хотелось уткнуться в них головой. От волос веяло сочным ароматом луговых трав и казалось, что их мягкость дарует ему душевный покой. Тара отпустила плед и вернула его руку обратно на ожог. Грегори нежно смазывал её кожу, спускаясь ниже, а когда он окончил, ведьма притянула его липкие и сахарные пальцы к себе, начав их посасывать. Грегори, опустившись на колени, начал целовать её пупок, а затем повел свой влажный язык к её разгоряченному цветку. Тара не выдержала и начала постанывать, уже полностью сидя на его лице. Грегори увереннее и сильнее начал водить языком.

— Какого чёрта они так долго? Суп уже остыл, — возмутился Конрад, но услышав, доносящийся из палатки стон наслаждения, поперхнулся чаем.

Амелия похлопала его по спине.

— Всё в порядке, спасибо, — сказал он ведьме, а после чего чуть не рассмеялся, подумав о своём друге и его сне.

— Я так понимаю, что мы сегодня с тобой, Амелия, будем спать под открытым небом, — пролепетала Карлин. — А то моя сестрёнка в походе времени зря не теряет.

— Как и Грегори, — добавил Конрад. — Он, словно подсолнух в мире страсти: если видит голую женщину, то поворачивает туда.

Все дружно рассмеялись.

А Грегори, тем временем, уже лежал обнаженным на пледе с завязанными глазами и руками. Тара водила тонким пером по его возбужденному члену и рядом с ним. От этого Грегори начал приходить в экстаз, и когда он её заверил в том, что так долго не вытерпит, ведьма сняла с его глаз повязку и начала медленно погружать его в себя. По материалу палатки разносились тени изгибов от её тела. Она неустанно и не торопясь ерзала на нём, а затем начала двигаться очень быстро. Тара развязала ему руки и он прижал её сидя к себе спиной. Руки Грегори ласкали грудь ведьмы и входя в неё, тот припал носом к локонам девушки. Сейчас аромат волос казался ему ещё сильнее от влажности и сплетения их тел.

Вокруг костра все уже спали, или пытались уснуть, а постанывания от удовольствия ещё долго разносились из уст Тары. Эти стоны проносились рядом с новостренными ушами лошадей и улетали ввысь, прямо к звёздам.

Утром Конрад проснулся и начал потягиваться, кости его хрустели от лежания на твёрдой земле. Из палатки вышел улыбающийся Грегори, натягивая на себя кафтан.

— Конрад, чего так плохо выглядишь? У тебя мешки под глазами! — обратился к нему друг.

Конрад запустил в Грегори свой сапог.

— Из-за ваших ночных развлечений здесь никто не выспался, скунс ты вонючий!

Грегори понюхал под мышками.

— Нет, от меня вовсе ничем не пахнет, — ехидно улыбнулся он Конраду.

Карлин и Амелия собирали вещи.

— Ну, сестрёнка, если ещё раз мне придётся ночевать из-за тебя под открытым небом, то я наколдую тебе железные трусы, — отчитала Карлин Тару. — Между прочим рано утром моросил дождь.

— Но дождь очень полезен для кожи, Карлин, — рассмеялась Тара.

Амелия с Карлин изумлённо переглянулись и уставились на Тару, сверля её раздраженным взглядом.

— Помоги лучше нам собрать вещи, а не стой бревном, — парировала Карлин.

— Вот именно, мы все сегодня слышали, как ты скрипишь, словно старый забор на ветру, — добавила Амелия.

Через час путники уже вновь двинулись дальше. Навстречу им начинали попадаться жители Иезавеля. Напуганный народ покидал селение, забирая с собой только самое необходимое. Амелия спешила с коня и подошла к одной из семей, которая везла на телеге поклажу.

— Куда вы направляетесь? — спросила их ведьма.

— Нам повезло, — отвечал пожилой мужчина с седой головой, — ведь нам есть куда податься. Путь мы ведём к дальним родственникам из другого уезда. А вот некоторым придётся долго искать кров над головой, — печально он изрёк, показывая рукой на селян. — И многие из них потеряли своих близких бесследно в тумане. Кто-то даже не стал уходить, надеясь найти вновь родных.

Амелия кивнула ему и села обратно в седло. Команда направилась на улицы селения.

— Зачем вы туда едете? Только смерть вас ждёт там! — кричал им вслед житель. — Туман скоро придёт.

— Отлично, нам он как раз и нужен, — улыбнулась Тара.

Покидающие селение жители, смотрели на всадников, как на безумцев. На улицах было тихо, а кони нервно дергали хвостами, чувствуя неладное. Окна на всех домах были заколочены. Лишь в некоторых мелькали испуганные лица. Карлин подошла к одному из таких и постучалась.

— Откройте, пожалуйста, и скажите, что вам известно о тех несчастьях, которые творятся здесь, — громко говорила ведьма.

Но ей никто не открывал, потому что людей охватил страх и к любым незнакомцам относились сейчас с большой опаской. Понимающая это Карлин, достала из сумки бумагу с королевской печатью и приложила её к окну, чтобы изнутри хорошо было видно.

— Мы здесь по поручению его величества, — продолжила она, — чтобы помочь вам найти пропавших и разобраться в чем здесь дело.

Путники услышали, как кто-то начал отворять двери. Перед ними появилась высокая женщина в платке и с длинной косой из белоснежных волос

— Моя дочь — Аника исчезла несколько дней назад. Каждый день мы ищем её в окрестностях селения, но с наступлением тумана запираемся внутри. Прошу вас, вы сможете вернуть мне мою девочку? — жалобно взмолилась женщина.

— Не беспокойтесь, мы разберёмся в чем здесь дело и вернём вам вашу дочь, — сказала ей уверенно Карлин, взяв её за руку.

Начинал надвигаться густой туман и ведьмы с наёмниками поскакали на окраину, чтобы успеть рассмотреть хоть какие-нибудь следы.

— Зачем ты пообещала ей, что найдешь дитя? Может быть девочка уже мертва, — обратилась Тара к сестре.

— Представь себя на её месте, — отвечала Карлин. — Ей нужны были эти слова.

Грегори осматривал следы на траве.

— Здесь явно была борьба, — произнёс он. — Но дальше всё затоптано.

— Выходит это всё же не магия, а кто-то или что-то во плоти, — высказался Конрад.

Всё вокруг уже заволакивал туман и дальше чем на половину руки ничего не было видно.

— Надо держаться рядом и быть начеку, — предупредил всех Грегори, вынимая меч из ножен.

— Что-нибудь слышите? — шёпотом спросила Тара.

— Нет, — шурясь и всматриваясь по сторонам, отозвалась Карлин.

Конрад ощутил чьё-то дыхание над своим ухом и быстро присев, крикнул Таре: "Цель сзади, стреляй!". Ведьма не заставила себя долго ждать: стрела из магического лука уже пронеслась над головой наёмника и вонзилась в человеческую плоть.

— Кто ты такой? Отвечай! — вцепился в раненого Конрад.

На земле в белой мантии лежал мускулистый мужчина. На лице его чёрными красками были изображены непонятные узоры, а зрачки тёмных глаз широко расширились.

— Вам не остаться в живых, — прохрипел тот, харкая кровью. — Вы все падёте во славу Узгулуна.

Услышав это имя, Амелия встревоженно посмотрела на подруг.

— Но я думала, что это всего лишь выдумка, — воскликнула Карлин.

— Кто такой Узгулун, — выпустив из своей хватки умершего, спросил Конрад.

— Это изгнанный с неба ангел, который затем стал демоном. Но из ада его тоже изгнали, потому что власть Узгулуна невозможно укротить. Его стали называть породителем хаоса. Узгулун пожирал души целых народов, пока на земле в тёмные века не осталась всего лишь кучка людей, — ускорив речь продолжала Амелия, — его смог удержать лишь старый маг из вымершего уже рода полуночных звезд. Он остановил Узгулуна с помощью камня, отколовшегося от самой яркой звезды во Вселенной и явившегося ему во сне. Камень вставленный в волшебный посох, разъединил Узгулуна на энергетические фракции и заковал каждую в разных участках планеты глубоко под землёй.

Не успела она договорить, как на них со всех сторон набросились с палицами и цепями.

— Слева по галсу, — крикнул Грегори Конраду.

Наёмник обернулся выкинув вперёд щит о который со всей силы прилетела палица.

— Несладко сейчас досталось бы моей голове, — с юмором он обратился к Грегори.

Конрад, уклоняясь от ударов, начал со всей силы рубить мечом вправо и влево, не давая себя окружить. Последователи Узгулуна быстро передвигались в тумане, а их мантии сливались с окружением.

— У меня уже десять, — сказал ему Грегори, — а у тебя?

— Пока только семь, — отозвался Конрад, вспоров живот, бежавшему на него человеку. — Смотри, Грегори, не переусердствуй. Нам нужно, чтобы кто-то остался в живых, ведь так мы сможем найти пропавших.

— Не переживай, оставлю парочку.

Ведьмы стояли спиной друг к другу, выставив руки вперёд. Лицо Амелии было спокойно и сосредоточенно. Из её рук вырывались огненные змеи, сжигающие заживо нападавших. Глаза Карлин светились недобрыми искрами и она с полной мощью призывала воздушные вихри, рассеивающие туман и переламывающие шеи людям в белом.

— Нужно поскорее с ними покончить, — обратилась она к сестре, — может быть мы ещё успеем спасти пропавших.

Тара коварно улыбалась, подпуская врагов ближе, а затем заставляя их же цепи душить их самих.

— Успеем! — откликнулась та. — Скоро с этими помешанными всё будет кончено.

Туман рассеивался и вокруг стало заметно множество тел, чьи мантии заливались алой кровью. Грегори схватил одного из жрецов и заставил его вести их к пропавшим людям.

— Вы ничего не измените! — иступленно вопил мужчина. — Узгулун освободит планету от пороков и слабостей. Начнётся новая эра, которую возглавит мой повелитель.

— В первую очередь, Узгулун убьёт тебя, — дерзко вставила Амелия, толкнув его в спину.

Жрец привёл их в лесную чащу, где под алтарём находился вертикальный туннель, ведущий глубоко под землю. Там была заключена одна из существ Узгулуна. По кругу над алтарём, головами вниз, были подвешены пропавшие жители деревни. Шеи их были перерезаны и остатки последней крови стекали под алтарь. Всюду располагались вычерченные на земле и деревьях иероглифы.

— Аника, ты здесь? — прокричала Карлин, начав осматривать каждого висевшего.

— Карлин, они все мертвы и девочка тоже, — указала Тара на бледное тело светловолосой девочки, так походившей на мать.

Конрад зарядил кулаком жрецу в челюсть.

— Ты, жалкая гниль, я разрублю тебя сейчас на кусочки и скормлю рыбам! — злобно набросился он на жреца.

— Делай, что хочешь человек, — начал улыбаться жрец в белом. — Вы всё равно опоздали. Узгулун уже впитал кровь с нашими мольбами и скоро возродится, чтобы спасти нас.

Земля под ногами начала двигаться, а алтарь трескался. Висевшие наверху трупы со взмахом раскачивались. Перед спутниками разверзлась бездна глубиной в тысячи миль и на небе разразились страшные молнии.

— Что-то мне это совсем не нравится, — сказал, помотав головой Конрад. — Я не думаю, что мой меч возьмёт повелителя хаоса. Немного не мой уровень.

— Мне кажется, или Его Величеству придется нам доплатить за такую работёнку, — сказал Грегори.

— Я попытаюсь вас успокоить, парни, — снимая амулет с шеи, сказала Амелия. — Это всего лишь часть души Узгулуна, а если были бы все, то у нас бы точно не было бы шансов.

— А сейчас у нас разве есть шанс, чтобы остаться в живых? — удивилась Карлин.

— Да, — ответила Амелия.

— И какой же? — взглянули на неё все.

— Наш шанс, чтобы победить его сейчас, приравнивается один к ста тысячам, — серьёзно произнесла рыжеволосая ведьма.

Все были в шоке от такого ответа, а перед ними уже появлялся из бездны Узгулун, заслоняя собой небосвод.

Узгулун

Чёрная тень нависала над командой и глаза повелителя хаоса сияли ало-красным цветом. Вокруг него кружили тёмные капли крови, всасываясь внутрь сущности.

— У меня есть план, — нервно проговорил Грегори.

— Какой? — спросил Конрад, открыв рот от удивления.

— Предлагаю свалить отсюда побыстрее! — ответил друг.

— Да, парни, вам лучше уйти, — сосредоточенно взглянула на них Амелия. — А мы с Карлин и Тарой попытаемся его подавить.

— Вы сошли с ума? — воскликнул Конрад, взмахнув руками. — Нужно убираться отсюда! Мы не сможем ему противостоять.

— У нас нет выбора, — возразила ведьма. — Попробуем прервать действие ритуала. У меня есть идея, — Амелия держала в руках свое ожерелье с красным камнем. — Он нам поможет. Необходимо, чтобы лучи солнца прошли сквозь него и замедлили воплощение первой части души Узгулуна. Выиграв время, прочитаем заклинание, разрушающее действие ритуала.

Стоявший рядом с ними жрец, пал на колени перед воплощением своего повелителя.

— О, владыка, я счастлив присутствовать при твоём возвращении! — обращался к Узгулуну приспешник. — Вскоре ритуал завершится и это будет отправной точкой для высвобождения остальных частей твоей души.

— Ты наверное устал читать всю ночь заклинания, чтобы возродить своего уродливого дружка, поэтому приляг-ка отдохни, — ударил жреца Конрад рукояткой своего меча.

Амелия направила камень на повелителя хаоса, сквозь него прошли солнечные лучи, ослепляя и разъедаая тень. Карлин с Тарой, преклонив одно колено, прислонили руки к земле и начали читать возвратное заклинание. Лучи разозлили Узгулуна, он начал метаться из стороны в сторону, пытаясь уклониться от них. Его яростное рычание разносилось по всему лесу, словно раскаты грома. Повелитель хаоса, размахом теневой руки отбросил рыжеволосую деву на несколько метров, и её ожерелье выпало из рук.

— Амелия! — к ней подбежал Конрад, пытавшийся привести её в чувства. — Грегори, хватай ожерелье!

Друг поднял камень с земли и навел его обратно. Узгулун выпустил из глаз испепеляющее пламя прямо в наёмника. Тара, читающая заклинание, заметила это и пришла в ужас за Грегори, но ей нельзя было останавливаться и отвлекаться от дела.

— Грегори, нет! — воскликнул Конрад, испугавшись за друга.

За секунду до смертоносного удара, прямо перед лицом Грегори появился энергетический щит, который успела возвести Амелия.

— Обратное заклинание не работает! — кричала Карлин друзьям. — Он впитал почти всю кровь жертв и стал слишком силён.

Сёстры больше не могли выдерживать противодействие Узгулуна и потеряли сознание. Повелитель хаоса окончательно вырвался и взлетел ввысь.

— Что случилось? — обратился Грегори к Амелии. — С ними всё будет в порядке?

— Да. Они придут в себя, — ответила ведьма.

Узгулун напоследок перед исчезновением, направил на них ударную волну, которая

начала считать всё на своём пути. Амелия вложила в защитный купол все свои силы, чтобы отразить, надвигающуюся угрозу. Волна была такой силы, что ведьму начало сносить с места. Когда всё обошлось, девушка, уселась на землю, вытирая рукой кровь, идущую из носа.

— Амелия, ты как? — взволнованно прикоснулся к её плечу Конрад.

— Всё обошлось, — ответила она, выставив ладонь перед собой. — Достань, пожалуйста, из моей сумки эликсир в фиолетовом флаконе и дай его понюхать Таре с Карлин.

Конрад быстро исполнил её просьбу и сестры начали приходить в сознание. Тара открыла глаза и увидела над собой обеспокоенного Грегори, который гладил её волосы.

— Грегори, почему ты такой серьёзный? — обратилась она, прикоснувшись к его щеке рукой. — Как всё закончилось?

— Нормально, — ответил он. — Если не считать того, что повелитель хаоса сбежал и намерен уничтожить всё живое.

Тара в шоке вскочила на ноги.

— Что? — завизжала она. — Но, что же нам теперь делать?

— Нужно срочно передать эту новость в Остбон и в наш ковен. Они должны знать о грядущей опасности. Там мы начнём искать ответы, которые помогут в поиске утерянного осколка звезды, — обратилась ко всем Карлин.

— Ты права. В ковене помогут найти древние рукописи, где может говориться об этом, — взглянула на неё Амелия.

— Для начала, — провёл руками по своим волосам Конрад, — неплохо было бы всем отдохнуть.

— А что делать с тем помешанным мужиком в платье? — Грегори поставил руки на пояс и кивнул в сторону, валявшегося в траве жреца.

— Свяжем его и привезем с собой к королю, — сказал Конрад и громко свистнул, чтобы позвать к себе своего коня.

Наёмник перекинул тяжёлое тело приспешника через седло и команда направилась в Иезавель. Когда они въехали в селение, то оставшиеся местные жители выбегали на улицу и не могли поверить своим глазам.

— Вы вернулись! — разносились восклицания по толпе. — Но как вам удалось не погибнуть? Из тумана ещё никто не возвращался.

Грегори начал рассказывать жителям всё, что произошло на самом деле с пропавшими. А Конрад в это время нашел жителя, с которым он договорился за кров для отдыха. Их отвели в длинный дубовый зал, где проводились прежде собрания старост. Там им в глиняные кувшины налили молоко и испекли пышный хлеб. А местный охотник в благодарность за то, что они освободили их от безумных приспешников, предоставил огромный кусок копченого мяса. Карлин попросила одного из старост направить гонца к покинувшему селение жителям и передать им вест о том, что те теперь без опасения могут возвращаться в свои дома. Умывшись освежающей водой из колодца, друзья сели за стол, чтобы обговорить грядущие проблемы и высказать свои предположения. Приходящего уже в себя жреца, бросили в погреб.

— Ну и как нам опередить Узгулуна в поисках частей души? — оглянул всех Конрад. — Мы ведь не знаем где их заключил тот маг, а если мы будем отставать от него хотя бы на шаг, то он станет чуть ли не всемогущим.

— Предлагаю использовать пытки при допросе жреца, ведь его люди смогли найти место, где хранилась первая, — невнятно произнес Грегори, пережевывая ломоть мяса.

— Люди короля само собой его допросят, но не стоит на это рассчитывать, — сцепил руки вместе Конрад, — ведь этот подонок даже под пытками может солгать нам, тем самым заставив потерять драгоценное время.

— Повелитель хаоса тоже не захочет терять времени зря, и к тому же ему понадобятся слуги для исполнения ритуалов, — сказала Тара. — Поэтому будет легко заметить, куда направить силы. Достаточно лишь проследить за скоплением сборищ безумцев в мантиях.

— Хорошая идея, сестра, — Карлин опустила на стол руку с кружкой, — но вот только не стоит недооценивать того, кто существовал задолго до нас. Узгулун тоже может использовать обман и специально кинуть часть приспешников по ложному следу.

— Я считаю, что вы все в чём-то правы, — подперев голову руками, задумалась Амелия. — Нам лишь остаётся уповать на лучшее и надеяться на то, что мы сможем отыскать хоть какие-то подсказки в ковене или в древних записях Остбона.

Набравшись сил и забрав жреца, они выдвинулись в столицу, останавливаясь по пути лишь для того, чтобы напоить измученных лошадей. По прошествии нескольких дней, команда подступила к стенам столицы.

— Тара и Карлин, — обратилась к ним Амелия, — вы отправляйтесь в ковен и постарайтесь разузнать что-нибудь у наших сестер-хранительниц. И передайте совету, чтобы они созывали собрание, на котором решим, как лучше вести борьбу с Узгулуном. После встречи с королём, мы присоединимся к вам.

— Не переживай, мы всё устроим, — Карлин развернула лошадь на развилке. — Будем вас ждать!

— До встречи, ребята! — прокричала Тара, пустившись вскачь за сестрой.

Вскоре, троица стояла в королевском зале, где на троне восседал Розгальд.

— Приветствую, мой король, — в почтении склонилась Амелия вместе с наёмниками.

— Рад видеть вас в здравии, — обратился к ним правитель. — Какие вести вы мне привезли? Удалось ли вам разрешить всё в Иезавеле? И кто этот человек, что лежит связанным?

— Ситуация разрешилась, но это оказалось не совсем простым делом, в котором оказался замешан какой-то странный орден жрецов, похищающий людей и приносящий их в жертву. Всё это проделывалось для возрождения повелителя хаоса — Узгулуна, — говорила ведьма. — А этот человек на полу является одним из тех безумцев.

Девушка подробно пересказала Его Величеству всё, что с ними произошло. Король, не перебивая её, внимательно слушал.

— Этого жреца сейчас же допросят мои люди, — отдал знак страже Розгальд. — Но, что мне ещё сделать для того, чтобы мы смогли найти осколок звезды?

— Нам понадобится доступ к хранилищу, где находятся древние рукописи, — произнёс Конрад. — Возможно, мы сможем найти в них какие-то зацепки.

— Что ж, тогда идемте за мной, — изрёк правитель, поднимаясь с места. — Но я оставлю присмотреть за вами в хранилище Хорстара, потому что сами понимаете, это очень ценные знания.

— Ребята, пока вы будете смотреть записи, я присутствую на допросе, чтобы узнать всё из первых уст, так сказать, — объявил Грегори.

Конрад с Амелией кивнули другу и отправились по коридору за королём. Они долго

спускались по ступеням в подземелье, где их ждал целый лабиринт из стеллажей, на которых располагались стопы рукописных книг и бумаг.

— Я прикажу, чтобы вам принесли больше свечей и послали пару помощников. Те покажут вам, где может храниться интересующая вас информация, — уходя обратно, проговорил Розгальд.

— Мда, мы здесь до самого конца света застрянем, — вздохнул Конрад.

— Соберись! — уверенно на него взглянула ведьма. — Мы справимся, ведь нам будут помогать.

Позади них послышались шаги и обернувшись они увидели военачальника.

— Час от часу не легче, — размахивал руками Хорстар. — Сначала хайрианцы, а теперь какой-то демон или кто он там.

— Не то слово. Весёлые нынче времена, — улыбнулся Конрад.

— Рад видеть вас живыми, — он пожал им руки. — Выходит, что вся наша жизнь теперь зависит от какой-то бумажки.

— Выходит, что так, — начав вглядываться в листы, вслух высказалась Амелия.

— А куда подевался твой друг Грегори? — спросил главнокомандующий, поглаживая рукой бороду.

— Захотел лично присутствовать на допросе.

На другом конце замка в одной из башен с решетками на окнах, располагалась пыточная комната. Там палач привязал жреца к деревянной дыбе.

— Ну, что, козье отродье, — грозно обращаясь к приспешнику предводитель королевской стражи, — ответь нам, где заключены другие части души Узгулуна?

— Это вам никак не поможет, — злобно плюясь, огрызался жрец. — Мой повелитель велик и никто больше не сможет его остановить от правосудия.

— О каком правосудии ты говоришь, безумец! — вышел из себя, стоявший рядом Грегори. — Будет уничтожено всё живое. Это не правосудие, а чудовищное истребление.

— Не переживайте, — обратился к наемнику главный стражник. — Сейчас мы немного образуем нашего гостя.

Сказав это, он отдал приказ палачу, чтобы тот начал вонзать жрецу острые иглы под ногти. Немой и широкоплечий палач вцепился в руку и принялся за работу. Приспешник покраснел от боли и сжал крепко зубы, чтобы не закричать.

— Я повторяю свой вопрос, — продолжал стражник. — Где располагаются остальные части души?

Жрец упорно молчал и пытка продолжилась, но когда у него пострадал уже пятый палец, тот не выдержал.

— Прекратите! — завопил приспешник, истекая потом и кровью. — Я не знаю, где находятся остальные.

— Как это ты не знаешь, ослиная моча, — ударил его по лицу Грегори. — Вы ведь нашли как-то первую часть.

— Наш орден столетиями пытался найти способ, чтобы возратить владыку и только недавно нам повезло набрести на храм, покрытый песками в пустыне, — жрец сплюнул кровь, вытекающую из разбитой губы. — Это было древнее коленопреклонное место, построенное в честь него. Внутри мы обнаружили уцелевшие на стенах надписи, и те привели нас к первой части души.

— А как вы потом планировали найти остальные?

— Не знаю, я ведь тебе уже всё рассказал, — истерично дергался жрец, пытаясь вырваться.

— Ты лжёшь! — Грегори схватил его за шею. — Должно быть ещё что-то, чего ты не договариваешь нам. Так что говори! А иначе эта штука разорвёт тебе суставы.

Немного подождав и так и ничего не услышав от жреца, стражник кивнул палачу и тот начал приводить дыбу в действие. Руки и ноги безумца начали растягиваться в разные стороны, заставляя лопаться сухожилия.

— Там была одна надпись, которую мы не смогли до сих пор расшифровать! — закричал во весь голос жрец, заливаясь слезами. — Прекратите! Я озвучу её вам.

Палач остановился, а Грегори приготовился записывать, обмакнув перо в чернила.

— А-а, — стонал жрец, обливаясь потом и с ужасом глядя на свою вывернутую из сустава руку.

— Говори, сейчас же! — сверкнул на него яростным взглядом Грегори.

— Ольтри ра андми йгалеакс ваан остгор онвы оуб, — произнёс приспешник.

— Ты уверен, что ни в чем не ошибся? — обратился к нему стражник, поднося острое лезвие ножа к глазу жреца. — Или может быть ты наплел нам какую-то выдуманную чушь? Если это окажется недостоверным, то поверь мне, что перед тем как исчезнет всё живое, я успею вырезать твои глазные яблоки и выпотрошить затем твои кишки.

— Зачем мне сейчас лгать? — стонушим от боли голосом отвечал жрец. — Смысл этой надписи не смогли разобрать ни старейшие мудрецы и ни маги, к которым мы обращались. Вам всё равно не успеть постичь её значение. Вы наивные: думаете, что сможете остановить силу хаоса из которой всё зародилось.

— Я предлагаю оскопить нашего жреца, а то уж больно он надоедлив, — пожал на прощание главному стражнику руку Грегори.

— Хорошая идея, — усмехнулся тот, ответив ему вслед.

В это время Карлин с Тарой находились в старинном имении, которое построила когда-то основательница ковена и где сейчас учатся развивать, и контролировать свои способности юные ведьмы. Девушки уже успели всех предупредить и пообщаться с хранительницами, оберегающими древние знания, но те не знали, где маг мог запечатать части души.

Через день к ним примкнули наёмники с Амелией. Они вошли в трёхэтажный длинный дом с башнями, по которому сновали туда и обратно ученицы, торопящиеся на занятия по магическим искусствам.

— Здравствуйте, — поприветствовали студентки рыжеволосую ведьму, — мы по вам скучаем. У нашего нового преподавателя по защите от тёмных искусств такой нудный голос, что хочется спать, а не учиться.

— Здравствуйте, девочки, — улыбнулась Амелия. — Не расстраивайтесь так, ведь не смотря на подачу, магистр Ариан является одним из самых опытных магов в этой области. Он передаст вам все необходимые знания.

— Ты что была преподавателем в школе волшебниц? — удивился Конрад.

— Да, а что такого? — взглянула на него девушка. — И причём очень даже хорошим.

— Я не в этом смысле, — замотал головой наёмник. — Я даже не сомневался в силе твоих способностей, но просто это так на тебя не похоже. Ты такая... — он начал размахивать руками. — Такая не похожая на учителя внешне.

— А по-твоему как должны выглядеть учителя? — усмехнулась Амелия.

— Просто я не вижу тебя, сидящей целый день в кабинете и читающей лекции.

— Почему ты бросила преподавать здесь? — спросил Грегори.

— Со временем мне захотелось чего-то большего, — отвечала она, обводя взглядом стены с висящими на них картинами. — Я мечтала о путешествиях и более насыщенной жизни. Мне хотелось свободы действия, чтобы я могла всегда сама решать, где мне нужно быть.

— Понимаю, — сказал Грегори.

К ним навстречу по ступеням сбежали сестры и все дружно обнялись.

— Как успехи? — обратилась к друзьям Карлин.

— У меня негусто, — начал Грегори. — Удалось выудить из жреца лишь какое-то странное предложение.

— А мы обнаружили в хранилище Остбона кое-какие зацепки, — провёл рукой по лицу Конрад.

— Я так рада, что есть хоть какая-то хорошая новость, — пролепетала Тара. — У нас тут совсем ничего. Никто из хранительниц даже предположить не может того, где бы могли бы быть части души и сколок звезды.

— Это очень печально, но всё же отчаиваться рано, — откинула волосы с плеч Амелия. — Идёмте к директорисе, может быть она сможет нам как-то помочь в переводе предложения, что записал Грегори.

Ковен

Компания направилась в кабинет, располагающийся на верхнем этаже. По пути им попадались говорящие волшебные муравьи, работающие на ведьм. Маленькие создания могли незаметно узнавать любую информацию и передавать её чародейкам. Взамен насекомые получали сладкие лакомства и защиту от поджидающих их на каждом шагу опасностей.

— Я сегодня заработал целых три кусочка сахара, — хвастался один из них своим пискливым голоском.

— Вечно тебе достаётся больше всех, — проворчал ему рыжий приятель, шевеля усиками.

— Я вообще-то заслуженно их получаю, — запротестовал первый. — Между прочим, это именно я пять раз ходил на разведку в тёмный лес, где меня чуть не съели пауки.

— Эй, поосторожнее там, великаны несчастные! — прикрикнул на наемников разноцветный муравей. — Смотрите под ноги!

Грегори удивился от увиденного и обступая осторожно шеренгу муравьёв, чуть не подскользнулся, но Конрад вовремя ухватил друга за плечо.

— Каких тварей только не бывает, — сказал тот. — Говорящие муравьи, надо же?!

— Тоже самое можно сказать и о вас, говорящие люди! — вырвалось у одного насекомого. — Тьфу, на вас.

— Кажется, ты его обидел, — обратилась Тара к Грегори.

— Но я ведь не в плохом смысле имел в виду, — он наклонил голову вниз. — Эй, приятель, извини, если обидел.

В кабинете их уже ожидала седовласая директриса. Она сидела за зелёным резным столом, глядя в волшебный шар.

— Добро пожаловать в наш ковен, — мягко сказала она, обратившись к прибывшим.

— Здравствуйте, директриса Эрлин, — обняла её Амелия. — Нам нужна ваша помощь. У нас есть очень важные сведения, которые должны быть полезны, но мы не можем расшифровать надпись. Возможно это древний утерянный язык. Или зашифрованный с помощью магии, — сказав это, она передала ей лист с записью Грегори.

— Нет, дорогая моя, — взглянув на надпись, произнесла Эрлин. — Я очень хорошо знаю все забытые языки, и тут точно нет никакой магии. Это кровный язык. Он не поддается прочтению и изучению никому, кроме определенных людей. Видишь ли, возможно человек основавший храм, который нашли в пустыне, относился как раз к такому числу людей. Это очень большая редкость на самом деле. Поэтому скорее всего, основатель являющийся последователем Узгулуна, хотел передать столь важное значение написанного только достойным людям. Следовательно своим дальним потомкам, которые могли бы вернуть части души повелителя хаоса, так как лишь они поймут написанное на древнем языке.

— Но где нам искать его потомков? — недоумевала Амелия. — У нас совершенно нет никаких данных о нём, это просто-напросто иголка в стоге сена.

— Я не хочу создавать ложных надежд, — постучала по столу пальцами директриса, — но я была знакома в молодости с одной колдуньей. И та являлась носителем такого языка, — Эрлин заметила, как на лице Тары засияла улыбка. — Рано радуетесь, юная леди,

ведь это не единственный кровный язык такого типа. Есть и другие. Нет никаких гарантий, что она сможет прочесть написанное.

— В любом случае, нам необходимо это выяснить, — сказала Карлин. — Где мы сможем найти колдунью?

— Она давно стала затворницей и теперь живёт одна в лесу, неподалеку от священного дуба. Амелия, ты хорошо знаешь это место, ты там когда-то проводила занятия. Свернете по тропе от дерева вправо и окажетесь у хижины.

— Благодарим вас, директриса Эрлин! — Конрад подошёл к столу, чтобы забрать лист обратно.

— Молодые люди, благодарить меня вы будете тогда, когда конец света будет предотвращен, — Эрлин опустила глаза вниз, перебирая свитки с печатями. — Вскоре состоится собрание в главном зале, поэтому не теряйте времени и скорее отправляйтесь к колдунье Харпаге.

Все пятеро ринулись испытать свою удачу и каждый из них в душе надеялся на то, что затворница сможет им хоть чем-нибудь помочь в этой беде. Команда несколько часов прошла по вымощенной булыжниками тропе, а затем у опушки леса путники оказались в густой траве, достающей им до самого пояса.

— На конях было бы куда лучше и быстрее, — проворчал Конрад.

— Животным нужно дать отдохнуть, — произнесла Карлин, собирающая по пути голубые цветы для снадобий. — Они и так проскакали уже слишком много миль за столь короткий промежуток.

— Не переживай, Конрад, мы уже пришли, — сдула с лица кудрявую прядь Амелия, держа в руках подол платья, чтобы не запнуться.

И действительно, когда они прошли мимо высоких кустов крапивы и через раскидистые ветви деревьев, то перед их взором предстала бревенчатая изба с большим огородом и садом. Рядом с домом находился курятник закрытый толстой сеткой от лис и волков, а неподалёку находилась сама хозяйка. Худая женщина с морщинами на лице и с длинными тёмными, но уже начинающими седеть волосами, настороженно смотрела на них, стоя с ведром в руках.

— Кто вы такие? — резко спросила она. — И что вам здесь нужно?

— Мы от леди Эрлин, — обвела рукой всех Амелия. — Директриса направила нас к вам. Возможно только вы, сможете помочь остановить древнее зло.

— И чем же именно я должна вам помочь? — удивилась колдунья.

— Приспешники Узгулуна освободили первую часть его души, поэтому сейчас мы хотим опередить их в поисках её второй части, — Амелия протянула ей лист с надписью. — Для этого нам нужна носительница кровного языка.

Колдунья внимательно взглянула и по её лицу пробежала злобная усмешка.

— Предки из моего рода были безумцами и совершили много страшных злодеяний, — поставила ведро на землю колдунья. — Мне приходится расплачиваться за их поступки своим одиночеством, которое началось с самого моего младенчества. Проклятия преследуют меня и я с трудом прячу свою душу от мстительных духов. Я должна исправить хоть что-то из того, что они натворили, — Харпага указала пальцем на лист. — Здесь говорится следующее: "Да обретут дети своего второго отца в образе разума. Он ожидает вас на дне озера Йеразель и стережет его Грендель".

— Я бывал в тех местах, где находится это озеро, — сказал Конрад. — Я был на службе у одного конунга из тех краёв. Там слышал одну легенду об этом чудовище-людоеде,

обитающем в подводной пещере. В местных рассказах он описывается, как уродливое существо огромных размеров, сметающее своих жертв гигантским молотом. Говорят, что он является порождением самого мрака. Если верить этим сказкам, то одолеть Гренделя можно только с помощью магии и заговоренного оружия. Что касается озера Йеразель, с одной стороны его окружают горы, а с другой широкий и необитаемый лес. Там не живут ни люди, ни звери и даже птицы не пролетают над тем проклятым местом.

— Да, что и сказать, просто райский уголок для обитания всяких тварей, — скрестил руки на груди Грегори.

— Хотите зайти ко мне в дом? Я сегодня приготовила наваристый суп из утки. Он отлично придаёт сил, — обратилась к ним Харпага.

— Очень любезно с вашей стороны, но мы не можем задерживаться, так как в ковене уже ждут нашего возвращения, — пожалала ей руку Амелия.

Они поблагодарили её за помощь и та ушла в избу. Путники двинулись обратно, обсуждая по пути разговор с Харпагой.

— И как вы думаете, стоит ли нам верить этой колдунье? — спросил друзей на обратном пути Грегори. — Может быть она обвела нас вокруг пальца и сама является последователем, как и её предки.

— У нас больше нет времени ждать, как и нет никаких других вариантов, — сказал Конрад.

— Одно могу сказать точно, ребята, — подметила Тара, — тот маг из рода полуночных звёзд отлично справился со своей работой.

— Будь это на самом деле так, то нам бы не пришлось сейчас ездить по всему свету в спешке, чтобы остановить повелителя хаоса и его собаченок, — возразил Грегори.

— А ты, что мог бы справиться с этим лучше? — осадил его Амелия. — Этот маг спас тогда планету от гибели, когда никто другой не смог этого сделать.

— Ты меня не правильно поняла, — замахал руками наёмник. — Я про то, что тот волшебник мог бы лучше спрятать части души: так, чтобы приспешники точно не смогли их найти.

— Постой, Грегори, — взглянула на него Карлин, — но в этом нет его вины. Ты забываешь о том, что хоть он и был магом, но вовсе не являлся всемогущим, а был обычным человеком. Узгулун же бессмертен и очень силен. Даже будучи разрозненным и заключённым, он смог призывать веками к себе своих приспешников.

— Ладно, ваша взяла, — наемник поднял руки вверх.

Возвратившись в ковен, они заметили, что все члены совета уже сходились на собрание в обширный зал с каменными колоннами. Пол помещения был устлан серебряными плитами, по которым проходил узор в форме круга, и ровно по его линии стоял кипарисовый стол-полумесяц. За ним восседало одиннадцать советников. Помимо них, ведьмы с наёмниками заметили какого-то незнакомого мужчину.

— Добрую или плохую новость вы нам принесли? — обратилась к ведьмам, восседающая в центре Эрлин.

— Больше добрую, чем нет, — отвечала Тара, стоя перед советом. — Колдунья перевела нам текст. И мы теперь знаем, где заключена вторая часть души повелителя хаоса. Запись гласит, что она находится на дне озера Йеразель, а стережёт её Грендель.

— Пазл постепенно начал складываться воедино. Это дает всем нам надежду на предотвращение появления великого зла, — добавила Амелия.

— А что здесь делает человек с гербом Дормана? — перевёл взгляд Конрад на стоявшего впереди незнакомца.

— Я эрл Даррен, — сделав шаг вперед, представился мужчина. — Меня направил к вам король, чтобы передать тревожную весть, — на лице его читалась обеспокоенность. — Как только вы покинули Остбон, Его Величество отдал приказ, чтобы наши разведчики находились абсолютно повсюду, как в Дормане, так и во всех чужих землях. Им были даны указания, как можно быстрее сообщать о подозрительных передвижениях и любых активностях. И совсем недавно нам донесли весть о том, что чудовищная армия орков подступает к горному хребту Берос. Среди них замечены жрецы в мантиях.

— И именно там располагается озеро, — нахмурил брови Конрад. — Но как жрецы успели так быстро собрать такую армию? Ведь это невозможно в столь короткий срок.

— Видимо у Узгулуна есть свои секреты, — с омрачённым видом произнесла Карлин.

— Эрл Даррен, — обратился к нему преподаватель по защите от тёмных искусств, — сколько у нас останется времени до столкновения, если мы телепортируемся прямо сейчас?

— Я не смогу точно ответить вам, Ариан, но боюсь, что около двух часов, если не меньше, — примял рукой свои короткие ореховые волосы эрл. — Но, как только король узнал об этом, он сразу же начал созывать армию. Поэтому из Остбона уже выступили войска.

— Выходит, что есть вероятность того, что мы можем практически одновременно столкнуться и с армией Узгулуна и с чудовищем. Предлагаю нам дождаться момента, когда с Гренделем разберутся орки. В их рядах поубавится и нам достанется меньше хлопот, — произнёс колдун Седерион из старого рода, способного поглощать силу побежденных врагов.

— Интересно, а как орки думают с ним справляться? — почесал подбородок Грегори. — Ведь на чудовище обычное оружие не действует.

— Я думаю, что повелитель хаоса позаботился о том, чтобы наделить оружие своих слуг силой, — ответила на его вопрос Амелия.

— Тогда эти твари сейчас гораздо сильнее, имея такое оружие, — закусил губу наемник.

— Не беспокойтесь, молодые люди, — обратилась к ним директриса, — наш маг по зачаровыванию и созданию магических предметов — профессор Ариш, поможет вам несколько усилить ваше оружие.

Конрада с Грегори весьма порадовала такая новость, им не особо хотелось идти в бой, словно с голыми руками.

— А если Узгулун объявится, чтобы помочь своим слугам? — обратилась к совету Карлин.

— Мы будем к этому готовы, — поправила пальцем очки Эрлин. — Соединим силы ведьм из ковена с комбинированными силами наших колдунов. В таком случае, мы сможем образовать что-то наподобие нити, по которой будет передаваться энергия от одного к другому. Думаю, что это нам поможет, чтобы выдержать натиск повелителя хаоса, — директриса взглянула на сидящего рядом с ней мага. — В крайнем случае, мы отдадим все свои силы, чтобы суммировать их со способностями мистера Озира.

Тот кивнул в знак согласия.

— Что ж, наёмники, отправляйтесь к Аришу, — встала из-за стола Эрлин. — А вы мистер Ариан, передайте всё остальным членам ковена. Думаю, что собрание можно

считать окончанным. Через двадцать минут всех жду для телепортации на поле за именем.

Все разошлись, чтобы взять всё необходимое для битвы и успеть выполнить последние приготовления.

— А кто такой Озир? — спросил у девушек Конрад, когда они шли к аудитории мага.

— Он демонический колдун из древнего рода, его силы в два раза превосходят наши, — ответила рыжеволосая ведьма. — Обычно такие колдуны ни с кем не имеют дел и даже часто оказываются нашими противниками, но семья Озира с давних времен находится в дружбе с ковенем. Ходят слухи, что его прапрадеда как-то спасла ведьма бурь Тавиния, являющаяся одной из основательниц ковена. С тех пор, их семейство примкнуло к нам.

Проходя мимо окна, друзья заметили, как Эрлин с какой-то другой ведьмой создали большое светящееся кольцо в пространстве.

— Что они делают? — поинтересовался Грегори.

— Я думаю, что директриса вместе с профессором по усилению чар Амуной, хотят телепортировать сюда войска Розгальда, чтобы мы смогли все вместе и в одно время прибыть к сражению.

— Чудесная идея, — сказал наемник. — Не хотелось бы оказаться там среди первых, имея с собой только половину возможных сил.

Команда вошла в кофейного цвета аудиторию, где на потолке из камня были вырезаны головы дремлющих драконов. За огромной книгой в одиночестве сидел полноватый маг в белой рубашке и чёрном плаще.

— Профессор Ариш, здравствуйте! — улыбнулась Амелия. — Перед предстоящей битвой нам необходимо усилить оружие моих друзей.

— Ну, конечно, — прокряхтел профессор. — Как только дело касается наделения чарами, все сразу же бегут ко мне, — он нехотя отвёл глаза от книги и взглянул из-под своих бровей на наёмников. — Чего стоите? Кладите мечи на стол.

Положив на каменный стол мечи, Конрад и Грегори с любопытством следили за дальнейшими действиями мага. Ариш отложив в сторону клинки, принялся чертить на поверхности стола руны и магические символы. Закончив и положив в центр начерченного круга оружие, мужчина поднес свой длинный посох, и принялся читать заклинание. Из посоха вырвалась ослепительная сиреневая молния, покрывающая лезвие мечей.

— Готово, забирайте!

— И что теперь сможет делать меч? — спросил Грегори.

— Сам по себе меч ничего не сможет сделать, — махнул на них рукой Ариш. — Его действие лицезреть вы сможете в битве. Только не умрите от радости, когда увидите на что способно теперь ваше оружие.

— Спасибо вам, — дружно произнесли друзья.

— Вы умеете заинтриговать, — добавил затем Конрад. — Кстати, а вы тут единственный кто может зачаровывать предметы? Я просто думал, что это может делать каждый, кто обладает магией.

— Да, может. Но искусство зачаровывания приходит с опытом, поэтому, чтобы создавать более качественные чары нужны большие знания, — гордо произнёс профессор. — Я посветил этому искусству всю жизнь, а нескольких лет обучения в школе магии не будет достаточно, чтобы создать более сильный предмет. Даже при всех стараниях, но не обладая опытом, ты не добьешься совершенства. Потому что это зависит от силы самого мага и его знаний. Так что я довольно редкий экземпляр. Не так уж и много людей моего ранга.

Надеюсь, что кто-то из моих младших учеников пойдёт по моим стопам.

— Значит, вы, тоже можете это делать? — посмотрел Грегори на ведьм.

— Само собой, — ответила Амелия, — но профессор прав. Только тренировки и совершенствование способностей повысят мастерство. В общем, это приходит с опытом.

— Кстати, профессор, — ведьма перевела на него свои глаза, — вас на поле уже должны ждать тысячи воинов короля. Я думаю, что им тоже будет необходимо усовершенствовать копья перед предстоящим сражением.

Ариш недовольно закатил глаза.

— Что ж, — проворчал он, — раз такое дело, то надо помогать.

— А вы тоже отправитесь с нами в бой? — поинтересовался Конрад.

— С тех пор, как я только взял в руки свой посох, — заулыбался тот, предаваясь воспоминаниям, — я не пропустил ещё ни одного крупного сражения.

Они вышли через дворовой фасад, где перед ними простиралось гигантское поле, заполненное ровными рядами дорманских воинов. Знамёна их развевались на ветру, копья стояли ровень и шлемы сияли в лучах солнца. Во главе находился сам король, переговаривающийся о чем-то с Хорстаром. И к ним примыкали сотни групп из волшебниц и колдунов. Все уже были готовы к битве и вокруг ощущалось всеобщее волнение и жар, пылающих храбростью сердец. Кто знал, что им уготовит судьба за другой стороной портала?

Битва при Йеразеле

По берегу озера Йеразель пронеслась синяя искра, которая становилась всё больше и шире. Через секунду она превратилась в гигантский портал. Тысячи сосредоточенных дорманцев вышагивали из него вслед за своим королём. Седовласая Эрлин шла рядом, распустив свои косы, её окружали сотни ведьм в чёрных плащах.

Вокруг царила угнетающая тишина и казалось, что даже в самом озере вода неподвижно застыла на месте. Вдоль линии берега на многие мили простирался дремучий лес.

— Нужно послать разведчиков в ущелье горного хребта Берос, — Розгальд взглянул на своего главнокомандующего. — Мы должны заранее знать сколько у нас в действительности времени.

— Слушаюсь, милорд, — кивнул Хорстар.

По сырому песку военачальник направился к наёмникам, стоявшим вдали вместе с волшебницами.

— Конрад и Грегори, вы отправляетесь на разведку в ущелье, — обратился он к ним. — Его Величество желает знать все подробности о вражеских силах. Нужно быть крайне осторожными и незаметными, ведь от этого будет зависеть успех нашего плана. Думаю, что вы прекрасно с этим справитесь.

— Благодарю за такую честь, Хорстар, — Конрад пожал ему руку и выдвинулся с другом в направлении угрюмых серых гор.

Король тем временем подозвал к себе главу ковена.

— Директриса Эрлин, я думаю, что вы можете приступать к созданию стены, — обратился он к ней. — Я прикажу людям отступить в лес.

— Будет выполнено, Ваше Высочество, — ответила ведьма.

Эрлин оставила возле себя только трех советников: леди Авонмору, профессора Амуну и мага Диармуида. Вместе они ждали, когда армия Дормана перейдёт за линию деревьев.

У Авонморы были красные волосы, собранные в тугие косы и всё её лицо покрывали изображения глаз. Девушка являлась вампиром и её в младенчестве бросили одну умирать. Директриса нашла её и воспитала, как родную дочь. У девочки был обнаружен дар к силе иллюзий, поэтому Эрлин сама лично обучала её магии и развивала в ней способности. Со временем она стала обладать большими силами.

Профессору Амуне была уже тысяча шестьсот лет, но выглядела она очень молодо. Тёмное каре шелковых волос с пышной челкой покрывало её голову с утонченным лицом. Тонкую шею волшебницы плотно опоясывало изумрудное ожерелье. Она вела в магической школе уроки по усилению колдовских чар.

Диармуид выглядел немощно и полностью безобидно. Это был очень сухой морщинистый старичок с белой до пояса бородой. На нём болталась серая рубаха, спускающаяся к его босым ногам. Он являлся последним магом, в чьих жилах текла кровь самих богов. Диармуид наделял заклинания первостепенной силой небес, а также был способен изменять своё обличье.

Когда войско заступило за чертог леса, четверо советников принялись за дело. Каждый из них возвёл вверх руки для колдовства.

Глаза Авонморы залились красным оттенком, девушка сосредоточенно смотрела вперёд. Среди стволов деревьев начала появляться серебристая рябь, словно от бросания камня в воду. Картинка пейзажа начала сильно размываться.

— Ивае таима! — повторяла заклинание Амуна.

После этих слов из ладони профессора по усилению чар, вырывались жёлтые вспышки. Они летели в размытые узоры, созданные Авонморой и преобразовывали их в отражающую стену.

Тем временем, Диармуид обратился в ворона. В таком лике маг добрался до иллюзорной стены. Вернув человеческий облик, он припал к ней руками. Земля задрожала под дорманами, но затем успокоилась. Яркий луч света устремился в небо от его колдовства и по стене пронеслась вспышка.

— Амидоху далиум алепариус! — изрекла Эрлин.

Из руки директрисы пробежала красная волна, приводящая измерение в стабилизирующий вид.

Розгальд стоял неподалёку и наблюдал за действием их волшебства. На его глазах, многочисленное войско скрылось за иллюзорно-блокирующей стеной. Лес перед ним казался абсолютно пустым.

— Отлично! — король кивнул ведьме. — Теперь остаётся только ждать.

Конрад и Грегори уже находились недалеко от войск Узгулуна. С двух сторон их окружали высокие гряды скал, с которых то и дело осыпались булыжники разных размеров. По тонкой голубой полосе неба над ними кружили зоркие орлы.

— Тропа вот-вот расширится и нужно будет быть осторожнее, — Грегори отглотнул из фляжки. — Кто знает, по какому пути они решат спускаться к озеру.

Конрад взглянул под ноги и опустил на колени, прислонив ухо к безжизненной земле.

— Они совсем близко, — сказал он другу. — Я слышу, как земля дрожит от их марша.

Наёмники устремились к развилке горной цепи и быстро прильнули к влажной редкой траве. Сердца их бешено бились от волнения.

— Я надеюсь, что нас никто не заметил, — прерывистым от дыхания шёпотом произнес Грегори.

В нескольких метрах от них, на пологом склоне большими колоннами передвигались орки. Из-за их высоких черно-синих тел, шествие напоминало потоки тёмных рек, таящих в себе гибель. Глубокопосаженные кровавые глаза на уродливых лицах, беспощадно и с диким вызовом взирали по сторонам. Зловоние вырывалось из их пастей с жёлтыми клыками. Даже сами жрецы повелителя хаоса боялись своих союзников и старались идти от них подальше.

Лица наёмников побледнели от увиденного.

— Черт возьми, я не вижу конца и края их маршу, — едва выдавил из себя поражённый Конрад. — В одной колонне только не менее пятидесяти тысяч, а самих колонн где-то около восьми или девяти.

Грегори уставился на свои руки, по ним пробегали мурашки.

— Их примерно больше нескольких сотен тысяч, — с трудом сглотнул слюну Грегори. — Это чуть ли не в семь раз превышает наше количество.

— Нужно скорее вернуться к королю, — Конрад начал тихо отползать.

Когда друзья мчались назад, Грегори не выдержал переполняющего его волнения.

— Знаешь, я никогда не боялся кровавых схваток, но сейчас мне действительно кажется, что это моя последняя битва, — обратился он к напарнику.

— Что ты такое несёшь, приятель! — возмутился Конрад. — Ты уже из стольких войн выходил невредимым.

— Да, но ведь это вовсе не означает того, что так будет всегда. Все мои прошлые сражения не были такими масштабными.

— Слушай, Грегори — ослиная ты морда, мне ведь тоже страшно. Страх это часть нашей жизни. Само собой мы всего лишь люди и мы уязвимы. Но эта битва отличается от других не только числом, а самой значимостью. Проиграв её, мы проиграем абсолютно весь этот мир. Никто больше и нигде не сможет начать сначала. Думай об этом, а не о том, что ты сейчас увидел. Во всяком случае, возле озера не так много места, чтобы вся армия орков смогла там расположиться. Маневренность будет на нашей стороне.

— Конрад, а не пойти бы тебе в драконью задницу! — поднял брови наемник. — Я же сказал уже, что дело вовсе не в страхе. Просто я решил быть в кой-то веки реалистом. Пускай маневренность будет на нашей стороне, но ведь мы будем серьёзно измотаны, в то время как остальная часть орков нет.

— Ты не учёл самого главного, — улыбнулся Конрад. — Орки агрессивные безумные твари, но они смертны, а значит и страх у них тоже есть. Мы все будем биться и адреналин наполнит наши сердца, в то время, как вторая часть врагов будет только смотреть. Если мы опрокинем ублюдков в первом столкновении, то сможем внести смятение в ряды остальных. Тогда у нас будет шанс.

— Это самый дурацкий план, который я слышал в своей жизни, — Грегори в изумлении открыл рот. — Надеюсь, что Его Высочество успеет придумать что-то получше.

Друзья вышли обратно на пустынный берег. Сквозь магическую стену к ним выбежала Карлин.

— Парни, мы здесь, — махнула она им. — Король уже ждёт вас.

Конрад и Грегори пересказали всё увиденное Розгальду с Хорстаром.

— Выходит, они сейчас появятся с того самого холма, — правитель Дормана угрюмо всматривался вдаль, а затем обернулся к наемнику. — Ты прав, Конрад. Грендель разберётся с частью их войск, а затем мы уничтожим другую. Оставшиеся силы врага должны будут прийти в смятение, если всё пройдет гладко. Но, увы, на войне никогда не бывает так, как было запланировано, — король сцепил руки за спиной и высоко поднял голову. — Во всяком случае, в своём народе я точно уверен. Из моих воинов никто не дрогнет. Я думаю, что нам будет по силам заставить этих тварей опасаться нас.

Когда наёмники отошли к волшебницам, Грегори всплеснул руками.

— Серьёзно! — удивился он. — У нас не будет другого плана?!

— Мда, — протянула Карлин, нервно сжимая свои пальцы. — Самое настоящее безумие. Раньше орки вселяли во всех ужас, а сейчас каким-то образом это должны сделать мы. Клянусь всем, что если мне чудом удастся пережить это сражение, то я исполню свою давнюю мечту.

— Какую? — взглянула на сестру Тара.

— Я пересплю сразу с двумя мужчинами, а может даже с тремя, — ответила ведьма. — Чтобы так сказать снять стресс наверняка.

Пока они обсуждали свои желания, Амелия подошла поближе к задумчивому и молчаливому Конраду.

— Как твой настрой? — она заглянула ему в глаза.

— Думаю о том, что можно будет ещё предпринять, чтобы хоть как-то перевести ход

битвы в нашу пользу.

— И как? Есть ещё идеи?

— Пока что нет. Такое ощущение, что мы словно в смертельной ловушке без выхода. Но я знаю, шанс всё же есть. Однако в голове постоянно вертятся плохие мысли об исходе.

— Знаешь, а я перед сражениями и во время них, стараюсь вообще не думать.

— Это как это? — любопытно спросил наёмник. — Во время битвы же необходимо очень быстро размышлять.

— Я размышляю во время схватки, но не о том, чем всё закончится или что например предпринять дальше. Я думаю лишь о своих действиях в настоящем. Полностью сосредотачиваюсь на враге рядом с собой. Так гораздо легче. Не стоит гнаться за гениальными планами, если ты можешь до них вовсе не дожить. Самое главное сосредоточиться на технике ведения боя, в реальном времени.

— Может ты и права, — он улыбнулся, пожав её ледяную руку. — Удачи тебе сегодня!

— Спасибо! И тебе тоже.

Конрад собрался уже вернуться к остальным, но Амелия вновь к нему обратилась.

— Я ощутила твою боль и страдания через рукопожатие. Не знаю, через что тебе точно пришлось пройти раньше, но надеюсь, что у тебя всё изменится.

— Уже изменилось, — наёмник исподлобья взглянул на неё, а потом на Грегори с сёстрами. — Я с самого своего рождения был сам по себе. Не знал ни поддержки, ни добрых слов. Только голод, презрение и глухое одиночество. Вот как я рос. Никогда никому не доверял, пока не встретил этого олуха, — он кивнул в сторону друга. — А затем познакомился с вами и окончательно понял, что бывают действительно хорошие люди. Знаешь, Амелия, я кажется осознал, почему я беспокоюсь сейчас вдвойне. Впервые в жизни, наверное, я за кого-то действительно искренне переживаю. И это я считаю, не самое лучшее из чувств в мире.

— Но и не самое худшее, — ответила ведьма. — В такие времена очень важно знать, что ты борешься за нечто большее, нежели только за свою жизнь.

Розгальд поднял руку вверх и сжал её в кулак. Все смолкли. Гигантское полчище орков заполняло берег Йеразеля. От вида их жутких морд у дорманцев расширились глаза, но ни один мускул не дрогнул на их лицах. Все прекрасно осознавали неизбежность этой схватки.

Безэмоциональный жрец указал на одного из орков и того тут же разрубили на куски, которые затем забросили в озеро. Уродливые создания начали выбивать грозный ритм на своих барабанах.

— Зачем они убили одного из своих? — тихо обернулся Хорстар к Конраду.

— Возможно, они так пытаются выманить Гренделя.

Через какое-то время, по водной глади начали разноситься всплески. Крупный командир орков что-то громко прокричал своему войску и те заняли позиции. Твари выстроились в две линии вдоль берега. Те кто стоял впереди, возвели копья вверх, а вторые ряды обнажили мечи. Как и предполагал Конрад, большая часть их армии не уместилась на местности и ей пришлось ожидать приказов командующего на склоне рядом.

Из озера сначала появились огромные желтые и, давящие своей невозмутимостью, глаза. Предводитель орков отдал приказ своим на возвышенность, чтобы те начали обстреливать людоеда с помощью стрел. Грендель сразу ощутил их колдовское действие на своей длинной и чёрной шкуре. Чудовище пришло в ярость и поднялось в полный исполинский рост. Он высоко возвысился над склоном, где стояли лучники орков и одним

взмахом волосатой руки, раздавил их. Грозное предупреждающее всех рычание Гренделя, оглушающе раздалось из его саблезубой пасти, и долго ещё рокотало вдали между гор.

Монстр разом покончил со стрелками и обернулся к береговой линии. Орки втыкали ему в ноги копья, и тем самым назначали себе смертный приговор. Грендель возвел свою вторую руку вверх и в той переливался на свету невообразимых размеров молот. Казалось, что это оружие могло расколоть весь мир. Одним взмахом молота, он снёс всех стоящих перед ним орков и направился прямо к лесу. Глаза людоеда были обращены к дорманцам.

— Неужели он видит нас? — нервно и недоумевая, король взглянул на Эрлин.

— Да, Ваше Высочество, кажется у нас есть серьезная проблема, — побледнела директриса.

— Это я уже заметил, — сквозь зубы, сдерживая себя, изрёк Розгальд.

— Нас не видят люди и орки, но вот Грендель является магическим созданием. Ведь он сам заколдовал свою шкуру от ударов обычного оружия. Скорее всего он способен видеть чужое волшебство, — взволнованно пролепетала ведьма.

— А почему вы раньше об этом не подумали?

— Но, милорд, ничего лучше мы бы уже всё равно не смогли предпринять.

Король понимающе ей кивнул и обернулся к своим войскам. Холодный пот выступил на его висках, но больше он никак не выдал своего волнения перед подчиненными.

— Разделитесь на два фланга! — Розгальд очень быстро отдавал приказы. — Правый фланг будет прикрывать нас от Гренделя и руководить им будет Хорстар. Левый фланг против орков поведу я сам. И запомните, только одна храбрость будет иметь сегодня значение. А это говорит о том, что мы выдержим! Храбрость у дорманцев никто не отнимет, ведь она льётся по нашим венам. За наши семьи! За славный Дорман! В атаку!

Орки сразу почуяли неладное и их дыры в рядах заполнились новой плотью с вершин. Грендель занёс свой молот и ударил в колдовскую стену. Действие скрывающих чар было разрушено.

Профессор Ариш попал под растерзание первым. Не успел он произнести заклинание, как людоед с остервенением разорвал его пастью и от того остались лишь одни скользкие кишки.

— Все в ведьминский круг! — прокричала своим людям Эрлин. — Готовьтесь удерживать его по очереди.

Амелия и сестры откликнулись на призыв директрисы, а Грегори прикрывал их позиции, находясь во фланге Хорстара. Конрад же ринулся в бой против орков, находясь в первых рядах короля. У всех в груди бешено колотились сердца. Мечи Дормана скрестились с мечами врагов и скрежет с искрами разносился от их ударов повсюду.

У Розгальда, словно было открыто второе дыхание: он не замедлялся ни на секунду, рубя плоть орков и проходя сквозь их ещё не успевшие упасть на землю, куски плоти. Конрад шёл с королём бок о бок, но вскоре заметил кучку жрецов, толпящихся у озера. Приспешники собирались нырять, чтобы добраться до артефакта второй части души. Конрад понял, что должен опередить их любой ценой, но людей в мантиях хорошо защищал плотный ряд их свирепых орков. Он не знал, как ему удастся справиться, и верно ли он сейчас поступит. Но всё же он отделился от воинов и со всех ног помчался в ту сторону. Из-за переполнявшего его волнения, он больше ничего не слышал, кроме как ударов своих сапог о сырой песок и тяжёлого дыхания, вырывающегося из лёгких.

На ходу, он едва успевал уклоняться от летящих в него холодных лезвий, и не заметил,

как сбоку на него нёсся рослый орк. Тот сбил его с ног и занёс над наемником копьё. Конрад чуть не выронил от неожиданности меч, но всё же удержал. "Самое время протестировать новые возможности оружия," — подумал он про себя. Заклинания профессора в несколько раз усиливали эффект взмаха у меча, а также придавали ему ударную волну. Разрубленное пополам тело орка отлетело на несколько метров. Впереди его ожидала еще целая толпа, которая постоянно пополнялась. Не успел он сделать нескольких шагов, как опрокинулся на землю, извиваясь от безумной боли. Один из орков ранил его заколдованным копьём в руку. Конрад пытался встать, но тело с трудом реагировало на команды. Рана была сильной, но не смертельной, основные сосуды остались целы. Всё дело было в усиленной с помощью магии Узгулуна волне. Один из орков оскалил свои кривые клыки и занёс над наемником меч.

В этот момент, ковен чуть ли не из последних сил сдерживал удары Гренделя. Эрлин уже начинала думать о том, чтобы все передали свою энергию демоническому магу Озиру. Тот бы, возможно, в одиночку смог сразиться с монстром. Но это означало, что всем им пришлось бы потерять сознание на неопределенное время и быть абсолютно беспомощными. Это была самая крайняя мера. Никто не ожидал, что людоед может оказаться настолько силён в колдовской сопротивляемости. Грегори с остальными воинами переносил сильно раненого Хорстара подальше. Орки добрались и до их рядов. Правый фланг сейчас находился словно в преисподней. С одной стороны, непобедимый Грендель рвущий плоть на части, а с другой, яростные орки.

По телу Розгальда текла кровь. По колено он стоял в груди из тел. Чем больше они уничтожали орков, тем больше их прибывало с гор. Король поскользнулся в этой кровавой каше и шлем слетел с его головы. Когда он поднимался, один из орков хотел отрубить ему голову, но получилось отхватить только ухо. Милорд сразу же рассёк горло, скалившемуся орку. Тёплая и липкая кровь лилась из раны Розгальда, пропитывая насквозь кольчугу, заставляя тело жутко чесаться. Голова правителя раскалывалась от боли. К нему подбежала стража, чтобы увести с поля боя.

— Я никуда не уйду! — король оттолкнул своих людей. — Я в порядке. Я могу сражаться дальше.

Наспех, куском рваной рубахи ему перемотали голову и надели шлем обратно. Король перешагнул через свое валявшееся ухо и двинулся дальше. Но он видел, что половины его воинов уже не осталось в живых. И этот всего лишь за каких-то несколько минут от начала битвы.

"Есть ли смысл отступить сейчас? Ведь если они проиграют, то всех их будет ожидать тьма," — думал про себя Розгальд. Он оглянулся на своих храбрых бойцов. Лица тех покрывали ошмётки грязи, а ноги тонули в крови. Позади над тёмным лесом виднелся неугомонный Грендель.

— Если нам всем суждено погибнуть здесь сегодня, то только с оружием в руках! — король поднял свой меч ввысь и утерев пот с лица, ринулся в бой.

Судьба артефакта

Конрад пытался поднять свой меч, чтобы защититься от удара врага, но рука всё ещё не поддавалась контролю. Орк со всей силы пригвоздил наёмника ногой к земле, клинок уже летел в сердце Конрада. Но Грегори опередил его, бросив кинжал: тот пролетел над головой Конрада и вонзился по рукоять в тёмно-синюю грудь орка.

— Приятель, ты как? — подбежал друг.

— Я не могу контролировать тело.

— Не переживай, это сейчас пройдет, — Грегори помог ему подняться. — Некоторые копы этих вырожденцев обладают парализующим действием.

Конрад ощутил, как силы начинают возвращаться к нему, он снова мог управлять движениями.

— Спасибо, Грегори, — Конрад кивнул другу. — Но что ты делаешь здесь, ты ведь был на левом фланге?

— Хорстар очень серьёзно ранен и мы отнесли его дальше в лес. С ним осталось несколько стражников. Не знаю, вряд ли он сможет выжить. Сейчас левый фланг возглавляет эрл Даррен, — Грегори обернулся назад и в его взгляде читалась обреченность. — От наших войск уже мало что осталось. Без понятия, сколько нам удастся ещё продержаться.

На наёмников хлынула толпа орков и Конраду с Грегори пришлось встать спиной друг к другу, чтобы отразить их выпады. Твари издавали мерзкий рык, а глаза тех не сводились с цели. Друзья рассекали их тела, покрываясь от этого тёмной вражеской кровью. К мечам прилипали куски орчьих мозгов и их грязные спутанные волосы. Небо стало серым и заморосил прохладный дождь, но он не в силах был остудить разгоряченные от битвы тела. Ноги у всех были сырыми от пота, слякоти и крови. Когда напарникам с большим трудом удалось отразить эту группу, Грегори обернулся к Конраду.

— Слушай, мне пора идти к ковену, — говорил он сильно запыхавшись. — Все маги сейчас передадут свои силы Озиру, чтобы тот попробовал уничтожить Гренделя. Это наш единственный шанс. Я должен быть рядом с волшебниками, чтобы защищать их от врагов, пока те будут без сознания. А у тебя какой план?

— Я нырну в это чертово озеро и отберу у жрецов артефакт души. Покончим со всем этим. Времени осталось у нас действительно мало.

Грегори кивнул ему и умчался в лес.

Конрад, прикрываясь щитом от вражеского оружия, добрался до озера и нырнул.

Розгальд с остатками своих людей был загнан в кольцо из орков. Из-за дождя видимость становилась скверной. На берегу не оставалось ни одного свободного места. Всё было устлано трупами, приходилось идти прямо по ним. Вражеский командир оскалил свои гнилые клыки и натянул тетиву. Ядовитая стрела вонзилась в бедро правителя Дормана. Розгальд рухнул на колени, но не выронил меч, а сжал его ещё крепче. Сознание начало затуманиваться. Одним ухом он уже ничего не слышал. Всё закружилось перед ним, словно в водовороте. Кривые орчьи морды мелькали сквозь дождь.

— Король ранен! Король ранен! Всем обороняться до последнего! За короля биться насмерть! Покажем этим сучьим отродьям, что такое стойкость дорманцев! — до Розгальда

доносились крики его верных воинов.

Милорд ослабел и упал на влажную землю. Холодные капли ударялись о его лицо. В голове правителя засиял образ Тиссы. Жена улыбалась ему своей нежной улыбкой и говорила о том, что он всё выдержит, ведь он обещал ей когда-то встретиться с ней миллионы рассветов вместе.

— Дахман, если я умру сейчас, — хрипел король, по ноге у него разносилась жуткая давящая боль, а дыхание перехватывало, — то прошу тебя лишь об одном: позаботься о моём народе и моей семье. Не покидай их! Помоги найти им силы в себе, чтобы они смогли всё преодолеть.

Розгальд разглядел в небе какую-то крылатую тень, приближающуюся всё ближе. Он решил, что это валькирия спускается к нему на своём крылатом коне, чтобы забрать его в чертоги небес. Но это был изумрудный черноглазый дракон. Дождь скользил по его сияющей чешуе и броне, а правила им колдунья Харпага.

Все ведьмы и маги уже лежали без сознания. Грегори с кучкой дорманцев прикрывал их тела от атакующих орков. Мышцы наёмника уже жгло от изнеможения. Когда он увидел Харпагу на драконе, то широкая улыбка просияла на его лице.

— Может быть ещё не всё потеряно, — произнёс он вслух.

Дракон хватал орков и швырял их о серые скалы. Колдунья, несмотря на свои годы, ловко спрыгнула с него и прикоснулась рукой к алому песку.

— Мёртвые вернуться и сразятся за живых! — прокричала она.

По земле пробежала тёмно-зелёная полоса, и рядом с Харпагой начали проявляться очертания вооружённых призраков. Численность их армии не имела ни конца ни края.

— Харпага, — улыбался ей Грегори, — никогда не думал, что скажу это, но я вас просто обожаю. Что это за фокус с привидениями?

— Это не фокус, наемник. Я призвала полчища призраков с помощью древней друидской книги заклинаний. Я должна полностью исправить ошибки своих безумных предков. Только так я смогу стать по-настоящему свободной от кошмаров, — она втянула ноздрями освежающий воздух. — Слишком уж долго ждала этого дня.

Грендель обернулся к озеру и издал жуткий рык. Монстр помчался охранять его от жрецов и дорманцев. Он на ходу сносил пытающихся задержать его орков. Тем сейчас приходилось несладко, ведь твари бились на три фронта: против людоеда, людей и против призраков.

— А это чудище всё ещё живо значит, — напряженно проговорила колдунья и призвала мысленно дракона к схватке с ним.

Дракон оставил напуганных орков и пикировал на людоеда. Но не успел он испустить огненное пламя, как Грендель одним взмахом молота раздробил ящеру череп.

— Да сдохнешь ты когда-нибудь сволочь! — злобно выругался Грегори.

— Сдохнет, — спокойно произнёс, вышедший к ним из леса Озир. — Я готов отправить его в бездну мрака, где ему самое место.

Глаза демонического мага запылали настоящим огнём, а тело заволокло чёрным туманом так, что даже не было видно лица. Только пламенные глаза яростно светили во тьме. Из рук его вырвалась гигантская плеть, рассекая Гренделю спину. Монстр в ужасе взвыл и обернулся. Озир начал увеличиваться до чудовищных размеров, перекрывая собой небо. Демонический маг выхватил молот Гренделя и сломал его пополам. Людоед в недоумении остолбенел, не понимая, что происходит. Но затем, набросился на Озира,

размахивая лапами. Демон схватил его за шею и начал душить, не обращая внимания на удары. Глаза Гренделя побелели и тело его раскрошилось на тысячи песчинок, усыпавших собой берег.

Конрад уже спустился на дно глубокого озера и добрался до гигантской подводной пещеры, в которой был воздушный карман. Выбравшись на каменные плиты внутри, он с жадностью заглатывал воздух. Там находилось несколько жрецов, они набросились на него с ножами. Но наёмник мигом вскочил на ноги и разделался со всеми, кроме одного. Жрец держал в руках чашу, испещренную кривыми линиями, напоминающими извилины мозга.

— Отдай артефакт мне или я тебя тоже прикончу! — Конрад злобно сверкнул глазами.

— Мой повелитель не даст вам с ней уйти, — огрызнулся человек в мантии. — Вы всё равно уже проиграли.

— Не хочешь по-хорошему? — наемник пожал плечами. — Ладно.

Конрад отрубил руку приспешнику Узгулуна. Чаша со звоном ударилась о пол пещеры. Подобрав её и набрав кислород в лёгкие, он пустился к поверхности Йеразеля.

Ведьмы и маги уже приходили в себя, Озир вернул им их силы обратно. Амелия с сёстрами занималась ранами короля и военачальника. Армия мертвецов разбросала остатки орков и те начали сбегать с поля боя.

— Тара, я больше не чувствую пульс у Хорстара, — взглянул на неё Грегори.

Светловолосая ведьма была вся в крови главнокомандующего, она пыталась остановить кровотечение с помощью эликсиров и заклинаний.

— Я сделала всё, что могла... — произнесла она, закрывая глаза военачальнику.

Бледное лицо Хорстара было застывшим, словно восковая маска.

— А как самочувствие милорда? — наёмник обратился к Карлин, что-то шепчущей над королём.

— Всё очень плохо, — произнесла волшебница. — Не думаю, что он придет сейчас в себя. Будет чудо, если он вообще выживет. Стрела была отравлена. Яд успел поразить большую часть тела. Нам остаётся лишь ждать.

Конрад вышел из воды и был полностью поражен масштабами потерь. Всего лишь сотня людей осталась от войск Дормана.

— Что здесь делает труп дракона? — спросил Конрад у друзей, зубы его стучали от холода.

— Долго рассказывать. Ты здесь ещё пропустил армию призраков, которые помогли нам избавиться от орков. Их Харпага призывала, но они уже исполнили свою миссию и вернулись обратно в мир мёртвых, — протараторил Грегори, а затем заметил в руках друга чашу. — О, великий Дахман, артефакт у тебя, — он обрадовано воскликнул.

Тучи заслонила кромешная тьма. Сам разъяренный Узгулун явился за своей добычей. Озир направил в него огненный поток, но повелитель хаоса отзеркалил его и маг сгорел за долю секунды. Все волшебники отвлеклись от раненых и бросились сражаться с ним.

— Амелия, создавай чертов портал, нужно перенести чашу подальше отсюда, — прокричал ей Конрад.

Узгулун заметил артефакт в руках наёмника и обрушил всю ярость на смертных. От волны, исходящей от его удара, всех подбросило вверх. Чаша выпала из рук Конрада, и её перехватил один из жрецов. Приспешник бросился бежать с ней к высокой скале. Конрад начал преследование.

— Я попробую на несколько минут обмануть повелителя хаоса, — обратилась Авонмора к матери.

Девушка создала иллюзию вокруг него и Узгулун не мог понять, куда наносить удары. Жрецы стоявшие неподалеку устали на неё.

— Милая, осторожнее! — в ужасе воскликнула директриса. — Он видит тебя через глаза своих слуг.

В следующее мгновение, повелитель хаоса схватил своими теньвыми руками ведьму и разорвал её на пополам.

— Нет!!! — пронёсся по берегу отчаянный вопль Эрлин.

Конрад догнал жреца на вершине. Амелия переместилась к ним. Наёмник, со злости несколько раз проткнул мечом тело слуги, и отобрал артефакт. Узгулун перестал обращать внимание на усилия ковена и кинулся к чаше наверх.

— Амелия, портал! — нервно торопил её Конрад.

Ведьма только начала формировать телепорт, как земля под ногами задрожала. Узгулун приземлился рядом, наёмник вонзил в него магическое оружие, но это походило больше на укол зубочистки. Повелитель создал ударную волну, от которой те упали. Амелия скатилась к обрыву и чуть было не рухнула с большой высоты на острые камни вниз. Руки её вот-вот соскользнут, волшебница больше не могла удержаться. А чаша выбилась из рук наёмника и тоже покатила к краю обрыва. Сердце Конрада бешено забило. Что ему делать: хватать быстро артефакт или спасти от смерти ведьму. Он не мог успеть сделать что-то одно, не пожертвовав при этом другим. Время больше не ждало.

Наёмник подбежал к Амелии и схватил её, чаша полетела с обрыва вниз. Узгулун ринулся за артефактом и подхватив его, скрылся за скалами.

Конрад с трудом вытянул девушку, висевшую на краю пропасти. Глаза её судорожно и злобно бегали по его лицу. Она не сказала ему ни слова и резко прошла мимо.

Лица сестёр внизу побледнели от осознания того, что чаша утеряна.

— Ему удалось заполучить вторую часть души, — с трудом выговорила Тара. — Он ведь теперь ещё сильнее. Это конец.

— Спокойно, — попытался их приободрить Грегори, хотя сам находился в полнейшем отчаянии. — Конрад с Амелией нашли в библиотеке Остбона зацепку о месте захоронения того древнего мага из рода полуночных звезд. Не факт, что обломок звезды тоже находится там. Но это всё же дарует нам надежду. Пускай Узгулун пока ищет остальные части, а мы с вами завтра отправимся на поиски осколка. Если мы будем везунчиками, то повелитель хаоса облапошится по полной. С тем осколком, мы его точно одолеем.

Амелия пронеслась мимо них, не обращая ни на кого внимания. В глазах у неё застыли слёзы.

— Амелия, что случилось? — прокричала вслед Карлин, сёстры пошли за подругой.

Позже появился Конрад.

— Что с ней? — обратился к нему Грегори.

— А вам Амелия ничего не сказала?

— В том то и дело, что нет. Просто пробежала мимо нас. Девчёлки направились за ней.

— В общем, я совсем не понимаю её. Я только что спас её от смерти, но рискнул артефактом. А она так на меня посмотрела, словно это я пытался её прикончить. Даже если бы я схватил чёртову чашу вовремя у обрыва, то не факт, что я успел бы умчаться с ней со скалы.

— Ты только не вздумай винить себя в исходе сражения, — напарник похлопал его по плечу. — Амелия сейчас на нервах наверное, как и все мы. Думаю, что когда она придёт в себя и успокоится, то всё поймёт. Любой нормальный человек на твоём месте, спас бы друга в такой ситуации.

— Я и не думал себя винить, — удрученно ответил Конрад.

Оставшихся и не успевших сбежать жрецов взяли в плен. Павших дорманцев и всех раненых приготовили к телепортации в Остбон.

Когда все оказались в столице, и в хаосе жители искали своих родных живыми или мёртвыми, эрл Даррен подошёл к ведьмам с наёмниками.

— После завтрашних похорон, я надеюсь увидеться с королевой. Сегодня вряд ли удастся добиться её аудиенции. Миледи скорее всего сейчас находится в шоковом состоянии от ранений короля, так что разговор всё равно не выйдет. Пока Его Высочество не придёт в себя, обязанности по управлению военными силами перейдут временно ко мне. Я думаю посоветоваться с леди Тиссой и отправить послания о помощи ко всем народам. Это всё же наша общая проблема. Жрецов сейчас всех допрашивают. Только объединившись с другими государствами, мы сможем выдвинуться, чтобы преследовать Узгулуна и его армию. Правитель передал мне информацию о том, что вам удалось найти зацепку о месте захоронения древнего мага. Когда вы отправитесь искать осколок?

— Завтра мы простимся с Хорстаром и отправимся в путь, — ответил Конрад.

— Я всегда верно служил королю. Он рассчитывал на вас. И я тоже буду. Если понадобится какая-то помощь, то обращайтесь. Здоровых людей можно пересчитать сейчас по пальцам. Но всё же смогу выделить вам свою личную стражу.

— Благодарю, эрл Даррен, но нам лучше не привлекать к себе внимания большим количеством. Думаю, что мы с ведьмами сможем сделать всё возможное, чтобы найти осколок.

Заместитель правителя кивнул им и вернулся к своим людям.

— Смотрите, корчма справа, предлагаю всем завалиться в неё и дико напиться, — показала рукой Тара.

— Но завтра нам снова выступать в путь, а сил и так нет, — покачала головой Карлин.

— Мне плевать, — та угрюмо парировала. — Пока я не напьюсь и не забуду весь этот кошмар нашего поражения, я никуда и с места не сдвинусь. Хочется навсегда забыть ублюдка Гренделя. Сколько он наших сестёр и братьев сегодня растерзал, это уму непостижимо.

Никто больше не стал возражать и все завалились в таверну. Опустошив по кружке эля за пару минут, все попросили повторить.

— Карлин, будешь сегодня исполнять свою мечту? — решил нарушить печальное молчание Грегори.

— Как? Мне что встать посреди зала и крикнуть: эй, парни, кто хочет групповушку? И тем более я жутко устала.

— Хороший план, — улыбнулся наёмник. — Я думаю, что многие с радостью согласятся.

— Эх, сестрёнка, всему тебя учить, — вздернула брови Тара. — Мы все могли умереть сегодня. Не стоит откладывать желания на завтра. Видишь тех мускулистых симпатичных воинов у барной стойки? Они тоже сегодня сражались. Подойти к ним и поболтай о битве, а потом попроси их проводить тебя в комнату наверх и всё.

— А если они спросят о том, зачем им провожать меня вдвоём? Буду выглядеть как дура. Не могу же я напрямик при всех заявить.

— Никогда не держи мужиков за идиотов. Всё они прекрасно поймут, — Тара подняла кружку вверх. — Так что удачи.

Карлин действительно решилась и направилась к воинам в кольчугах. Через пару минут она уже оживленно о чем-то с ними беседовала.

Амелия допила вторую кружку и попрощавшись со всеми, поднялась к себе. Конрад хотел пойти к ней поговорить, чтобы выяснить, что означает её поведение, но решил, что сейчас слишком рано. По лицу ведьмы было заметно, что она всё ещё не в духе. Так что наёмник тоже отправился в свою комнату, но он долго не мог уснуть. Нервное напряжение от битвы навевало бессонницу. Только ближе к утру, Конрад смог задремать.

Тара же с Грегори решили перейти к напиткам покрепче: заказали себе настоящий остбонувский виски, а к нему жареные крылышки фазана. Они тоже просидели чуть не до рассвета, обсуждая возможные исходы будущего. В лицах их проскальзывали переживания вперемешку с дикой усталостью, но в таком состоянии никому из них не хотелось засыпать. Каждый страшился остаться наедине с кошмарами об Узгулуне.

Только Карлин решилась сегодня забыться по-другому. Два воина брюнета посетили её комнату. Она целовала их по очереди, а затем уселась на постель. Через боковой разрез её платья, одна нога девушки оголилась чуть ли не до упругой ягодицы. Пока с одного она снимала кольчугу, второй опустил свою большую и грубую от битв ладонь на её бедро. Рука его поднималась всё выше, он запустил два больших пальца в её щёлку, а потом вновь вынул. Он повторял это действие до тех пор, пока ведьма не начала тихо постанывать. Карлин откинулась назад, оперевшись на свои локти. Грудь её вырывалась из под платья от учащенного дыхания. Второй мужчина разорвал одежду сверху. Нежные розовые груди оказались на свободе и воин начал ласкать их. После чего он засунул свой испещренный венами толстый член в её влажный рот. Первый же спустил брюки и вложил в её нежную ручку свой длинный фалос. Когда члены уже крепко стояли, Карлин оседлала одного из них. Волшебница целовала его губы и терлась лицом о грубую щетину на его щеках. Языки их сплетались в глубоком долгом поцелуе. Другой воин смочил свой член слюной и вошёл в неё сзади. Ведьма не удержалась и начала стонать громче. Тело её таяло в их тёплых и крепких объятиях. Так хорошо ей не было никогда. Мир идёт ко дну, а она испытывает настоящий оргазм. Кто бы мог в это поверить, думала она про себя, но потом откинула эти мешающие наслаждению мысли. Казалось, что твёрдые члены вот-вот разорвут её плоть, но это было в тоже время так приятно. Мужчина сзади ударялся своими мощными бёдрами о её сочные ягодицы. Он прижал её ближе к себе и зарывшись в тёмных волосах, массировал сладкие груди, теребя стоящие соски. Карлин хотелось сейчас только одного: чтобы они никогда не останавливались. Ночь была действительно долгой. Ягодицы горели от хлопков по ним, а шея покраснелась от лёгких покусываний и крепких поцелуев. Под утро только завершилась чудесная феерия. Тела их переплелись друг с другом в предрассветном сне.

Прощание

На утро команда отправилась в центр Остбона. Почти у всех были бледные и угрюмые лица. Тара наспех успела купить сестре простенькое платье взамен её порванному во время страстной ночи.

— В следующий раз, пусть твои любовники покупают новые вещи, если они уж так любят разрывать их на тебе, — попыталась съязвить светловолосая ведьма.

Карлин ничего ей не ответила. На лице девушки сиял розовый румянец и улыбка в память о двух мускулистых брюнетах. Лишь глаза волшебницы выдавали её тревогу о будущем.

В каждом уголке столицы Дормана царила гнетущая атмосфера. Улицы были переполнены жителями в траурных одеяниях. На бедняках были опрятные, но потертые чёрные цилиндры и шляпы. У более зажиточных же дворян и баронесс красовались на головах тёмные перья и дорогие атласные платья. Все торговые лавки были закрыты. Гробовая тишина поселилась на улицах, никто из детей больше не резвился, а взрослые не говорили громко. Только изредка где-то проносились душераздирающие горькие рыдания матерей, потерявших своих детей в сражении. Да ещё часы на городской башне нарушили безмолвие, пробив двенадцать часов.

На площади королевского дворца стоял, усыпанный цветами гроб главнокомандующего. Миледи с опухшими от слез глазами, стояла возле него и произносила прощальную речь.

— Хорстар был великим военачальником и что самое главное, человеком. Он являлся лучшим другом милорда, ещё до того, как Розгальд взошёл на престол. И никогда не искал выгоды для себя. Этот человек верно служил всему народу Дормана. И думаю, что этим всё сказано, — она закончила обращение к толпе, и затем положив свою ладонь на ледяную руку мужчины, тихо произнесла над его ухом. — Прости, Хорстар, я не пройду с тобой до самого кладбища и склепа. Я не хочу надолго покидать мужа. Молю всех богов денно и ночью, чтобы Розгальд пришёл в себя. А когда это произойдёт, то обещаю: мы все отомстим за тебя и за весь наш народ.

Леди Тисса развернулась и направилась в покои короля, но заметила неподалёку нового военачальника.

— Эрл Даррен, — проговорила она бескровными губами, — прошу вас, отправьте письма, после похорон, ко всем предводителям других народов. Я уверена, что у вас получится подобрать для них правильные слова. Думаю: многие из них объединятся с нами для оказания сопротивления Узгулуну. Знаю, что мы его так уже не одолеем, но зато хотя бы задержим. Это теперь наша всеобщая задача. Будем занозой у него на теле, пока наёмники с ведьмами ищут осколок звезды. Кстати, я поговорила с хранителем казны, он будет ждать вас. У Хорстара осталась жена и шестеро маленьких детей, необходимо выплатить им содержание. Как и всем остальным близким павших воинов. Семьи, оставшиеся без кормильцев, не должны ни в чем нуждаться. Наши средства позволяют позаботиться о материальном благополучии. Придётся где-то урезать в дальнем будущем, или открыть ещё новые источники доходов, но это я обговорю с министрами позже. Мой муж старался всегда сделать жизнь у крестьян лучше, и это необходимо продолжать. Конечно, всем сразу невозможно объёмно помочь, тем более в военное время, когда

производство страдает. Минимальные выплаты на еду и кров над головой должны быть предоставлены каждому. Так что зайдите к казначею.

— Всё будет выполнено, Ваше Сиятельство, — он заметил глубокую печаль в её глазах и добавил. — Миледи, я уверен в том, что король поправится. Он один из самых сильных людей, которых я когда-либо встречал. Вот увидите, совсем скоро Его Высочество вернётся к вам и к своему народу.

— Я благодарна вам, эрл Даррен, за ваши тёплые слова. Мне сейчас так важно было услышать нечто такое, — она пожала ему руку и ушла.

На семейные и прихрамовые кладбища потянулись бесконечные полосы разнообразных гробов. Под которые всю ночь напролёт рылись могилы и подготавливались склепы.

Наёмники с ведьмами шли за телом Хорстара. Его несли верные воины полководца. По обочинам дороги до самого склепа стояли солдаты, с мечами поднятыми вверх, отдававшие честь своему главнокомандующему. Когда его тело запечатали за каменной дверью, друзья направились на другое прощание к реке и кое-как успели. Директриса Эрлин стояла на берегу с погребальной урной, в которой лежал прах её приёмной дочери Авонморы. Морщинистые руки у главы ковена дрожали, а по бесцветным щекам текли тёплые слезы. Она развеяла прах над водой, и все волшебники вошли в реку. Каждый уколол ладонь кинжалом, чтобы пустить себе кровь. Вода слегка побагровела от такого количества. Это был древний ритуал прощания с усопшим членом ковена. Братья и сестры отдавали маленькую частичку себя — свою кровь. Это означало, что погибший действительно был им дорог.

Когда все похоронные ритуалы были завершены, команда отправилась на конюшню, чтобы оседлать своих лошадей.

— А что разве с помощью телепорта мы не можем попасть в графство Западный Уэксгарван? Так ведь куда быстрее, — недоумевал Грегори, глядя на чародеек.

— Это слишком далеко. Чем дальше расстояние, тем больше энергии высасывают телепорты. Тем более никто из нас там ни разу не был. Поэтому перемещение рискованно, — ответила Карлин. — Проедемся хотя бы пару дней верхом, а затем уже можно будет рискнуть использовать магию.

— Как бы такими темпами повелитель хаоса не обошел нас, — наёмник закусил нижнюю губу.

Когда все разбрелись по стойлам, чтобы подготовить своих скакунов к поездке, Конрад удержал Амелию за руку.

— Нам нужно кое-что обсудить. Что произошло с тобой тогда на скале у озера? Почему с того самого момента ты перестала со мной общаться?

— Почему? — девушка уставилась на него гневным взглядом. — Ты мог схватить артефакт! — она в бешенстве прокричала, со всей силы толкнув его в грудь. — И всё могло сейчас бы быть по-другому. Ты думаешь, что я должна тебе быть благодарна за своё спасение, но нет. Какой смысл спасать человека, если всё равно совсем скоро наступит конец всего. С самого детства я решила, что буду спасать людей, а не буду причиной гибели. Отец то и дело мне талдычил все эти годы о том, что ведьмовство не приведёт меня ни к чему хорошему. Знаешь, если бы моя смерть дала всем остальным хоть какой-то шанс на будущее, то я бы его использовала.

— Ты обезумела, Амелия, — ледяным голосом изрёк наёмник. — С чего ты взяла, что я бы успел исчезнуть с чашей? И в конце концов, у нас до сих пор остался шанс — осколок

звезды. А если ты так хотела храбро погибнуть ради человечества, то не цеплялась бы в ужасе за край обрыва. Так почему ты не расцепила своей хватки?

Волшебница смотрела на него раскрыв рот, на глазах её наворачивались горячие слезы.

— Я была напугана, — выдавила она из себя и бросилась внутрь.

Конрад тоже оседлал своего коня и затем подошёл к другу.

— Грегори, если я когда-нибудь стану встречаться с девушкой, то просто убей меня. Я тебе разрешаю.

— Так Амелия объяснилась с тобой?

— Да, — Конрад кивнул. — Но она явно рехнулась. Если у всех девушек такая же логика, как у неё, то это катастрофа.

— Брось это, я же вижу, как ты на неё смотришь всё время. Явно о других ты и не думаешь больше, — усмехнулся Грегори.

— Слушай, дружище, лучше всю жизнь прожить, наявивая самому свой стручок, нежели хоть день провести под одной крышей с истеричкой.

— Не знал, что у тебя член размером сдохлый стручок, — Грегори рассмеялся. — Но я не думаю, что Амелию можно причислять к нервным особам. Она кажется мне вполне адекватной. Просто, знаешь, у каждого есть свои кошмары или травмы, которые заставляют нас смотреть на некоторые вещи словно сквозь кривое зеркало.

— Я не понимаю, о чем ты и понимать не хочу, — отмахнулся напарник. — А у вас с Тарой бывают какие-нибудь недопонимания? — решил он вдруг полюбопытствовать.

— У нас? С чего ты взял, что мы с ней пара? Мы просто друзья, которые иногда спят вместе. Вот и всё. Полная идилия так сказать: вместе любим крепкие напитки и вкусно поесть. Зачем здесь кому-то и что-то усложнять.

— Я просто давненько не видел тебя с другими женщинами, вот и подумал, что между вами скорее всего что-то есть.

— А когда мне бегать за другими девками? Мы все время валимся с ног от усталости и пропадаем на заданиях.

— Ну-да, так-то оно так, — почесал голову Конрад.

Все уже были готовы к выезду, путники тронулись. Никто особо не разговаривал, на сердце у каждого скребли кошки. Пейзаж вокруг быстро сменялся из-за стихийных особенностей Барнара. Сухая жёлтая трава переходила в сочные зелёные поля. Всадникам чуть ли не постоянно приходилось находиться в макинтошах. Освежающий ветер переходил то в ледяной, то вовсе исчезал, оставляя людей в сущем зное. Только Тара больше не выдержала своих переживаний и дала им отпор. Ведьма пустила лошадь галопом, дикая широкая улыбка озарила её острое лицо. Она решила насладиться красотой природы и свободой скорости. Когда она вновь присоединилась к друзьям, Карлин её упрекнула.

— Тара, нам ещё долго ехать, поэтому зря ты так загоняешь свою кобылу. Она ведь выдохнется.

Светловолосая волшебница погладила по морде лошадь и посмотрела на её игривые глаза.

— Моя Гроза вовсе не выдохнется, — произнесла затем младшая сестра. — Ей нужна свобода и скорость, как мне. Только вдыхая зелень лугов и мчась против ветра, она может чувствовать, что живёт по-настоящему. Если нам суждено умереть, то я не собираюсь проводить свои последние дни в печали. Осточертело уже испытывать страх, ведь я и он несовместимы. Мне кажется, что все наши кошмары по большей части находятся только у

нас в голове. Они отнимают у нас часы жизни. Это так несправедливо. Я не хочу существовать, уповая на будущее. Я хочу научиться жить без всяких надежд здесь и сейчас.

Карлин не стала больше ничего ей возражать. По пути в графство, где был захоронен тот самый маг Эбер, спасший когда-то мир, им попадались различные деревушки и селения. Друзья решили остановиться в одном из таких на ночлег.

— Мне одному это место кажется странным? — тихо произнес Конрад.

— О чем ты?

— Селение полностью расположено в хвойном лесу. Нет ни полей с пшеницей, ни огородов. Чем же люди здесь кормятся? В такой тени деревьев ничего не вырастет из овощей, да и скоту необходимо солнце. И тем более кто-нибудь слышит мычание коров или кудахтанье кур? Если бы это был городок, существовавший за счёт добычи из шахт, то я бы не обратил внимания, а так всё это странно.

— Ну, не знаю, приятель. Уже стемнело, не ночевать же нам опять под открытым небом. Итак спина ноет от такой походной жизни, хоть выспаться на нормальной постели. В любом случае, можем спросить у кого-нибудь из местных насчет того, на что они существуют и кормятся, — Грегори потянулся и зевнул, а затем спешился с жеребца.

— Да, спросить всегда можно, но только не всегда в ответ ты услышишь правду, — вздохнул Конрад.

— Я согласна с Грегори, мы все устали, пора бы уже нормально выспаться, — Тара взяла Грозу под уздцы. — Меня уже ничего не пугает. Главное, чтобы здесь нашлась хорошая выпивка и уютная постель.

Наёмники и ведьмы шли по центральной улице. Почти всюду на открытых верандах сидели жители, раскачиваясь в креслах, они пристально смотрели на чужаков.

— Здравствуйте, мы путешественники, — подошёл к одному из домов Грегори. — Скажите, пожалуйста, вы не знаете где здесь найти кров на ночь? Мы конечно же заплатим за еду и за выпивку тоже.

— Место для вас найдется, — ответил мужчина с гнилыми зубами и в помятом котелке. — Сверните сейчас направо, там вы увидите разрушенный храм и рядом с ним будет небольшой постоялый двор. Там снаружи, как раз будет пристройка, в которой вы сможете оставить лошадей.

— Благодарю.

Друзья последовали пути, но Конрад развернулся и спросил.

— А за счёт чего существует ваше поселение? Я просто не заметил ни огородов, ни садов и ни живности.

Мужчина с террасы переглянулся со старухой, сидящей рядом. Глаза их как-то нервно сверкнули на пару секунд.

— У нас лесопилка, сэр, — ответил хозяин дома. — Мы с мужиками поставляем бревна в другие графства, сплавливая их по реке.

— А она где-то неподалёку? — осведомился наёмник.

— Вы что же тоже хотите наняться? Боюсь, что у нас и своих людей хватает.

— Вы не ответили на мой вопрос, — хитрая улыбка проскользнула по лицу Конрада.

— Она в лесу, в нескольких километрах отсюда.

— Но ведь большая река в другой стороне. Кто же строит лесопильни непосредственно в лесу? Ведь привод должен идти от водяного колеса.

— Там есть лесная река. Устье ее проходит далеко отсюда. Она тоже впадает в большую

реку.

— Что ж, тогда всё ясно, — кивнул Конрад. — Извините за расспросы, просто я с детства такой любознательный. Всегда интересовался тем, что нужно и не нужно.

Когда путники двинулись дальше, Грегори уставился на друга.

— Откуда ты разбираешься в лесопильнях? Ты же мне говорил, что никогда не работал обычным трудом, а всегда воевал.

— Будучи ребенком, я бродяжничал повсюду. Подрабатывал где только мог, за кусок хлеба, чтобы не подохнуть с голоду. Как-то в сильную бурю, я пробрался на одну лесопилку, чтобы выспаться там. Меня заметил её хозяин. Я думал, что меня побьют и вышвырнут. Но он оказался неплохим человеком: накормил меня и дал работу. Звали его Рив. Он-то меня и обучил всему. Интересно, как он там сейчас? Давно я уже не бывал в тех краях. Если выживу, то наведаюсь потом к старику. А здесь нет никакой лесопилки на самом деле. Лесные реки слишком мелкие и слабые, поэтому по ним не сплавить лес. Так что, будьте все начеку. Здесь что-то неладное. Боюсь, что спать придётся по очереди, выставляя дежурных.

Команда вошла в пустынное здание постоянного двора. Там находилась лишь одна старушка в грязном воняющем чем-то переднике.

— Здравствуйте, а можно нам снять комнаты на ночь. Мы бы ещё с радостью перекусили чего-нибудь и выпили, — улыбнулась ей Тара.

Но старушка на удивление резво выбежала наружу и заперла дверь.

— И что всё это значит? — Грегори сморщил лоб.

— Кажется мы только что стали заложниками у какой-то шустрой бабули, — пожал плечами напарник.

Карлин громко рассмеялась и все недоумевая взглянули на неё.

— Не обращайтесь внимания, — успокоилась она. — Это всё от нервного перенапряжения. Каждый день творятся какие-то странные вещи без конца и края. А мне так хотелось бы уже жить в каком-нибудь уютном домике, в котором мне мой горячий будущий муж будет готовить завтраки. Я устала от всяких неожиданностей.

— Да, ты постарела, сестрёнка, — Тара обняла её за плечо. — Не переживай, спасём мир, тогда осядешь где-нибудь и обзаведешься детишками. Я буду самой лучшей тёткой на свете. И...

Разговор пришлось прервать. К ним из-за стола с трудом выполз связанный человек. Наёмники помогли ему освободиться от пут и подняться. Перед ними стоял очень молодой мужчина с кривоватыми зубами и испуганными бегающими глазами.

— Кто ты такой и почему связан? Что-то знаешь об этом месте? — начал допрашивать его Конрад.

— Вы мои спасители, как я счастлив, — освобожденный кинулся обнимать наёмника.

Конрад кое-как отделался от его объятий.

— Эти жители вовсе не люди, а чертовы призраки! — завопил молодой человек. — Надо проваливать отсюда. Они находятся в рабстве у какого-то прислужника преисподней. Та тварь очень жуткая и каждую полночь приходит сюда, забирая тела людей. Призраки заманивают путников и запирают их для него. Но монстр нападает, когда жертв больше одного. Вот почему меня до сих пор не убили. Я уже несколько недель здесь живу и слушаю их разговоры, — он расплакался. — Почему я всегда влипаю в какие-то передраги? Мне уже двадцать четыре года. Мамка выгнала меня из дома, потому что я нигде не работал. Но ведь я в душе поэт, и не создан для крестьянской работы. Я отправился в путешествие, чтобы

писать стихи и рассказы о жизни. Но потом меня сюда заманила пышногрудая девка, вы ведь знаете как женские соски затуманивают разум. Я думал, что я нашёл свою музу и вечную любовь, а она оказалась страшным призраком и заперла меня здесь.

— Чудесно, — протянула Амелия. — Взгляните на настенные часы.

На часах была полночь.

Амелия развернулась к запертым дверям.

— Пригнитесь! — скомандовала она всем.

Кедровые засовы разлетелись в дребезги от её последующего заклинания. Все вышли на улицу и с ужасом обнаружили, что лошадей нет на месте.

— Если кто-то убил мою кобылу, то я тому яйца на голову натяну, — Тара в гневе ударила кулаком о балюстраду террасы.

— Как тебя зовут? — обратился Конрад к заложнику призраков.

— Иорик Бэбкок, — ответит тот дрожащим голосом. — Нам нужно бежать отсюда со всех ног. Или мы погибли. А мне нельзя умирать. Я ведь ещё не стал знаменитым писателем.

— Послушай, Иорик, многие знаменитые писатели стали популярными только после своей смерти, — подшутил над ним наёмник. — Так что, может быть, судьба не зря тебя сюда привела.

Но Бэбкок не оценил такой шутки и побелел, словно мел. Грегори, заметив его реакцию, рассмеялся.

— Иорик, а эти призраки могли съесть наших скакунов? — продолжил Конрад.

— Да, они в полнолуние обретают физическую силу, — с трудом произнес тот от страха.

То, что дальше увидели друзья, заставило их сильно понервничать. Прямо на них начала двигаться чудовищная молчаливая толпа жителей.

— Эй, вымеси глистастые, где наши кони? — обратилась к ним Тара.

Но никто ей не ответил. Те продолжали надвигаться на них.

— Невежливо оставлять даму без ответа, — Конрад вынул меч.

Рабские души прислужника набросились на спутников. Хватка их была на удивление яростной. Своими руками призраки могли спокойно проламывать черепа. Когда началась заварушка, Иорик старался держаться всё время рядом с ведьмами и наёмниками. Он то и дело громко вопил и кричал о помощи, когда кто-то из жителей тянулся к нему.

— Бэбкок, хватит орать, как девка на сеновале! — возмутился Конрад. — Держи мой кинжал и тоже защищайся.

— Но я не умею сражаться, — поэт взял оружие вытянутыми пальцами.

— Жить захочешь — научись! — огрызнулась Карлин.

Амелия огненными волнами отбивала атаки потусторонних существ. Тара же задерживала их световыми магическими цепями. Наёмники закалывали врагов мечами и рубили им головы, но те были бессмертными. Поэтому натиск сразу же возобновлялся. Иорик у всех путался под ногами, хватаясь за женские юбки. Он продолжал громко визжать и лишь выставлял нож перед собой, но не орудовал им.

— Мне всё это надоело, — Карлин ударила его локтем, и тот потерял сознание. — Я вызываю потоп Святых, или как он там называется? Помните, мы учили защиту от тварей из Чистилища?

Волшебницы оглянулись на неё и кивнули. Девушки обнялись, прильнув лбами друг к другу. Их общее заклинание вызвало магические бушующие волны. Они начали разъедать призраков, покрывая собой всё селение.

— Хорошая идея, Карлин, — подмигнула ей сестра.

Когда всё было кончено, Конрад высказался.

— Получается, нам сейчас пешком идти, — всплеснул он руками.

— Бежать, — вырвалось у Тары.

— Что?

— Бежим! — завопила чародейка.

Взгляд её был обращён во тьму, из которой к ним навстречу вышел прислужник ада в человеческом облике. Его мускулистое тело было голым, в руках он держал косу, покрытую кровью. На лице монстра находилась железная маска.

— А вы не сможете его одолеть? — уставился на волшебниц Грегори.

— Ты что, не знаешь, кто такой прислужник ада? — в шоке воскликнула Тара. — Это чёртов палач. Он бессмертен. Он приходит на землю, чтобы насытиться человеческой кровью и набраться сил. Никакие святые заклинания не остановят его. На рассвете он сам спускается обратно в преисподнюю.

Все ринулись прочь. Взмахи от лезвия косы разносились за их спинами. Наёмники обернулись.

— Нет, — протянул недовольно Конрад, — мы этого чудика забыли, — он указал на валяющееся тело Иорика. — Прикройте меня.

Палач замахнулся в него, и Грегори подставил меч, но клинок разломился на две части.

— Его коса сломала мой усиленный меч! — прокричал он в смятении.

Ведьмы сделали щит для друга, но тот быстро начал разрушаться.

— Уходим, — Конрад подхватил на руки Бэбкока.

Друзья ринулись дальше. Прислужник ада тоже ускорился.

— Смотри, какая штука у него между ног болтается, — изумился Грегори. — Я думал, что такого размера уж точно нет. И почему он голый? В аду что, одежды нет?

— Если у тебя у самого пипирка размером с мизинец, то это вовсе не означает того, что у других такой же, — усмехнулся запыхавшийся Конрад. — В аду же вроде жарко, говорят. Вот он и голый.

— Да пошёл ты, пентюх подзаборный! — парировал Грегори. — Чтобы у тебя елдак отсох.

Иорик пришёл в себя, но, увидев через плечо Конрада бегущего за ними палача ада, вновь потерял от ужаса сознание.

— Лови этого кучерявого задохлика, твоя очередь его тащить, — обратился наёмник к Грегори.

— На кой чёрт он мне сдался? — сморщился тот. — Зачем мы вообще его спасли?

— А может, вы не будете препираться сейчас, когда за нами гонится неубиваемый представитель преисподней? — чуть не прорычала Амелия.

— А когда он от нас уже отстанет? Я не смогу долго бежать с этим костлявым писакой на руках, — прокричал, обливающийся потом Конрад.

— Нужно выбраться за пределы его выгула, — с одышкой пролепетала Тара. — Повелитель ада не позволяет ему всюду разгуливать. Палач может кормиться только на определённой территории, которая сменяется где-то раз в шесть лет.

— Откуда ты знаешь такие подробности? — удивился Грегори.

— Книги читать надо. В них могут встречаться верные факты, — ответила та.

— Но кто мог написать такую подробную книгу? — продолжал недоумевать наёмник.

— Тот, кто смог выбраться из самого ада, — улыбнулась девушка.

— И кто же это?

— Это настоящая легенда среди всех магов — Великий Сальвадор Рубис Непоколебимый. Но о нём я тебе позже расскажу. Если выживем, конечно.

Кровавый палач отставал от них всего лишь на несколько шагов. Его коса то и дело вспарывала плащи беглецам.

— Ещё чуть-чуть и он раскрошит мои кости, — сквозь зубы злобно процедил Конрад. — Какие у него пределы?

— Совсем небольшие. Повелитель ада никого не балует. Думаю, что скоро он уже не сможет нас преследовать, — тяжело дыша, произнесла Карлин.

Амелия вскрикнула. Палач схватил её за волосы и швырнул на землю.

— Лио сафинум! — Тара применила заклинание.

Но прислужник ада отразил его лезвием косы и схватил рыжеволосую ведьму за горло, собираясь переломать той позвонки. Конрад разбежался и со всей силы воткнул свой меч ему в бок. Монстр выпустил тело девушки. Сёстры подняли её, чтобы оттащить.

— Ты в порядке?

— Да, — прокашлявшись, ответила Амелия.

Иорик Бэбкок вновь пришёл в себя. Зрачки его в ужасе расширились от увиденного, и он бросился с криком бежать, куда глаза глядят. Палач не обратил никакого внимания на рану, нанесённую ему Конрадом, а лишь впечатал того ногой в землю и бросился за поэтом.

Конрад с трудом поднялся. Почти все его рёбра были сломаны от удара. Дыша со скрипом, он перекинул свой меч Грегори.

— Спасай Иорика. Палач сейчас его догонит, — с трудом выговорил он другу.

— Мне это всё не нравится, — встревоженно покачал головой напарник, перед тем, как бросился вдогонку.

Иорик запнулся в темноте и откинул рукой кудри своих шоколадных волос назад, чтобы видеть, где находится палач. Тот стоял рядом с ним, занося свою косу. Бэбкок почувствовал, как тёплая струя мочи течёт у него от испуга по порткам. Грегори уже подбегал к ним сзади, но остановить удар косой он уже не успевал. Прислужник ада опустил её над жертвой. Однако та не достигла своей цели. Это была граница монстра. Дальше неё все его силы и оружие не действовали. Наёмник заметил это.

— Ребята, скорее бегите все сюда! Зона выгула оканчивается здесь! Я вас прикрою.

Поэт сидел на земле, раскрыв рот, и пытался прийти в себя от мысли о том, что он чуть было не умер. Палач преградил путь ведьмам и Конраду. Грегори напал на него сзади, но исчадие ада, словно не замечало ранений. Кровавые сквозные проколы не причиняли ему никакой боли и сразу же зарастали. Голова и вовсе не рубилась с плеч, она будто была притянута к ним несокрушимой энергией.

Девушки судорожно пытались придумать план, как его обойти, а Конрад, будучи безоружным, чувствовал себя беспомощным что-либо сделать. Прислужник преисподней раскрутил в руках косу и бросился на них.

— Тара, нет! — безумный голос Карлин пронёсся под пристальным взглядом далёкой луны.

Светловолосая чародейка рухнула на землю. Коса зацепила ей голову. Она с трудом перевернулась на спину. Всё лицо было в крови, и она задышалась. Кровь в ночи казалась полностью чёрной на её бледной коже.

— Бросьте меня и спасайтесь сами, — с жутким хрипом вырвалось у неё.

Конрад понял, что помочь он ей точно не сможет, и потому крепко схватил брыкающуюся изо всех сил Карлин. Он поволок её за линию, свободную от власти палача. Сломанные рёбра душили его острой болью, и он весь обливался холодным потом.

Амелия тоже осознавала их бессилие над врагом и лишь всячески пыталась подавить магические силы Карлин, чтобы та не высвободилась из рук Конрада и не бросилась помогать сестре, иначе она бы тоже погибла. Грегори с криком бросился на монстра, и друзьям пришлось остановить и его. Ведьма обездвижила друга с помощью заклинания. Они стояли за зоной выгула адской твари. Почти у всех по лицу лились обжигающие слёзы, кроме Конрада и Иорика. Наёмник пытался сохранить самообладание, а поэт не был близко знаком с умирающей ведьмой.

Палач направился к лежавшей на земле Таре. Он хотел полакомиться хотя бы таким уловом. Но обычно монстр никогда не любил тратить силы только на одну жертву. Прислужник наклонился над ней, чтобы оторвать девушке голову и насытиться её кровью с органами. Но волшебница с молниеносной скоростью вскочила и сделала через него кувырок. За долю секунды она успела оказаться рядом с остальными.

Все стояли с открытыми ртами, находясь в полнейшем шоке от её трюка, ведь каждый думал, что она смертельно ранена. А Тара весело улыбалась и хохотала, вертя своим задом перед палачом, который уже не мог их достать.

— Ну как я его обманула? — она радостно болтала. — Просто ведь как последнего тупицу. Здорово я притворялась раненой. Его коса лишь слегка порезала мне кожу, а я всех разыграла. Незаметно на животе обмазалась кровью из царапины и сделала вид, что он победил.

Карлин со всей силы ударила сестру кулаком по лицу. Воцарилось шоковое молчание. Палач некоторое время смотрел на них, но вскоре двинулся в обратный путь, чтобы убраться от людей до рассвета.

— Тара, если бы ты не была девушкой, то я бы тоже тебе сейчас врезал так, что мало не показалось бы, — с трудом проговорил Грегори.

После этих слов все они набросились на неё, заключая ведьму в крепкие объятия и целуя её кровавую и растрепанную голову.

— Знаешь, Карлин, могла бы меня и не бить. Не так с того света любимую сестру встречают, — попыталась обидеться Тара, но не смогла. — Чуть зуб мне не выбила, чёрт тебя побери. Я ведь для вас старалась, чтобы отвлечь внимание палача на себя.

— Если в следующий раз ты сделаешь так, не предупредив меня об этом, то я вот этими собственными руками придушу тебя, — проговорила плачущая и улыбающаяся одновременно от счастья Карлин.

— Ребята, я очень счастлив, что наша Тара осталась жива, а палач убрался восвояси. Но мы сейчас остались с вами без коней и без припасов. К тому же у нас с Грегори один меч на двоих. А у меня почти все рёбра переломаны. Выглядит всё не самым лучшим образом для нас, — Конрад опёрся руками о пояс.

— Не переживай, твои рёбра мы быстро залатаем: всего лишь пара заклинаний и один целебный отвар. Повезло, что они не задели лёгкие, иначе были бы проблемы посерьёзнее, — улыбнулась Карлин. — Я думаю, что нам стоит выспаться под открытым небом, а на рассвете мы доберёмся до ближайшего города Торианвиля пешком. Там вы сможете заказать у кузнеца меч, и мы купим новых лошадей, а также припасы.

— Было бы неплохо, но ведь это отнимет у всех нас время. Да и к тому же в большие города нежелательно заходить, там могут быть шпионы, — высказался Грегори.

— У нас нет выбора, — взглянул на звёздное небо Конрад. — А шпионы могут быть абсолютно повсюду. Но я предлагаю войти в город под прикрытием и отдельными группами. К примеру: Тара с Грегори будут любовниками, которые сбежали от своих родителей, чтобы незаконно обвенчаться. Карлин, ты будешь играть роль моей сестры, а Амелия изобразит жену.

— Я могу просто быть сама по себе. Вовсе не обязательно изображать твою супругу, — возмутилась ведьма. — Я пойду одна и прикинусь ученицей лекаря.

— Как хочешь, — ответил Конрад.

— За вами охотятся какие-то шпионы? — уставился на них Иорик. — Вас что преследует закон? Этого мне ещё не хватало.

Друзья переглянулись друг с другом. Это было им на руку. Посторонние люди не должны знать цель их задания.

— Да, а тебе какое дело? Проваливай на все четыре стороны, — ответил Грегори. — Скажи спасибо, что мы вообще спасли тебя, жертвуя собой за просто так.

— Какая мерзость и хамство! Чего ещё ожидать от таких, как вы, — Бэбкок гордо откинул кудри назад. — Какие всё-таки вы меркантильные. Это самое настоящее мещанское мировоззрение. Если бы у меня были деньги, то я бы все отдал вам. Вы ведь считаете, что человеческая жизнь имеет цену, так? А она бесценна. Но что есть у меня, у обычного поэта из крестьянской семьи? Ничего, кроме благородного сердца и любви к жизни. Творческие люди обречены на бедность и одиночество, а именно мы открываем красоту мира перед такими, как вы и...

— Заткнись уже, — прервал его Грегори. — Убирайся отсюда.

— Но куда я пойду? — Иорик изобразил самое жалостливое лицо, которое им доводилось видеть. — Даже вы, преступники, прогоняете меня. Неужели я сделал вам что-то плохое? Мне некуда податься. У меня ничего нет: ни денег, ни вещей, ни друзей. А я сейчас так напуган! Страшно представить, во что я могу опять вляпаться, продолжая странствовать один.

— Так возвращайся домой и начни работать, чтобы прокормить себя, — всплеснул руками наёмник.

— Работать? — выпучил глаза Иорик. — Лучше я умру с голоду. Променять поэзию и романтику на гроши, зарабатываемые тяжким трудом? И прожить так в погоне за куском хлеба всю жизнь? Нет, ни за что!

— А это не наши проблемы, — уставилась на него Карлин.

— Ребята, вы серьёзно? — взглянула на всех Тара. — Давайте возьмем парня с собой, — она взглянула на поэта. — Бэбкок, мы вовсе не преступники. Мы просто разведчики короля на задании, — соврала ему девушка, чтобы не выдавать тайн их истинного путешествия. — И если ты хочешь, то можешь пойти с нами. Я думаю, что тебе будет интересно. А ведь для писателей важно собирать сюжеты. Это вдохновляет.

— Тара, ты совсем рехнулась? — строгим голосом спросила Карлин. — Ты что, хочешь стать нянькой для взрослого мужика? За свой счёт его кормить и поить? Может, ещё портки ему покупать будешь?

— Я вообще-то всё слышу, — обиженно пробубнил Иорик.

— А мне плевать! — ведьма резко оглянулась.

Тара отвела всех подальше от него, и шёпотом к ним обратилась.

— Да не переживайте, он ничего не узнает про нашу цель. Когда мы доберёмся до осколка, то оставим его где-нибудь в корчме. А сами отправимся сражаться с Узгулуном. Когда освободимся, то я сама за ним присмотрю. Я пристрою его жить неподалёку. Может, его стихи действительно дельные. Можно будет помочь ему их выпустить. Я просто сама люблю читать.

— У тебя точно что-то не так с головой, — отошёл от неё Грегори.

— Вы ведь видите, человеку нужна помощь. Он полностью не самостоятелен, — уже громко произнесла чародейка.

— Он будет обузой для всех нас, — спокойно высказался Конрад. — И он не самостоятелен, а ленив.

— Он не будет нам мешать, — настаивала та.

— Да, я буду вести себя тише воды и ниже травы, — улыбнулся Иорик.

— Ладно, давайте уже устроимся спать, — устало произнесла Амелия.

— Это значит, что вы согласны, чтобы я путешествовал с вами? — поэт радостно запрыгал.

Он начал всех обнимать, но чуть не получил кулаком по лицу.

— Как я счастлив! У меня наконец-то появилась компания. Я уверен: мы с вами подружимся. Ох, как долго я был одинок и печален. Но сейчас всё будет по-другому, — Бэбкок смотрел в ночное небо и мечтал о чудесном интересном будущем.

Утром все проснулись разбитыми оттого, что пришлось спать на твёрдой земле.

— Повезло, что хотя бы дождя не было. Только вот холодный ветер пробирал до костей, — Тара, зевая, потянулась. — Конрад, ты как? Лучше себя чувствуешь после вчерашнего отвара? Боли уже нет?

— Спасибо, со мной всё в порядке, — ответил наёмник.

— Вот и замечательно. Скоро рёбра срастутся, но пока походи пару дней ещё в повязке.

Мужчина кивнул и отправился в кусты, чтобы сходить в туалет.

— Ребята, а кем мне притвориться, когда мы подойдем к городу? — обвёл всех любопытным взглядом Иорик.

— А зачем тебе кем-то притворяться? Ты бедняк, неудачник и попрошайка. Так что будь собой. На тебя никто не обратит внимания, ведь таких, как ты полно, — усмехнулся Грегори.

Тара смотрела на друга, раскрыв рот.

— Что ты мелешь! Зачем так унижительно говорить о человеке? — осадила его ведьма.

— Не переживайте, Тара, — решил ответить сам Бэбкок. — Просто наёмник ничего не знает о человечности. К тому же я вовсе не попрошайка. И я хотя бы не помогаю только тем, кто больше золота отвалит.

Грегори вскочил на ноги и со всей силы толкнул поэта.

— Ты ничего не знаешь обо мне, крысёныш! Сам-то ты хоть кому-то в своей жизни помог?

— Я помогаю многим, пробуждая своими произведениями в людях добро, — гордо ответил Иорик.

— Надо же! Может, прочитаете нам что-нибудь? — метнула вверх брови Карлин.

Поэт поднялся и отряхнулся от грязи. Он развёл руки в стороны и начал декламировать одно из своих стихотворений:

— Твоя улыбка сияла на заре ярче бриллиантов,

А очи мудростью пронизывали плоть мою.

Всегда держалась ты подальше от педантов,

Чтоб не попасться в плотскую тюрьму.

Все боли и обиды ты превращала сразу в прах,

А радостные миги хранила, словно драгоценный клад.

Чего бы только я не отдал, чтоб вновь с тобой увидеться в других мирах,

Но я не в силах сражаться со смертью и, не могу я повернуть назад.

Ты мою душу тронула теплом весенним

И этого я не забуду никогда.

Я буду странствовать и говорить всем с упоеньем:

Что означает истинная доброта.

Конрад успел вернуться и внимательно слушал стихотворение вместе с остальными. Карлин с Амелией никак его не прокомментировали, но по лицам ведьм было заметно, что оно их тронуло.

— Как романтично и печально одновременно. Мне очень понравилось, — похлопала его по плечу Тара.

— Благодарю.

— У тебя что, жена умерла? — серьёзно спросил Грегори. — Просто в этом стихе умерла какая-то девушка, вот я и спросил.

— Что? Оу, нет, — замахал руками поэт. — Я никогда не был женат. Это произведение я написал в честь смерти одной знатной леди из моего края. Ее звали Элен, и своей красотой она затмевала напрочь всех. Она была удивительной женщиной: общалась со всеми на равных и всегда помогала нуждающимся. Но, к сожалению для всех, леди рано умерла от чахотки. Её все очень сильно любили.

— Что ты хотел сказать своим произведением? — прищурился Конрад.

— Я хотел передать вечность человеческой души. Элен заразила всех своей добротой и любовью, так что после её смерти частичка тепла осталась в каждом человеке, который был когда-то с ней знаком. Все мы учимся друг у друга чему-то новому. И многие наши хорошие поступки не канут в пустоту, а останутся в ком-то ещё.

— Нам надо выдвигаться, — изрёк наёмник.

Друзья отправились в путь, шествуя по сочным салатovým лугам. В желудках раздавалось урчание от голода, а удобные сапоги всё же начинали натирать пятки и пальцы. Солнце сильно пекло. Путники делили поровну остатки воды во фляжках. Потная одежда прилипала к телам, отчего те начинали чесаться. Но всем удавалось сохранить более или менее оптимистичный настрой.

Казалось, что чем больше они устают, то тем больше становятся уверенными в своём успехе. Хотя несколько дней назад всё обстояло совсем наоборот. Видимо, уж так устроен человек: когда ему больше нечего терять, это придаёт неведомых доселе сил.

— Сейчас бы кого-нибудь подстрелить и зажарить, — шурился от солнца Грегори. —

Тара, у тебя же есть лук. Неплохо было бы поохотиться на косулю или хотя бы на зайцев.

— Но у нас нет на это времени. Охота ведь может сильно затянуться. Тем более на открытой местности звери хорошо нас видят, — вытерла влажный лоб девушка.

— Не переживай, Грегори, скоро уже появятся стены Торианвиля, — успокоила друга Карлин. — Там мы все наедемся на славу.

До них донёсся звук от ударов мечей. Впереди виднелась борьба между людьми. Высокая загорелая девушка с длинными чёрными волосами одна отбивалась от тридцати грабителей и при этом умудрялась оставаться живой. На голове у неё был золотой обруч с драгоценными камнями, а тело покрывало очень короткое кожаное платье. Она яростно орудовала мечом, прикрываясь при этом щитом. Наёмники пооткрывали рты от её красоты и силы.

— Хватит глазеть на ее сексуальное тело. Идёмте лучше поможем ей, — закатила глаза Тара.

Ведьмы откинули грязных мужиков, ищущих наживы. Конрад на ходу отрубал им руки.

Когда уже все преступники валялись на земле, громко крича и истекая кровью, один из них попытался всё же сбежать. Девушка бросила ему вслед копье, поразив того насмерть. Затем она оглянула раненых и тоже убила каждого, с наслаждением вонзая свой меч им в головы.

— У моего народа не принято оставлять ублюдков в живых, — произнесла, наконец, незнакомка, стирая с лезвия кровь. — Я благодарна вам за помощь, но если честно, то я бы и без вас справилась, — она ухмыльнулась.

— Да, пожалуйста, нам было не сложно, — с любопытством смотрел на неё Конрад. —

В последнее время на дорогах развелось много преступных шаек. Девушкам лучше всё-таки не путешествовать в одиночку. Это небезопасно.

После этой фразы незнакомка задорно рассмеялась.

— Нет, наоборот: опасность грозит другим, а не мне, — закончив смеяться, продолжила та, а затем вынула из кармана медальон в форме двухстороннего боевого топора. — Возьмите его себе в знак моей благодарности и запомните фразу: "Сила есть в каждой!".

— А что это значит? — взял его Грегори.

— То и значат. В каждой из нас есть великая сила, и с нами лучше не связываться, а то заставим сильно пожалеть об этом, — ответила девушка.

— Как вас зовут?

— Ханна.

— А кто вы? Из какого вы народа? — любопытствовал Конрад.

— Я думаю, что вы скоро об этом сами узнаете. Все узнают моё племя.

Ханна вскинула на плечи тяжеленный рюкзак, собрала оружие и с фантастической лёгкостью двинулась дальше, в противоположную от них сторону.

— А она умеет интриговать, — высказался за всех Грегори.

— Тебя не её слова заинтриговали, а её тело, — подметила Амелия.

— Да чему там интриговать? На ней было такое короткое платье, что всё уже было видно, — возразил наёмник.

Все дружно рассмеялись над его словами.

Скоро перед ними начали появляться людские хижинки с полями, расположенными вокруг городских стен. Почти всюду сушились овечьи и коровьи шкуры, растянутые на деревянных кольях. Первым делом отряд направился к колодцу, чтобы напиться прохладной водой и обтереть пыльные лица.

— В стены города входим по отдельности как договаривались. Грегори, заплати кузнецу сразу же большую цену, чтобы он занимался только твоим мечом и успел сделать его за сутки. Завтра, примерно в это же время выезжаем. Встречаемся здесь, — проинформировал всех наёмник.

— А я с кем пойду? У меня ведь ничего нет, — Иорик вывернул свои пустые карманы.

— Тара, прошу вас, — Конрад с иронией взглянул на волшебницу.

Девушка достала из своего мешочка монеты и передала их поэту.

— Держи, Иорик. Этого должно хватить на лошадь, выпивку и ночлег.

— Но я думал, что я с кем-то из вас пойду. Одному скучно. Я думал, что мы теперь с вами одна команда, — он печально улыбнулся.

— Бэбкок, лучше не начинай. Только попробуй кому-то открыть, что ты не один сюда пришёл, и я сделаю из тебя чучело, набив соломой, — наёмник высоко взвёл брови.

Первыми через главные ворота, держась за руки, вошли Грегори с Тарой. В городе кипела жизнь. Прачки в серых передниках сновали туда и сюда с корзинами, наполненными чьими-то сорочками и портками. Из лавок громко выкрикивали разношёрстные торговцы, заманивая покупателей. На запруженных людом улочках валялся конский навоз и разносился едкий запах человеческой мочи.

— Цивилизация, милая цивилизация, — иронично подметила чародейка.

Друзья притворялись влюблёнными, потому что помнили, что всюду могут быть глаза и уши Узгулуна. Они зашли в магазинчик, украшенный красными цветами. Там Грегори купил Таре кольцо, а она изобразила полоумную дурочку, прыгающую от счастья. Затем друзья с

большим трудом выторговали у местного и толстого скряги двух чёрных, как смоль, жеребцов.

— Фух, ну и потратились же мы, — почесал затылок Грегори. — А это нам надо ещё на рынок зайти, закупиться продуктами и прочим в дорогу.

— Я думаю, что сначала разумнее будет зайти к кузнецу, — подметила девушка.

— Да, ты права. Но как нам найти хорошего? Какой безумец успеет сделать за сутки добротный меч для воина?

— Это я возьму на себя, — она чмокнула его в щетинистую щёку.

— И как же ты быстро его найдешь?

— Смотри, сейчас начнётся обеденное время. Многие люди пойдут на обед и закроют мастерские. Но кузнецы, которые не очень ценятся, работают за гроши. А значит, берут на себя слишком много заказов, которые они едва успевают заканчивать, чтобы хоть что-то заработать. Выходит, у них не всегда есть время на обед. Ленивые же и зажиточные кузнецы уйдут на обед и оставят вместо себя учеников. Нам такие тоже не подойдут. Надо выбрать того, который уйдёт на обед и не оставит вместо себя работать других. Это означает, что кузнец ценится в округе не зря. Выходит, у него хорошая прибыль. Он не гонится за деньгами и не собирает все заказы подряд. Но он очень серьёзно относится к своей работе и не оставляет вместо себя учеников. Он любит всё контролировать сам, а это хорошее качество опытного кузнеца. И, кажется, я уже заметила такого. Гляди, видишь того гиганта серьёзного? Он закрыл кузницу на перерыв, и его подопечные тоже ушли.

Грегори удивлённо взглянул на Тару, выслушав её доводы, а затем подошёл к тому самому рослому мужчине.

— Здравствуйте, — кивнул он незнакомцу. — Вы ведь кузнец? Мы с супругой видели, как вы закрыли кузню.

— Да, но у меня обед сейчас. Так что возвращайтесь позже, — угрюмо ответил тот.

— Я извиняюсь, но, понимаете ли. Если только между нами. Я взял свою девушку в жёны против её родителей. И сейчас они, возможно, преследуют нас. Вы ведь понимаете меня? Любовь. С ней ничего не поделаешь. Так вот. Нам завтра уже нужно продолжать путь. Мы не можем задерживаться. Поэтому я готов заплатить любую цену, какую вы потребуете, если вам удастся выковать мне меч к тому времени. Не можем же мы продолжать путь без оружия. На дорогах всякое творится, а свой прежний меч я в спешке забыл.

Мужчина резко и неожиданно выбросил кулак в лицо Грегори, но тот успел увернуться.

— Что это было? Зачем вы попытались меня ударить?

— Ты лжёшь, — спокойно ответил кузнец. — У тебя слишком быстрая реакция для сопливого влюблённого паренька. Такая реакция может быть получена только в ходе многократных сражений. Выходит, ты воин, а истинный воин никогда не забудет и не потеряет своего меча, даже когда он вусмерть пьяный. Меч — это всё, что нужно для того, чтобы воин смог выстроить свою судьбу с самых низов и до самого верха. И да, если бы вы действительно были незаконно помолвлены, то не стали бы трепаться об этом на каждом шагу. А у меня и без вас работы хватает. Я выполняю заказы в порядке очерёдности, и ничто не заставит меня её нарушить. Или у вас есть более веская причина, чтобы я променял свой обед на работу?

— А вы мне нравитесь, — улыбнулась Тара, но затем серьёзно сказала. — Вы очень проницательны, поэтому должны понимать, что правду мы вам никак не скажем. Очень жаль, что вы отказались помочь действительно хорошим людям и действительно за большую

плату. Жаль. И в то же время удивительно, ведь вы не похожи на идиота. К тому же, я бы вам купила свежего молока и горячего хлеба с мясом. Кормила бы вас с руки, если понадобится, но, увы.

Кузнец расхохотался.

— Идёмте, я сделаю вам меч, какой пожелаете, — он наконец, согласился. — А если честно, то что с прошлым мечом случилось?

— Он сломался пополам в бою, — ответил наёмник.

— И какой только бездарь вам его выковал. Тьфу. За такое кузнецов раньше вешали.

Тем временем Конрад с Карлин тоже уже были внутри города. Они разыгрывали из себя брата с сестрой. По легенде, Конрад вёз её выдавать замуж в другое графство, а коней они покупали новых, потому что те заболели какой-то заразой и сдохли.

Друзья сразу же отправились на ярмарочную площадь, чтобы запастись всем необходимым, а затем сняли приличную гостиницу, в которой проживало много приезжих дворян. Они сытно перекусили, и Карлин поднялась наверх, чтобы надолго залечь в ванну.

На Конрада накатила внезапная скука с апатией, и он в полнейшем одиночестве сидел у барной стойки, медленно потягивая сладко-кислый сидр из лучших яблок Дормана.

Амелия, хорошенько умывшись в съёмной комнате таверны, направилась на окраину города, где, как ей сказали, находится единственная нормальная конюшня. Там она приобрела себе новую кобылу с красивым золотистым окрасом, а также изящное кожаное седло. Ведьма чувствовала себя устало, но сразу же решила проверить её полностью в деле. Девушка пустилась вскачь по луку за городом, и это её неплохо взбодрило.

Иорик Бэбкок тоже направился за покупками. Но не успел он добраться до центральной части Торианвиля, как его избили и ограбили. Поэт пытался отважно защищаться, как умел: кусался и плевался. Но это не помогло. Он очень опечалился, что лишился доверенных ему новой подругой денег. Бедолага не знал, что ему делать. Выбора не было. Надо было найти кого-то из своих и признаться.

Первым, кого ему удалось встретить в городе, был Конрад. Он увидел его через окно гостиницы.

— Конрад, — он подошёл к наёмнику с дрожащим голосом и теребя измятую шляпу. — Я знаю, что не должен сейчас здесь быть, но я...

Не успел он договорить, как тот набросился на него, придавив испуганного поэта к стене.

— Ты, сволочь, зачем назвал моё имя? — скрежетал со злости зубами наёмник. — Тебе повезло, что здесь сейчас пусто и никого нет. Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Меня избили и ограбили, — только и смог из себя выдать Бэбкок.

— А это не мои проблемы! — выкрикнул тот.

Конрад почувствовал в себе сильный прилив гнева: ему хотелось избить до полусмерти Иорика. Это его напрягло. Он не понимал, почему он так взвился на бедного поэта. В последнее время наёмник часто замечал за собой излишнюю агрессию.

— Может всё это из-за нервов и беспокойства об Узгулуне, — задумался он про себя.

— Где тебя ограбили? Сможешь меня туда провести и если что, показать нападавших? — попытался успокоиться Конрад.

— Да.

Они направились в кишаций огромными крысами грязный район, где на каждом шагу стояли дешёвые беззубые проститутки, переболевшие всеми видами половых заболеваний.

Им повезло. Грабители не додумались далеко сбежать. Ограбив поэта, они тут же отправились пропивать добычу в ближайшей корчме. Конрад сломал им носы и пальцы, а также забрал уцелевшие ещё деньги.

— Держи, — вручил он их Иорику. — Тут осталось ещё немного, — пораздумав, он добавил ему своих монет. — Сейчас тебе на всё хватит. Потом вернешь мне с процентами, если разбогатеешь, — наёмник усмехнулся. — И только попробуй ещё раз их потерять, тогда я и тебе нос сломаю. Иди на площадь, там более приличное место и нет всякой падали.

— Конрад, я очень благодарен вам! Но тут даже гораздо больше, чем мне необходимо.

— Это тебе на меч. Найди кузнеца. Пусть сделает тебе лёгкий простенький меч.

— Но зачем? — удивился Бэбкок.

— Я буду учить тебя биться. Потому что никто из нас не будет постоянно спасать тебя. Мужик ты, в конце концов, или нет.

— Я? Я мужик! — обрадованно воскликнул поэт и бросился обнимать наёмника. — Спасибо большое. Не думал, что у вас такое доброе сердце. Видимо, стихи творят чудеса.

— Проваливай от меня. Чтобы до завтра я тебя больше не видел, — выпутался от него Конрад. — Стихи здесь ни при чём. Просто я устал смотреть на твою немощность.

Все разошлись по своим делам. Ночью Грегори захотел соития. Он взглянул на лежащую к нему задом Тару в тонкой сорочке. Член его напрягся от этого.

— Ты не спишь?

— Нет ещё.

— Может, развлечёмся? — игриво спросил наёмник, целуя её белые голые плечи.

— Грегори, я не хочу заниматься любовью. Я очень устала. Вообще нет настроения, — она повернула к нему голову. — Сходи вниз, может там есть шлюхи или просто свободные девушки, жаждущие приключений.

— Но, Тара, зачем мне куда-то идти, если ты лежишь вот тут, рядом. Зачем мне усложнять себе жизнь? Тем более, мой дружок уже встал. Не буду же я так разгуливать по таверне. И тебе вовсе не обязательно напрягаться. Я сам всё сделаю.

Ведьма рассмеялась.

— Да забирайся уже в постель, — улыбнулась она ему.

Грегори скинул одежду и пристроился к ней сзади. Он провел рукой по её ноге, задирая сорочку, и почувствовал маленькие колющиеся волоски.

— Ого, кто-то начал обрастать, — прошептал он ей на ухо.

— Да, и не только ноги, — она положила его руку на кудрявую подушку в паху. — У меня нет времени заниматься собой. Сейчас немного не до этого.

— Ничего страшного, — он целовал её шею.

Руки Грегори забрались ей под одежду и припали к мягким тёплым грудям, которые не были сильно большими, но идеально помещались в руке. Наёмник водил своим твёрдым членом у неё по ягодицам, а потом медленно вошёл внутрь. Девушка верхней рукой поглаживала его по голове. Они долго и никуда не торопясь, а наслаждаясь каждым моментом, любили друг друга. Наёмник был счастлив от каждого прикосновения, когда его член входил и выходил в её сочный, нежный цветок.

Конрад же в это время привёл в свою комнату в гостинице жгучую и смуглую девушку. С ней он познакомился внизу и узнал, что она шьёт платья на заказ для знатных дам. Тело её было очень притягательным, и она сама начала первой приставать к нему, поглаживая своей ножкой у него между ног. Конрад думал, что сможет развеяться и занять вечер страстью. Но

член у него почему-то не вставал.

— Я что, тебе не нравлюсь? — устав его возбуждать, девушка в шоке взглянула на него. — Тогда зачем ты привёл меня к себе?

— Я не знаю, что со мной такое. Я просто... Это у меня впервые. Может, я слишком перебрал с алкоголем или устал, — Конрад покраснел и не знал, что с ним творится.

— Да пошёл ты! С евнухами и то веселее будет, — она ударила его по лицу и, одевшись, ушла.

Наёмник упал на простынь.

— Что за чертовщина? — думал он про себя.

Наёмник попытался успокоиться. В голове начал всплывать образ Амелии. Её розовые груди, выпирающие из-под корсета, манили его в своих мечтах. Губы ведьмы так и звали Конрада, чтобы он впился в них своими губами. Он почувствовал, как член его начал подниматься. Конрад обильно смочил его слюной и начал сам себя ублажать, продолжая представлять Амелию полуобнажённой. Когда он кончил, то выругался:

— Какого чёрта эта ведьма сделала со мной. Почему я хочу только её одну?

Конрад резко вскочил с постели. Ледяной пот, словно в тиски, сковывал его тело. Он напряжённо дышал, пытаясь понять хоть что-то из своего кошмарного сна. Ему снилась мать. Она звала его в пустынные земли, усыпанные пеплом. Лишь смерть и проклятье царили там. Это чувствовалось кожей. Мать говорила, что это его настоящий дом. В густом тумане кто-то ждал его, протягивая когтистую руку, испещрённую тёмными язвами. Конрад решил подойти поближе, но его мать набросилась на него. Она кричала о том, что должна была убить его очень давно. Мать яростно вонзала в наёмника лезвие клинка.

Этот сон долго ещё не отпускал его. Мужчина никак не мог понять: кто был в том тумане и почему мать так желала смерти собственному сыну.

Он окатился водой из ковша. И, наспех одевшись, отправился тарабанить в комнату Карлин. Конрад сильно удивился, когда дверь ему открыл улыбающийся лысый гном.

— Мне мерещится или я действительно вижу доброго гнома? — у наёмника отвисла челюсть. — В наших краях они все угрюмые и агрессивные.

— Полегче, мужик. Я так-то всё слышу, что ты там сверху мелешь. Гномы вообще-то разные бывают. Не стоит вешать на нас свои ярлыки, — после этих слов он обернулся к растрёпанной ведьме. — Прощайте, мадемуазель. Надеюсь, что вы не забудете про меня, когда вновь вернётесь в эти края. Вы поразили моё сердце, ведь ваша красота прошла сквозь мою волосатую грудь и пробилась её насквозь. Буду с нетерпением ждать вас, моя богиня. Где бы вы не были, вы всё равно узрите столб сизой дымки, идущей с гор. Там я буду ковать для вас самое драгоценное кольцо во всём свете. Даже королева и падкие на украшения эльфы обзавидуются, когда увидят его на вас.

— Какого чёрта здесь происходит? — не стерпел Конрад.

— А ты, мужик, запомни: она моя женщина. Если обидишь чудесную Карлин, то я найду тебя и запеку на вертеле, словно свинью. И передай это всем! — рыжебородый гном пригрозил наёмнику мощным кулаком и ушёл, отправив напоследок девушке воздушный поцелуй.

Конрад смотрел на Карлин, ожидая её объяснений. Она быстро расчесала свои волосы и, захватив мешок с вещами, наконец, вышла к другу.

— Добрый день, — улыбнулась ему ведьма. — Надеюсь, что остальные уже на месте. Лучше нам не задерживаться.

— А ты ничего не хочешь сказать? — он взял её вещи, чтобы помочь донести их до конюшни.

— Ты знал, что у гномов всё не так уж и пропорционально? У них на самом деле просто огромный...

— Стоп, — перебил её Конрад. — Давай, только без подробностей. И что это за вопрос такой? Откуда я должен был знать это, по-твоему?

— Ну, я мало что знаю о твоём прошлом. Так что... — протянула, шутя она.

— Никаких так что. Карлин, ты ведь здесь находишься в роли моей сестры, которую я везу на выданье замуж, — шёпотом и нервно жестикулируя, обратился к ней он. — Поэтому будет очень странно, если о тебе пойдёт слух, что невеста просроченная оказалась.

— Ничего страшного. С кем не бывает. Это ведь нашему заданию точно никак не

навредит.

— Где ты вообще его подцепить успела?

— Ты так сказал, будто он болячка. Мой Ормонд доставляет украшения в торговую палату напротив. Он увидел меня в окно и сразу влюбился. Ночью вполз в мою комнату с куском сыра и с бутылочкой потрясающего Баливардийского вина. Мне он очень понравился. Раньше я ни разу не встречалась с гномами, а зря. Вот кто действительно знает толк в том, чтобы доставить женщине настоящее удовольствие.

— А ты уверена, что он тебе это самое удовольствие доставлял тем самым местом? Просто было темно и мало ли.

— В каком смысле?

— Ну, он ведь лысый, — наёмник не сдержался и расхохотался во всю голосину.

Чародейка смотрела на него, как на умалишённого.

— Конрад, ты серьёзно? Ты ведь взрослый человек, а шутишь, как дитя. И как только меня угораздило с тобой сдружиться? Не понимаю.

— Чего? — возмутился тот, сморщив лоб. — Это же не я каждые военные вылазки превращаю в похотливые хождения!

— Ой, это уж куда лучше, чем сидеть одному в своей комнате и наяривать на Амелию.

Конрад от неожиданности поперхнулся собственной слюной.

— А чего ты так уставился на меня? Мы же все прекрасно видим, как ты всё время украдкой на неё косишься. Можешь даже не стараться отпираться. Ты в неё втрескался, как только увидел. И это, между прочим, правильно. Амелия — потрясающий человек. Такие люди, как она, большая редкость. Амелия всегда старается больше ради других, чем ради самой себя. И, кстати, я не знаю: заметил ты или нет. Но ты ей тоже, похоже, нравишься. Поэтому давно бы уже поговорил с ней по душам, и было бы всё прекрасно. Но не считая Узгулуна. Эта образина способна, конечно, всем всё испоганить.

Конрад замешкался. Он не понимал, как себя повести: открыться перед Карлин или нет.

— Но о чём мне говорить с ней? Она сразу бросается в слёзы. Её сложно понять.

— Слушай, открою тебе секрет. Только учти, не трепайся остальному мужскому населению. Необязательно её понимать изначально. Можно ведь сделать вид, что ты понимаешь.

— А ты сама знаешь, почему она так себя со мной ведёт?

— Я без понятия, — рассмеялась Карлин. — Я тоже делаю вид, что всех понимаю.

Наёмник помотал головой от услышанного.

— И чему это я удивляюсь. Даже сами женщины себя не понимают.

Он подвязал вещи к сёдлам. И они выдвинулись к месту сбора.

— А ты собираешься потом с этим гномом Ормондом встречаться? Ну, если, конечно, повелитель хаоса не разрушит мир.

— Мечтать не вредно. Так что да. Я бы с ним походила на свидания, однозначно.

— Ага. И потом нарожаешь от него маленьких лысых гномов-колдунов, — на его лице от смеха вспрыснули слёзы.

— Я не понимаю, что здесь смешного, — после этих слов Карлин начала сама хохотать. — Только прошу тебя, не говори Таре, да и вообще больше никому пока что. Я не хочу потом всю дорогу слушать острые шутки по этой теме. Тем более Ормонд бы их не оценил. Поэтому мне как-то не по себе. Он замечательный гном.

— Ладно, договорились. Только ты с Амелией про меня тоже не разговаривай. Хотя там

и говорить то не про что.

— Хорошо, — Карлин пустила коня рысцей.

Они выехали за городские стены, где их уже ждали остальные.

— Знаете, что я тут подумал, — обратился ко всем Грегори, пока Иорик ходил в клозет на дорожку. — Когда мы доберёмся до графства Западный Уэкстарван, то как мы найдём склеп Эбера? В записях же даже не указана часть графства. А оно, чёрт побери, огромное. Сколько у нас уйдёт на это времени?

— А у тебя что, есть идеи получше? — закатила глаза Тара.

— Нет, это меня как раз таки и беспокоит. Всё это настоящее безумие. Мы пытаемся ухватиться за иглу в стоге сена.

— Это всё равно гораздо лучше, чем ничего не делать. Эрл Даррен уже, скорее всего, разослал послания предводителям других рас. Объединившись, они неплохо смогут задержать армию Узгулуна. Это даст нам достаточно времени. Все мы винтики одного целого механизма. Так что, Грегори, не переживай. У нас всё, как бы это странно не звучало, идёт по плану, — постаралась остудить переживания наёмника Амелия.

— И сами длительные поиски в графстве — это ещё не самое страшное, — прищурил глаза Конрад. — Когда мы туда явимся и начнём расспрашивать всех, то это не останется незамеченным. И если мы не найдём осколок, то это путешествие окажется последним для нас.

Лица друзей покрыла напряжённая пелена отчаяния. К ним, улыбаясь, возвращался Иорик Бэбкок.

— Если бы наш поэт знал, в какую передрагу он ввязывается, оказавшись рядом с нами, то давно бы уже умчался подальше. Так и чешется язык, чтобы обо всём ему рассказать, — недовольно пробурчал Грегори.

— Сейчас наступили такие времена, что опасно абсолютно везде, — осадил его Карлин.

Иорик же пока шёл наступил на перевёрнутую кверху в траве мотыгу. Древяк со всей силы отпечаталось ему по лбу. Бэбкок взвизгнул.

— Кто оставил здесь свой инструмент? — вопил он, размахивая руками. — Так ведь и убиться можно. Как безответственно.

Крестьяне молча смотрели на него. Один из мужиков в замызганной рубахе уверенным шагом направился в его сторону. И поэт сразу же побежал под защиту к наёмникам. Он лихо запрыгнул на своего купленного осла. Мужик, заметив, что Иорик находится в компании воинов, решил оставить своё преследование.

— Бэбкок, зачем ты купил осла? — уставился на него Конрад.

— Мне сказали, что он более вынослив. А как я понял, путешествие предстоит из нелёгких. Этот красавец стоил также как самый быстрый конь. Только вот торгош сказал, что этот куда лучше, — он погладил осла между его большими ушами.

Конрад приложил руку к лицу и высказался про себя, но так, чтобы слышали все.

— О боги, за что?

Все пустились в путь галопом. Даже осёл поэта поскакал во весь опор, нисколько не вредничая.

Так они и мчались весь день, лишь иногда переводя скакунов на шаг, чтобы не загнать их. Перекусывать тоже приходилось в седле, поэтому практически у всех болели животы.

Они пересекли уже несколько миль. На пути мало кто встречался: несколько пеших

пилигримов, с которыми они поделились едой, да посыльная карета с двумя стражниками.

День близился к концу. Кровавый закат заволок горизонт. Мошкара кружила над головами. Впереди виднелись сторожевые башни.

— Это граница домена Лишнера, — раздался зычный голос Конрада. — Перед нами его столица. Я частенько здесь раньше брал заказы. Предлагаю проехать напрямую. Скорость — наше главное оружие. И не вижу смысла разделяться сейчас на пары, ведь это затянет продвижение. Если что, то любопытным зевакам просто скажем, что мы королевский патруль.

Уставший Иорик не особо его слушал. Он, как истинный поэт, впитывал в себя по большей части лишь зрелище.

— Какой жуткий закат. Так и вспоминаются строки Мериольвиуса Париионвильского из его предсмертного сборника, — приготовился цитировать он.

— *"В закате том я кровь узрел,*

Что вновь напоит землю.

И не останется уж больше стрел,

Которыми стреляют с целью.

Нас всех захватит вихрь убийств,

Поэтому, оставив всё, я прочь бежал.

Я лишь искал покоя и молитв,

Но вы нашли меня, в руках держа кинжал.

И ваши черепа лежат сейчас с моим под елью.

Ну почему никто не разгадал тогда:

Что страх повенчан был со смертью..."

— Хорошие строки, — прокашлялся Конрад.

— Я вот вообще не понял о чём они, — опёрся у луку седла обеими руками Грегори. — А ты что в них увидел, дружище?

— Каждый в произведении видит что-то своё, поэтому не вижу смысла объяснять. Всё равно мало кто поймёт, — отмахнулся наёмник.

— Ого, Конрад, не знала, что ты интересуешься литературой, — удивилась Амелия, уставив на него свои зелёные печальные глаза.

— Я много времени, бывает, проводил в библиотеках, расположенных при замках или при храмах. Ведь хорошему наёмнику иногда требуются знания о том, на кого он ведёт охоту, — покрывшись румянцем, ответил тот.

Они уже приближались к поставой страже.

— Слушай, Иорик, а ты вообще откуда умеешь читать? Ты же из крестьянской семьи, а они ходят на учёбу крайне редко, — обернулся Грегори к плетущемуся позади поэту.

— И к чему это клише? Неважно, кем ты родился, важно, кем ты решил стать, — Бэбкок гордо задрал голову вверх. — Я ходил в классы крестьянской школы, где обучился азбуке. Правда, отец часто устраивал мне за это взбучку. Он хотел, чтобы я с малого возраста уже работал в поле. Меня произвели на свет как рабочую силу, а никак человека. Из-за частых побоев, конечно, пришлось потом забросить свой класс. Я тайно по вечерам бегал к местному хранителю храма. Тот был добр душой и помог мне развить мой навык чтения. Собственно говоря, он же мне и давал множество книг, в которых я знакомился с великими писателями нашего и прошлого веков.

— Важно не то, кем ты хочешь стать, а то, кем ты стал, — подметил Грегори.

— Чтобы стать кем-то по-настоящему, нужно прожить тысячи жизней, — парировал Иорик. — Ведь став кем-то, ты должен удерживать этот статус, а значит постоянно совершенствоваться. Следовательно, двигаться дальше. Значит уже не быть кем-то, а стремиться стать ещё лучше. Выходит, что к нашей жизни применим лишь закон хотения, а не самого исполнения.

— Слушай, у меня что-то голова разболелась от твоих слов, — презрительно фыркнул Грегори.

Они уже подъехали к воротам. Амелия приготовилась доставать королевскую печать, чтобы их без проблем пропустили, но, как оказалось, она им не потребовалась.

— Вы ведь тот самый наёмник, — выхаркался на землю стражник. — Конрад — карающий меч. Давно вас не было в наших краях, — он покосился на остальных. — А эти тоже с вами?

— Да, — сухо ответил Конрад.

— Тогда пусть без проблем проезжают. Кстати, работа для вас уже здесь явно есть. Наш противный бальи точно не упустит шанса.

— Я здесь проездом и задерживаться не собираюсь и на час. А что с прежним руководителем Сидериком Вивианом?

— Он помер уже как лет шесть назад. И место бальи занял высокомерный Лютеций Гарион. По указам короля, бальи не имеет права принимать подарки, дабы блюсти в глазах закона непредвзятость и честность. А Лютеций берёт их направо и налево. Так ещё и подкупает остальных, чтобы на него не отправили жалобу в регентский совет.

— Что ж, Сидерик себе такого не позволял. Он правил от имени его величества жёстко, но справедливо. А вам бы я посоветовал написать в Остбон, чтобы палата общин нагрязнула сюда с проверкой.

— Истину глаголите, Конрад. У Лютеция кто-то похитил жену и сына прямо из внутреннего сада. Стражников нашли с вырванными кадыками. Так тот, не жалея, гоняет всех военных по округе и днём и ночью. Уже все валятся с ног. А тот угрожает. Кричит, что если семью его не найдут, то он сам начнёт убивать своих же людей. Вот как вот простому люду в такой ситуации быть? — прищурился усатый стражник.

— А то вы не знаете, — ухмыльнулся Конрад.

— Так-то оно так, — поняв его мысль, почесал тот затылок. — Эх. Проезжайте, — пропустил он их, приказав своим подчинённым поднять ворота.

Копыта лошадей зацокали по булыжнику. Темень уже спустилась на город. Лишь на центральных улочках было людно. Там на стенах висели зажжённые факелы, и припозднившиеся с работы или гулянок жители отбрасывали свои тени на пропитанные сыростью стены.

Слепой уличный песенник допевал строки последней на сегодня баллады. Его пронзительный голос с горячностью разносился среди запуганных нечистью, да и богами людей. С младенчества им приходится выбирать сторону, за которую они и погибнут. Они гнут свои спины под гнётом властолюбивых ненасытных скряг. А потому восхищаются свободным образом жизни наёмников, ведь у тех нет хозяев.

— *"Коль узрел ты своё отраженье*

В клинке его боевого меча,

То не спасёт тебя уж прощенье,

Ведь голова твоя снята давно с плеча.

Наёмник без рода и прошлого.

Он доводит всё до конца.

Взяв след вурдалака иль прочего,

Конрад разрубит его от ребра до хребта.

И ветер заменит ему объятия близких,

А седло жеребца для наёмника словно постель.

Он мчится сквозь тучи гадов ползучих,

Чтобы за золото поразить саму смерть", — летело из уст песенника под мелодию, льющуюся из гуслей.

Грегори спешился и положил пару монет певцу.

— Не знал, что ты так знаменит, — обернулся он к другу.

— Я, если честно, тоже, — смутился наёмник. — Мы не будем здесь останавливаться. Проедем по переулкам сразу за город. А там устроим ночлег. Всего лишь на пару часов, не более.

Они двинулись дальше. Но путь им быстро перегородили люди бальи. Нижняя часть лиц их была закрыта повязками. Главарь личной охраны наместника вышел вперёд.

— Славный наёмник, мы рады приветствовать тебя и твоих друзей в нашем городе Гринстоуне. Лютеций Гарион хочет дать тебе задание, за выполнение которого он осыплет тебя золотом с ног до головы. Щедрость его очень известна в этих краях.

— Проехали незамеченными называется, — огрызнулась про себя Тара. — Слухи разносятся со скоростью мысли.

— Я уже наслышан о беде вашего бальи. Но я нахожусь сейчас при исполнении королевского поручения. Так что у меня нет времени. Поищите себе другого наёмника.

Едва он это сказал, как человек напротив что-то подкинул вверх. Густой дым за доли секунды заволок всё вокруг на множество метров. Ведьмы не успели создать защиту. Слишком быстро их поразило дурманящее облако. Все они рухнули наземь, засыпая младенческим сном.

Амелия увидела видение. К ней из старого леса вышла богиня Алу. Чародейка обрадовалась.

— Покровительница, ты спасёшь наш народ? — она с надеждой в глазах смотрела на волчицу.

Но вместо доброты благосклонной к ним богини, она увидела её злобный оскал. Амелия не понимала, что происходит.

— Великая Алу, но чем мы разгневали тебя? — девушка начала пятиться назад.

Она наткнулась спиной на Конрада. В его взгляде было что-то жуткое. Волчица рычала не на неё, а на него.

Конрад открыл опухшие веки. Ему едва удалось унять дурноту. Он поднялся на ноги и отряхнул с себя налипшее сено. Тяжёлая рука рухнула на его плечо. Наёмник не стал медлить: резко развернувшись, он ударом ноги подкосил человека бальи.

Когда противник был придавлен к дощатому полу амбара и рука его трещала под болевым приёмом. Конрад решил начать диалог.

— Где остальные?

— С ними всё в порядке. Не твори глупостей, наёмник. Я должен проводить тебя к Гариону. Он всё тебе объяснит.

Конрад ещё сильнее вывернул его руку, от чего тот вскрикнул и громко выругался.

— Кажется, ты плохо понял мой вопрос. Считаю до трёх и перерезаю тебе горло твоим же мечом! Раз...

— Хватит! Я расскажу всё, что знаю, — недовольно огрызнулся стражник. — Лютеций приказал спрятать твоих людей. Если ты сможешь разыскать его жену и сына, то он отпустит всех. Если откажешься, то их сожгут заживо.

— Где их держат?

— Это неважно. Ты всё равно не сможешь добраться до них. Вокруг амбара целая армия. Тебе придётся встретиться с ним и согласиться на условие.

Конрад понял, что идти в одиночку против войска будет плохой затеей. И молча вышел во двор, прикрывшись рукой от яркого солнца. Его проводили в библиотеку бальи. Пока наёмник шёл, он успел подметить хорошую защищённость дворца. Высота стен завораживала и количество охраны тоже. Тот, кто украл близких наместника, мог пробраться сюда только изнутри. И этот кто-то имел полную свободу действий. Но при этом вырванные кадывки свидетельствуют о силе и ловкости. Нельзя просто незаметно убить всех. Либо тут какая-то тайна. Либо проникли всё же снаружи. Но какое чудовище будет способно на это?

— Доброе утро, Конрад, — обратился к нему стоявший спиной Лютеций.

Охрану отпустили. Они остались вдвоём. Неожиданная глупость со стороны наместника.

— Прежде чем ты набросишься на меня, знай, что если я пострадаю, то и твои друзья тоже. Я знаю, что многим я не нравлюсь. Особенно простолюдинам. Но поспешу тебя огорчить. Здесь есть очень верные мне люди, — бледный и упитанный бальи отвернулся от книжных полок. — Твои друзья умрут, если ты не вернёшь моих жену и сына живыми.

— Что, если ваши близкие уже мертвы? — холодно произнёс наёмник.

Гарион ядовито сверкнул своими чёрными глазами.

— Тогда твои друзья всё равно умрут. Мне нечего терять, — медленно протянул тот, усаживаясь за высокий стол.

— Вы ведь в курсе, что мы находимся под опекой короля и что вас казнят, — зубоскалил Конрад.

— Ты уже это много раз повторял. Можно ли запугать казнью того, кто уже смирился с ней? Я не собираюсь жить без своей жены и ребёнка. Не будет их, не будет меня. Я должен удостовериться, что смог сделать для них всё.

Конрад жутко рассмеялся. Этот наглый бальи угрожал им и задерживал продвижение.

Мир висит на волоске, а он хочет спасти свою семью. Ради чего?

— Лютеций, вы ведь слышали об Узгулуне? Знаете, что он собирается укокошить всё живое? Вы просто идиот. В мире есть проблемы поважнее вашей семьи, — уже злобно огрызнулся наёмник.

— За оскорбление бальи казнят, — вяло произнёс тот. — Но я торопиться не буду. Не ожидал от тебя такого упрёка. Все считают наёмника благородным, а перед ним всегда стоит только миссия и расплата. Не более, ни менее. Может быть, когда-нибудь ты поймёшь, что важнее семьи ничего нет.

— А я, кажется, решил разгадку. Возможно, боги разгневались на вас за то, что вы деньги себе загребаете. И лишили вас близких, — Конрад взглянул ему прямо в глаза.

— В таком случае тебя тоже должен ждать гнев богов. Вся доброта в тебе напускная. И за свою гордыню ты тоже будешь отвечать перед судом, — парировал Лютеций.

— Если боги решат покарать меня, то я буду к этому готов.

Дневное тепло не проникало в каменные стены библиотеки. Там лишь был слышен шёпот предков, который даровал принятие.

— Сколько у меня времени, — после некоторого молчания продолжил Конрад.

— На утренней заре твоих друзей казнят сожжением. И учти, я знаю, что женщины являются ведьмами. В нашем краю множество любопытных учёных. Поэтому здесь многие не боятся колдовства. Мы временно лишили их сил. Так что не думай, что им удастся сбежать.

— Если вы пытаете их, то умрёте от моих рук, — наёмник сжал руки в кулак.

— Мои люди всего лишь используют редкие знания, от которых ведьмы теряют силы. И да, я бы не стал тратить на твоём месте времени.

— Пусть ваши люди вернут мне меч, — исподлобья самоуверенно взглянул он на наместника. — Нужно осмотреть внутренний сад и стены. Там вы мне расскажите всё, что известно.

Лютеций качнул головой. Они направились в сад. Конраду вернули оружие.

— Моя жена Эстраграда часто перед сном любила прогуляться, чтобы спалось лучше. И брала с собой сына Мелькора. И в тот день они тоже направились в сад. Всюду на стенах горели факелы. Я же задержался в библиотеке. Окна её, как вы могли заметить, выходят в другую сторону. Стражников во внутреннем дворе было десять. На стенах вокруг замка стояло тридцать. Все мертвы. Никто ничего не слышал и не видел.

Конрад осматривал стены, пытаясь понять, как сюда вскарабкались, а также глядел на следы в траве.

— Эти стены брали раньше штурмом? Я имею в виду крюки, передвижные башни-захватчики, лестницы.

— Нет. Это место застроено после стычек с западными соседями. После них не было нападений на эти земли. Не считая, конечно, кровной вражды. Но замок сам не атаковали.

Наёмник взобрался на стены. Он долго оглядывал каждый выступ. Действительно, никаких следов. Конраду начало казаться, что это могли быть летающие твари.

— А ваша жена без служанки разве гуляет? — сморщил лоб он.

Лютеций многозначительно уставился на него и не сразу ответил.

— Обычно Эстраграда всегда ходит с придворной дамой Фрэнсин. Но та сказала, что в тот день моя супруга велела ей остаться внутри, так как ей хотелось с сыном наедине полюбоваться на звёзды. Чтобы никто не нарушал их семейной атмосферы.

— Я так понимаю, супруга редко отлучала от себя Фрэнсин в прочие дни?

— Она никогда этого не делала. Это единственный случай. И к чему эти расспросы не по теме? — сурово спросил бальи. — На что вы хотите намекнуть? Думаете: моя жена сама перебила всю стражу и покинула замок?

— Я буду задавать такие вопросы, которые посчитаю нужными, — оскалился наёмник. — Иначе можете прямо сейчас сжечь всех к чертям. И да, я ни на что не намекаю. Если Эстраграда обычная женщина, то с охраной она бы не справилась. Сколько Мелькору лет?

— Нынче будет семь вёсен, — сдерживая себя, ответил тот.

— Что ж. Верните мне лошадь. Пора проверить округу.

Прежде чем ринуться в окрестности, наёмник внимательно обследовал территорию вокруг стен. Трава была прижата. Виднелось с десятков троп. На двух из них листья были вдавлены в землю ещё больше. Конрад решил следовать им. Он до сих пор не понимал, как существам удалось преодолеть стену и кем они были? Поступь являлась явно не человеческой.

Наёмник пустил молодую лошадь во весь опор. Через час он добрался до болот. Следы тоже исчезли там. Конрад привязал скакуна и, найдя длинную корягу, отправился в топи.

На сердце было тяжело от слов бальи. Чем-то всё-таки он его сумел задеть. Ноги прилипали к грязи на болотистом дне. Жутко веяло зловонием. Мошкара залепила всё лицо, но он старался не отвлекаться на них. Одно неверное движение и можно было остаться здесь навсегда, став частью перегноя.

Конрад сильно измазался, когда, наконец, преодолел топи. Ноги сильно тянуло от напряжения. Перевернувшись на спину, наёмник вглядывался в просветы крон. Небо становилось серым. Дыхание было усталым. Он не знал, зачем он здесь? Нужен ли он кому-то? Одиночество в последнее время точило его, словно вода камень. Когда он признался Амелии, что с друзьями больше не чувствует себя потерянным. Конрад не солгал. Но, тем не менее, тоска накатывала на него. Что-то подсказывало ему, что это ненадолго.

Карлин, возможно, осядет где-нибудь вместе со своим гномом, и так он потеряет верную подругу. Девушка будет оберегать семейный очаг, а не странствовать в путешествиях. А Грегори, может быть, тоже остановится на одном месте вместе с Тарой. Хотя, кто их разберёт. Между ними была довольно непонятная для него связь. Он считал, что любовь либо забирает тебя всего, либо её нет.

А любил ли он когда-нибудь? Откуда он может знать это наверняка? Однако относительно семьи у него были чёткие представления. И он не знал, откуда они у него. У босоного, всеми гонимого парнишки с улицы. Может быть, это всё та же заслуга Рива и его семьи. Хозяин лесопилки часто приглашал его за стол в свой дом. Конрад наблюдал их быт. Тогда он только смог узреть, что такое семья. Верная и уверенная в себе жена. И муж — её помощник и добытчик. Ему нравилось у них дома. Там чувствовался уют и тепло. Выходит, воистину любящие люди умеют создавать вокруг себя обстановку, в которой все остальные ощущают себя хорошо. Между Тарой и Грегори такого не было. Он читал это в их отношении друг к другу. В Таре проскальзывала какая-то холодность от нехватки уверенности у Грегори. Конрад решил, что это не его дело. Пусть друг сам разбирается с тем, чего он хочет на самом деле.

А как же ведьма Амелия. С ней он испытывал себя по-настоящему нужным. Но понимал ли он её? Или вообще хотел бы попытаться понять? Он не знал, как быть с ней дальше.

Сделай она хоть шаг навстречу к нему, он бы припал к её ногам навечно, словно преданный пёс. Но с другой стороны, наёмник этого боялся. Он не мог позволить зависеть своей жизни от биения её сердца. Конрад никому не доверял. Если способны бросить родная мать и отец, то значит, и жена сможет. Так он думал. Он считал Амелию дождём, а себя жаждущим воды путником посреди пустыни. Она могла сделать его счастливым. Но если её станет слишком много в его жизни, то её воды размоют землю под ногами и затопят всё вокруг. В ней крылось его спасение и его гибель.

Он услышал, как позади треснула ветка. Конрад вскочил на ноги и обнажил меч. Перед ним замерла, широко раскрыв глаза, женщина, словно испуганный заяц. Она будто бы не дышала, а только сошла с картины, застыв в такой позе как статуя. В руках у неё находилась большая охапка розовых нежных гиацинтов. От них приятно веяло мёдом с горечью.

— Леди Эстраграда? — брови наёмника вопросительно сдвинулись над переносицей.

Из её уст вырвался резкий вздох, больше походивший на испуганный восклик. Цветы повалились из рук. Она, подхватив низ платья, ринулась бежать прочь. Женщина ловко перескакивала через поваленные деревья, словно юная косуля.

Конрад, не медля, рванул за ней.

— Пойдите! Я лишь хочу помочь! — кричал он ей вслед.

Её муслиновое голубое платье призрачно мелькало среди зелёного мха. Наёмник заметил на опушке выстроенные на скорую руку навесы из веток. В самом центре дымился небольшой костёр. Конрад напрягся. Он не понимал, что всё это может значить.

— Эстраграда, что случилось? — тревожно спросил ту мужчина, выбежавший к ней навстречу.

Он выглядел весьма импозантно. Обнаженный мускулистый торс едва прикрывала тонкая оленья шкура, свисающая с его плечей. Видно было, что угрозу для жены бальи он не представляет. Так как нежно сжимал её ладони в своих.

Конрад поднял обе руки вверх в знак мирного намерения. Его со всех сторон окружили люди. Глаза их недобро смотрели. Но наёмник удивился. Ни у одного из них не было при себе оружия. Конрада этот факт обеспокоил куда больше, нежели если бы они набросились на него с мечами.

— Слушайте. Я всего лишь наёмник. Лютеций Гарион держит в заложниках моих друзей. Он хочет, чтобы я привёл его жену и сына живыми. Если этого не произойдёт, то моих друзей убьют.

К Эстраграде подбежал бледный светловолосый паренёк, обхватив её за талию. Конрад обратил внимание на то, что у мужчины в оленьей шкуре волосы такого же цвета. И носы у них были с паренёком очень похожи.

— Я не знаю, что у вас тут происходит. Но Эстраграда с Мелькором должны пойти со мной.

— Она никуда не пойдёт с тобой. Лютеций — ублюдок. Он не умеет обращаться ни со своим народом, ни с женщинами. Мелькор мой сын. Этот бальи прекрасно знал об этом. Он избивал Эстраграду. Заточил их в замке.

— Меня выдали замуж за него, не спросив согласия. Он всегда избивал меня просто так. И изменял мне. Его никто не любит. Лютеций обворовывает простой народ. Это дьявол во плоти. Я же не могла от него просто так уйти. Иначе он бы забрал у меня Мелькора. Сам Лютеций бесплоден, но он не позволил бы никому этого узнать. Однажды он взял меня с собой на охоту. Там начался ураган. И я встретила в лесу Лайена. Он спас меня. Он был

нежен со мной. И случилось так, что я понесла от Лайена Мелькором. Но я боялась Лютеция и вернулась.

— Мелькор скоро станет мужчиной, и он должен быть с настоящим отцом. Я должен его воспитать, — продолжил Лайен. — Поэтому я забрал своё. То, что принадлежит мне. Женщину, которую я никогда не обижу, и своего собственного сына. Он должен жить по обычаям моей стаи.

— Стаи? — удивился Конрад.

Лайен помедлил.

— Тебя это не касается, наёмник. Убирайся, иначе можешь попрощаться со своей жизнью!

— Я рад, что Эстраграда покинула своего деспота мужа. Но ты ошибаешься, Лайен. Всё это очень даже касается меня. Если Лютеций не увидит их живыми, то мои друзья будут мертвы. Предлагаю разыграть карты. Сделаем вид, что игра идёт по правилам бальи. Он освободит моих людей, и тогда мы, объединившись, уничтожим Гариона. Я считаю, что план прекрасен. Потому что он справедлив.

Лайен широко улыбнулся. Хотя это скорее походило на звериный оскал. В голубых глазах проскользнула потусторонняя дрожь.

— Я тебе ничего не должен, наёмник. Ничего у тебя не брал. Где ты узрел эту справедливость? Моя стая невиновна в том, что Лютеций угрожает смертью твоим друзьям. Не моя в том вина. Так что поубавь свой пыл справедливости.

— Я знаю, что не ваша. Но всё же Лютеций заслуживает расправы за своё поведение. И я знаю, что народ пойдёт за нами. Не вижу смысла убегать. Когда можно уничтожить рассадник проблем. Почему бы не покончить с бальи раз и навсегда, если от него всем достаются только неприятности?

— Люди, быть может, пойдут за тобой, но не за нами, — усмехнулся Лайен.

Конрад ощутил, как кровь закипает в сердце. Он всегда был стратегом. Но сейчас терял над собой контроль. Ему осточертело уговаривать Лайена. Наёмник огляделся. Он насчитал тридцать мужчин. То, что они были без оружия, не успокаивало его. Скорее всего, это были оборотни. Значит, сильнее в несколько раз, чем он сам.

Конрад не мог вернуться с пустыми руками к бальи. Но сражаться в одиночку со стаей было безумством. А возвращаться назад, чтобы попросить в помощь у Лютеция людей могло отнять драгоценные часы времени. Узгулун продвигался, а они застряли.

В висках начали пульсировать вены, словно ритуальные барабаны. Нечто животное просыпалось в Конраде.

— Либо вы отдаёте мне Эстраграду и Мелькора, либо я убью вас всех на месте и заберу их силой, — зловещая улыбочка пробежала по лицу наёмника

Лайен расхохотался. Конрад молниеносным движением вынул стрелу из колчана и выпустил её прямо в его грудь. Но Лайен уже не был в человеческом обличье. Он обратился в волколака. Лайен ходил на огромных лапах. Передние руки походили на человеческие, но покрылись серым цветом со струпьями. Одной такой уродливой рукой он одержал стрелу наёмника. Сломав её пополам, тот сделал прыжок, поразивший Конрада. Он понял, как они преодолели высокие стены.

Вокруг все обратились в двуногих волколаков. Мощью своих тел они спокойно сносили деревья вместе с корнями. Острые длинные клыки без труда могли убить с первого раза. Лайен решил напасть сзади. Его сородичи одновременно набросились на Конрада.

Взгляд наёмника стал стальным. Конрад рванулся вправо, схватив за шею одного из оборотней. Он резко толкнул его голову назад, а затем на себя. Нападающий не ожидал такой реакции. Наёмник проскользнул у него между ног, перерезав врагу сухожилия.

Едва он успел это сделать, как десятки рук потянулись к его телу. Конраду пришлось продолжить бой на коленях. Он перекручивался с одного колена на другое. Тем самым очерчивая взмахами лезвия круг.

Лайен не ожидал такого бесстрашия и уверенности в движениях. Он и раньше был наслышан о Конраде. Но то, что он сейчас видел перед собой, заставило его убедиться в том, что о наёмнике пелись слишком скромные оды.

Из тридцати противников восемь уже были мертвы, а девять серьёзно ранены. У оставшихся же пыл поубавился. Они начали разбегаться. Никому не хотелось лезть на рожон к такому ловкому убийце.

Лайен окончательно вышел из себя. Его острые зубы скрипели. Глава стаи метнул в своих подчинённых запугивающий взгляд.

— Чего замерли? — вырывалось из его пасти искорёженное рычание. — Бойтесь его? Я вас сам, суки, тогда уничтожу! Разделаться с ним!

Конрад не чувствовал больше усталости. Лёгкие и сердце работали на износе, но его это не тревожило. Наёмнику придавал сил гнев. Он терпеть не мог, когда на кого-то набрасываются толпой.

— Лайен, — он рассмеялся ему в лицо, — почему бы нам не разрешить это боем один на один? Ты удивляешься трусости своей стаи. А сам какой пример им подаёшь? Мне-то собственно говоря, всё равно. Я сказал, что могу убить вас всех. Значит, так и сделаю. Но неужели тебе их не жалко? Да ещё и сынишка твой всё это видит.

— Уничтожить, я сказал! — проорал в бешенстве главарь.

Уцелевшие бросились исполнять приказ. В противоположном случае их бы ждала кара от остальных сородичей. Никто не имеет права ослушаться вождя стаи.

Конрад был к этому готов. Он сплюнул на чёрную землю. Меч из его рук выпал. Наёмник, не двигаясь с места, с невероятной лёгкостью уклонялся от оборотней. Некоторые из них даже с любопытством начали на него поглядывать.

Он голыми руками переламывал шеи. Один из оборотней не успел увернуться. Конрад вцепился в него железной хваткой и со всей силы обрушил вниз и добил ногой. От умирающего успел донестись лишь жалостливый скулёж.

Но наёмник на этом не остановился. Уже свободными руками он дробил двум нападавшим трахеи.

Остался последний. Воин ударил его в живот коленом. Оборотень согнулся. И тот просто выгрыз на его шее сосуды. По подбородку Конрада стекала кровь врага. В глазах мужчины пылал огонь. Казалось, что разделавшись с тридцатью крупными оборотнями, он совершенно не устал.

По телу Лайена пробежала волна мурашек. Исчезнув, они оставили его наедине со страхом.

— Ты не из этого... — он хотел что-то выкрикнуть наёмнику, бросаясь за его выпущенным мечом.

Но Конрад уже вырвал из груди Лайена сердце. Он несколько минут смотрел на него в своих руках. До него сзади доносился жуткий крик Эстраграды. Женщина обезумела от гибели возлюбленного и набросилась со своим кинжалом на его убийцу.

Наёмник как будто наперёд знал каждое движение. Жена бальи пролетела мимо и, запнувшись об его выставленную ногу, повалилась в грязь. Он голой рукой схватил лезвие кинжала. И с улыбкой сжимал его в своих руках.

Эстраграда тряслась от ужаса. Наёмник забрал его и начал связывать ей руки.

— Беги, Мелькор, беги! — женщина разрыдалась.

— Я никуда не уйду. Я убью эту сволочь! — мальчишка ринулся за мечом.

Хиленький Мелькор с трудом поднял оружие воина. Он пытался замахнуться, но Конрад толкнул его ногой в плечо, и тот опрокинулся на свой зад.

— Когда вырастешь, отомстишь мне за своего отца, — наёмник подмигнул ему.

Малец харкнул в лицо. Конрад молча вытер слюни. И, связав конечности Мелькора, подхватил его на руки. Пора было возвращаться.

Несколько раз Эстраграда чуть не утонула в болоте. И, судя по её поведению, она этого очень хотела. Наёмник всю дорогу бранился. Он весь взмок от пота, пока тащил костлявого паренька по вязкой жиже. Ему казалось, что он скорее сойдёт с ума, чем выберется из этого угрюмого леса.

Помимо временных пленников, его выводили из себя собственные мысли. Он никогда не замечал за собой такого безрассудства, которое учинил здесь. Сцены битвы представляли перед ним словно в тумане. Конрад всегда был уверен только в одном человеке — в себе. Но сегодняшнее поведение сильно насторожило. Он сам не узнавал себя. Откуда столько выносливости? Почему он был так уверен в исходе этой схватки? Он же не безумец.

— Лютеций убьёт меня, — медленно и тихо вымолвила Эстраграда.

Её бледное лицо состарилось за несколько мгновений. Две глубокие продольные морщины пролегли на лбу.

— Не отдавайте хотя бы Мелькора. Скажите, что он сбежал или сгинул в болоте. Ведь он будет воспитывать его в жестокости. Что он ему даст? Лишь сундуки с золотом и тумачи. У моего мальчика не будет воли. Каким человеком он вырастет?

— А что, папаша-оборотень дал бы вашему сыну больше? Что-то я сомневаюсь, — холодно отрезал Конрад.

Из покрасневших глаз женщины вновь хлынули слёзы.

— Не говорите про Лайена так, — дрожащим голосом продолжила та. — Вы ничего о нём не знали. Он являлся оборотнем, но был лучше многих людей. Лайен бы прислушивался к Мелькору, ведь он его истинный отец. А вы мерзавец. Вы всё разрушили. Всё... — она с трудом смогла вздохнуть.

У Конрада так и чесался язык, чтобы ответить. Он не увидел в Лайене ни мужества, ни мудрости. Но решил промолчать.

Когда они добрались до замка, Лютеций выбежал к ним навстречу в своём горностаевом плаще. В воздухе сильно пахло конским навозом. Видимо, тот отпустил всех слуг. Стражи тоже не было.

— Эстраграда, любимая! — он кинулся к ней.

Но Конрад встал перед ним.

— Если я сейчас не увижу своих друзей живыми и невредимыми прямо пред собой. То, не сходя с места, убью твою жёнушку и мальчугана. И учти, Лютеций, моё терпение уже на

исходе. Тебя я тоже убью. Клянусь рунами древней Памфлиды.

Бальи даже немного отступил назад. Выражение лица наёмника красочно ему говорило о том, что огрызаться дальше не стоит.

В результате Гариону пришлось, чертыхаясь, уйти, чтобы отдать своим людям приказ. Через полчаса только Конрад смог увидеть Грегори, Бэбкока и ведьм. Их привели во двор. На головах у них были мешки, а руки связаны железными цепями. У женщин на шее висели странные амулеты из трав и из неизвестного металла.

— Освобождай, — вальяжно произнёс наёмник.

— Сначала передай мне мою жену и сына, — лоб бальи покрылся крупными градинами пота.

Но Конрад не стал больше ничего произносить. Он лишь устремил на того свой жестокий взгляд. И тот сказал всё за него.

— Развяжите их. И снимите сдерживающие магию ожерелья, — недовольно и резко скомандовал Гарион.

Как только с чародеек сняли металл и сушёные травы, Амелия прямо с мешком на голове подошла к бальи и взмахнула рукой. Он начал задыхаться от её колдовства.

Стража навела оружие. Но ведьму уже было не остановить. Сёстры сбросили мешки с себя.

— Лотинге мешиарах сим дум! — прокричала Карлин.

Часть стражников разорвало на куски. Остальные в ужасе ринулись бежать прочь, но их настигла магия Тары. В воздухе словно пронеслась невидимая леска. Тела их перерубило пополам.

— Теперь я ясно понял, почему им даже оружие носить с собой не нужно, — улыбнулся Грегори.

Амелия в это время покончила с бальи. Труп его повалился на землю, придавливая собой траву. Из ушей его лилась чёрная кровь, а изо рта выползали черви. Только после этого Амелия сняла с головы мешок. В её глазах можно было успеть заметить яркую ледяную вспышку.

— Выходи! Я тебя вижу! — громко обратилась она к прячущемуся за колонной слуге бальи.

Тот предстал перед ней с трясущимися ногами.

— Молю, не убивайте меня. Я сам ненавижу Гариона и...

— Закрой свой рот! Тебя никто не просил говорить! — злобно прервала ведьма. — Ты только что увидел, что мы сделали с бальи и с теми, кто его слушался. Хорошо запомни эту картину. Так будет с каждым, кто рискнёт лишиться нас сил. Если мы выживем, то уничтожим целые города, если понадобится. Но отомстим. Передай это всем! А тем людям, что разработали эти амулеты, скажи, что на первый раз мы их прощаем. Но в следующий раз мы засунем эти амулеты им в их кишки. И перережем весь их род полностью! Если ты запомнил всё это, то просто кивни и убирайся.

Слуга сделал, как она сказала. После этого случая он стал заикой. И ему ещё долго снились кошмары, где он видел ведьм, танцующих на крови.

— Я не думаю, что стоило со всеми поступать так жестоко, — почесал затылок Йорик.

— Это неуважение к магической силе. Если бы мы пощадили этих людей, то нас бы больше ни во что не ставили. То, что на нас надели эти странные амулеты и лишили сил, очень сильно нас унизило. Мы должны были отомстить. Никто не имеет права позорить нас

и наших предков, — пояснила поэту Тара.

— Великолепно! — поаплодировал Конрад. — Я и сам собирался это сделать, после того, как вас отпустят. Но вам помощь совсем не потребовалась. Этот ублюдок Лютеций, как оказалось, был плохим супругом, хреновым руководителем и чудовищным человеком.

После своих слов наёмник развязал рты Эстраграде и её сыну.

— Вы свободны, — улыбнулся он им.

Женщина залепила ему пощёчину.

— Я рада, что Лютеций мёртв. Но ты убил ни в чём неповинного Лайена. Будь ты проклят, ничтожество! — в конце она чуть не прошипела.

— Я предлагал вашему любовнику и отцу вашего сына выбор. Всё могло обстоять куда лучше. Но главарь стаи сам выбрал смерть. Его убила трусость и лень. Я лишь был клинком в их руках.

— Когда я буду готов, то найду тебя, наёмник. И заставлю забрать свои слова обратно, — Мелькор не по-детски, а очень хладнокровно устремил глаза на Конрада.

— Я знаю, что мы с тобой ещё увидимся, — кивнул тот.

Когда Эстраграда с сыном уже уходили, Амелия направилась к вдове Гариона и попросила рассказать всё, что произошло.

— Мы разве не торопимся в путь? — удивился, разведя руки, Конрад.

Ведьма, успев узнать историю, произошедшую на болоте, подошла к Конраду практически вплотную.

— А ты случайно ли не дружок Узгулуна?

— Что? — мужчина точно не ожидал такого вопроса.

— Я знала в своё время очень искусных воинов, ничем не уступающих тебе. Так вот. В одиночку никто из них ещё не смог выстоять хотя бы против семи половозрелых ликанов. Те твари очень сильны и способны с лёгкостью перемещаться на большие расстояния. И у меня вопрос. Какого чёрта ты сейчас жив?

— Амелия, если бы ты была мужчиной, то ты бы уже была мертва, — сверкнул глазами Конрад. — Ты выдвигаешь в мой адрес слишком серьёзные обвинения и причём абсолютно не опирающиеся на достоверные факты. За такое убивают на дуэли.

— А с чего ты взял, что я откажусь от дуэли? Думаешь, что я не умею владеть мечом? Всё будет честно. Никакой магии. Можешь выбрать любое оружие. Я с детства тайно обучалась мастерству ведения боя. И за свои слова готова отвечать.

У наёмника по телу пробежали мурашки, вызванные восхищением от храбрости этой чародейки. Друзья их стояли с открытыми ртами.

— Амелия, ты рехнулась? — не выдержал Грегори. — Зачем ты несёшь клевету на него? Я Конрада знаю дольше вас. И я в нём уверен. К тому же он всегда был с нами. Как Узгулун мог успеть его переманить и наделить тёмной силой?

— Грегори, не надо, — помотал головой наёмник. — Не вмешивайся. А то ещё подумает, что ты мой сообщник.

— Хочешь выставить меня сумасшедшей?

— Учти, не я это сказал, — парировал Конрад. — Ты больше не доверяешь мне. Что ж. В таком случае, успехов тебе в том, чтобы одолеть повелителя хаоса в одиночку.

— Можно обойтись без иронии. Да, не доверяю. И на то есть основания. Тогда. Там, на вершине, находящейся над обрывом. Ты специально упустил чашу души. Хотя мог спасти её, а не меня. И недавно я увидела видение. В котором богиня Алу признала в тебе тёмные

силы. И всем известно, что я вижу вещие сны. Также тот факт, что ты смог в одиночку одолеть большое количество оборотней, говорит о том, что у тебя есть помощь. Страшная помощь в облике Узгулуна. Так что тебе так просто не уйти отсюда.

— Собираешься убить меня? — усмехнулся Конрад.

— Нет. Тебя стоит заключить в темницу. Пока всё не выяснится точно.

— Амелия, если во мне есть силы Узгулуна, то неужели ты думаешь, что я не смогу сбежать из места своего заключения? Или ты думаешь, что я добровольно дам себя туда отвезти? Кому-то из нас всё равно придётся умереть.

— Если бы тебе нечего было скрывать, то ты пошёл бы добровольно.

— А тебе никогда не казалось, что тебя природа наделила красотой и силой, но обделила умом? — съязвил Конрад.

— Что ж. Раз так. То, наверное, всё же придётся убить тебя.

— И как давно для тебя стало нормой убивать невинных людей? Сначала делаешь, а потом думаешь? Ах да! — наёмник театрально ударил себя ладонью по лбу. — Я же забыл, что ты не можешь думать. Тебе просто нечем. Может, пора уже прогнать из себя ту маленькую девочку, живущую бесплодными фантазиями? И пора всё же жить в реальном мире?

Амелия вскинула руку, но вперёд выбежала Карлин.

— Постой! Я тебе не позволю этого сделать, — она взглянула прямо в глаза подруге. — Если ты решила позволить себе построить такую теорию про нашего общего друга. То значит, и я могу построить кое-какую теорию про тебя. Если кто и является ренегатом среди нас, так это ты. Ведь ты пытаешься нас всех рассорить. А это был бы прекрасный план со стороны Узгулуна.

— Карлин, ты ведь меня знаешь. Алу не просто так пришла ко мне.

— Нас тогда накачали усыпляющим газом, вызывающим галлюцинации. И ты, скорее всего, приняла их за вещее видение, — продолжила защищать Конрада девушка.

— А мне так не кажется. Уйди с дороги, Карлин. На кону стоят жизни всех.

— Хочешь убить его? Хорошо. Тогда и меня тоже придётся, — Карлин твёрдо стояла на своём.

— И меня, — Грегори вынул меч из ножен.

— Какой накал чувств. В воздухе витает смерть. Друг против друга. Хоть картину пиши! — воскликнул в экстазе поэт.

— Замолчи, Иорик, — вяло выдала бледная Тара.

— На самом деле... — продолжил было Бэбкок.

— Я же сказала. Сейчас не до твоих философских фразочек, — уже озлобившись, огрызнулась ведьма.

— А я всё-таки выскажусь, — возмутился поэт, но на всякий случай отошёл от неё подальше. — Друзья, слушайте. Я не знаю, что у вас точно здесь происходит. Но судя по всему, нас ждёт что-то опасное. И никто из вас не доверяет друг другу. Если это так, то придётся всё же продолжить путь всем вместе. Только в самом конце можно вычислить предателя и убить. А все ваши доводы сейчас никому не сделают лучше. Как говорится, врага лучше держать рядом.

— Отлично! — развёл руки Грегори. — Теперь этот чудик всё знает. Его надо убить.

— Никто никого убивать не будет! Вообще-то Иорик сказал умную мысль. Нам надо держаться вместе. Это логично. Вся правда вскрыется в конце. Нет смысла сейчас рассекать

гнойник. Он ещё слишком глубоко. Так можно лишь навредить. Давайте дадим ситуации дозреть. Тогда уже можно будет с лёгким сердцем прикончить предателя. Может вообще оказаться, что его среди нас нет, — улыбнулась Тара и обняла Бэбкока.

— Не думал, что скажу это, но писака оказался умнее всех нас вместе взятых, — Грегори убрал меч в ножны.

Амелия бросила грозный взгляд на Конрада и развернулась. Пора было выдвигаться в путь. Она была рада, что друзья смогли её убедить в том, чтобы сейчас не убивать наёмника. Ведьма сама не хотела верить в его виновность. Но она всем своим нутром ощущала в нём присутствие чего-то зловещего. И проснулось это в нём совсем недавно. Остаётся лишь надеяться на то, что он не будет становиться сильнее одновременно со своим повелителем.

Пять коней и один осёл скакали по унылым степям. Лица у всадников были угрюмы.

С Амелией никто не разговаривал. Девушка сама старалась держаться на расстоянии от всех. Но она не испытывала злобы и обиды. Девушка знала, что поступила бы точно также, как подруги, будь она на их месте.

У каждого из нас есть свои роли, которые придётся довести до конца. И только по завершении представления будет ясно, кто и где напортачил.

Они проезжали мимо небольшого озерца, подпитываемого подземными водами.

— Давайте остановимся совсем ненадолго, — простонала Тара. — Я уже зад от седла не чувствую. Заодно лошадей напоим. И я в туалет ещё хочу.

— Хорошо. Только совсем быстро, — Конрад притормозил.

Амелия подъехала к нему. Лицо её осунулось от терзающих мыслей.

— Не думаю, что тебе стоит командовать здесь, — холодным голосом заявила она.

— Серьёзно? Опять эти пререкания слушать! У меня скоро голова отвалится от ваших споров! — Грегори начал яро чертыхаться, спускаясь с коня.

— Никакой ссоры нет, — устало ответил Конрад. — Просто Амелия думает, что я команду. Но я могу вообще молчать. И да, Амелия, можешь, пожалуйста, не приближаться ко мне? А то, когда ты так близко, я начинаю задыхаться от твоих затхлых размышлений.

— Не переживай. Я отойду. Но только когда выяснится, что ты служишь Узгулуну, вот тогда я к тебе приближусь, чтобы собственными руками снять с тебя кожу.

Тара отправилась в лес. Иорик догнал её.

— Какого чёрта ты за мной потащился? Я вообще-то по своим делам сюда иду. Если ты тоже хочешь, то давай-ка подальше от меня, — помотала головой волшебница. — Кстати, займись по дороге полезным делом. Видишь вот эти кустарники крушины? Возьми мешок и насобирай.

— А зачем?

— Она обладает целебным свойством. С помощью её отвара можно останавливать кровотечения.

— А разве с помощью магии нельзя?

— Можно. Но только любое колдовство, будь то боевое или лекарское. Оно отнимает силы у своего носителя. И к тому же, чем больше средств, тем лучше. Ведьма может быть одна, а раненых может быть слишком много.

— Понял. Хорошо, я соберу. Только я шёл к тебе, чтобы спросить кое-что.

— Иорик, давай быстрее только, а то я сейчас обделаюсь, — Тара скрестила ноги вместе.

— Как ты думаешь, насколько всё плохо? Я про Конрада и Амелию. Не знаю, как себя вести с ними сейчас. Страшно оставаться с кем-то из них наедине.

— Ну ты и дурак, Бэбкок, — закатила глаза Тара. — Неужели ты думаешь, что кто-то из них предатель? Я готова доверить свою жизнь каждому из них.

— Я понимаю твой ответ. Но если отпустить тот факт, что они оба твои друзья?

Тара перевела взгляд вниз, уставившись на свои кожаные грязные сапоги.

— В таком случае картина может оказаться ещё хуже, чем кажется.

— В каком смысле? — поэт едва смог сглотнуть слюну.

— В самом обычном. Что, если Амелия и Конрад оба служат повелителю хаоса? А перед нами они специально разыграли ссору, чтобы и нас тоже со временем поссорить.

— Но ведь мы с вами все на стороне Конрада. Какой в этом толк?

— Это временно. Неизвестно, как всё может пойти дальше. Появятся новые обстоятельства. Или откроются фальшивые тайны, которые нам постараются выдать за чистую монету. Здесь много вариантов. А если даже и не появятся, то мы будем остерегаться Амелии, а Конрад ударит нас с тыла. Но ты ведь понимаешь, что это всего лишь глупые рассуждения? Потому что такого просто не может быть.

— Но почему нет? Ты всё достаточно логично предположила.

Тара улыбнулась, стараясь придать своему лицу шутливый настрой, хотя в глубине души сама боялась своих слов.

— Бэбкок, в твоём случае лучше тогда вообще всех бояться и никому не доверять. Я бы на твоём месте нас бросила. Тебе это путешествие явно не нужно.

— Но нам нельзя расходиться. Подозрения могут пасть и на меня.

— Ты слишком смекалистый для простого уличного поэта. Ладно. Я пошла. Больше меня не тревожить.

В это время Амелия подошла к воде и умыла лицо. Что-то беспокоило её, но она никак не могла понять, что же ещё. Ведьма старалась прокрутить в голове все последние диалоги. Что-то в них явно выбивалось из общей картины. И её подсознание уже знало, что именно.

Она вглядывалась в поверхность озера. Всё в нём подчинялось обычным законам. Где-то выпрыгивала рыба, хватая своим ртом насекомых. А птицы цепляли своими лапами рыбу. Круги от малейшего движения расходились равномерно. Всё было так правильно и естественно.

Амелия вздрогнула. Её лицо искривила судорога. Дыхание перехватило. "Нет, — пронеслось в мыслях. — Этого не может быть. Карлин."

Она упала на колени, пытаясь заглатывать воздух. Из глаз покатались слёзы.

— Карлин!!! — яростным воплем взревела волшебница.

— Амелия? — все в испуге обернулись на её душераздирающий крик.

— Что случилось? — с тревогой в голосе спросила прибежавшая Карлин.

— Мне плохо, — та вцепилась в её холодные ладони.

— Амелия, у тебя что-то болит? — с выпученными взглядом уселась рядом на колени Тара.

Мужчины взволнованно переглядывались. Никто не понимал, что происходит.

— Э... Нет. Просто живот свело. Сейчас отпустило. Думала, что потеряю сознание от этой боли, — ответила та и сама поднялась на ноги.

— Ты нас так сильно напугала, — Карлин убрала распущенные локоны за уши.

— Извините.

— Может, я тебе отвар травяной заварю? — прикусила губу Тара. — Вдруг с кишками проблемы?

— Спасибо. Но не стоит. Правда, со мной уже всё хорошо. Если что, то я ведь и сама могу о себе позаботиться. Я думаю, что это просто оттого, что я ничего не ела.

— Ну, смотри сама.

Амелия быстрым шагом направилась к своей лошади. Её догнал Конрад.

— Можно задать вопрос?

— Тебе? Нет. Я не собираюсь говорить с предателем, — она ядовито усмехнулась.

— Вообще-то ещё не факт, что я предатель, — наёмник угрюмо взглянул на чародейку. — Вопрос довольно простой. Почему ты позвала именно Карлин?

— Я не понимаю, о чём ты. Тара и Бэбкок находились дальше всех. А у тебя я помощи бы не стала просить и на смертном одре. Оставался только Грегори и Карлин. Само собой, я позвала её. Что тут не так? Она моя подруга всё же. И она уж точно смогла бы мне помочь, в отличие от Грегори. Он же не лекарь и не маг.

В этот момент Карлин села на своего скакуна и помчалась во всю прыть прочь. Конрад вопросительно уставился на лицо Амелии. И понял, что она не удивлена столь внезапным отъездом подруги. Ведьма абсолютно хладнокровно смотрела в том направлении.

— Какого чёрта? Куда она так рванула? — Тара раскинула руки в стороны.

— Странно, что Конрад никуда не убежал, — ледяным голосом произнесла ведьма. — Ты, думаешь, что сильнее меня?

— Мне кто-нибудь что-нибудь объяснит? — Грегори нервно мотнул головой.

— Карлин и Конрад вдвоём служат Узгулуну. Когда я рассказывала про видение с Алу, то Карлин сразу же бросилась обвинять меня. И она сказала, что моё видение вызвано галлюцинациями от дыма, что навели на нас люди бальи. Но я никому не говорила, когда конкретно я его увидела. Она не знала, что оно пришло ко мне именно в тот момент.

Тара громко рассмеялась, оголяя зубы.

— Амелия, а ты не устала наводить на своих друзей напраслину? Может быть, Карлин просто предположила. Ведь это было логично. Мне тоже снилась всякая чепуха.

— Тара, ты ведь знаешь, что я могу узнать что-то о человеке, только притронувшись к его руке. И сейчас, у этого озера я узнала всё, что мне было нужно. Карлин тоже видела Алу. Но в своём кошмаре она убегала от неё. И причём не одна, а вместе с Конрадом. И я думаю, что самым главным доказательством служит то, что она только что сбежала. Потому что поняла, что мне известно.

— А почему Конрад не сбежал? — повышая голос, вмешался Грегори.

— Потому что он слишком самоуверен. К тому же кто-то из них должен продолжать следить за нами. Теперь я полностью убеждена в его виновности. И я его убью прямо на месте, — когда Амелия произносила последние слова, голос её задрожал.

Тара сняла свой плащ с плеч.

— А ты, Амелия, очень хорошо знаешь меня. Помнишь все наши учебные состязания? Помнишь, какой я бываю в гневе? Так что Конрада ты не тронешь, пока я здесь. А если попытаешься причинить вред Карлин, то я и вовсе тебя убью.

— Тара, прошу тебя, не вмешивайся, — помотала головой ведьма. Один глаз её начал дёргаться.

— Да брось. Ты ведь прекрасно понимаешь, что я не отступлю. Когда кто-то обижает моих друзей, и уж тем более мою сестру, то меня уже не остановить.

— Но ведь я тоже для тебя друг, — в углах глаз Амелии застыли слёзы.

— Вот именно. И я не позволю совершить тебе ошибку.

— Тара, правда, не вмешивайся. Если она так безумно желает моей смерти, то пусть приступает, — Конрад кивнул. — Я готов, — развёл он руками. — Только у меня одна просьба. Я хочу умереть достойно и с мечом в руках.

Грегори схватил лук и навёл стрелу в сердце рыжеволосой ведьме.

— Амелия, я от своих слов не отказываюсь. Даже не думай начинать колдовать, — предупредил он её.

Иорик, открыв рот, смотрел на всё происходящее и решил на всякий случай отойти подальше от места, где назревал конфликт.

В руках у Амелии запылала яркая гроыхающая сфера. Грегори выстрелил. Но волшебница дыхнула на неё, и стрела заледенела на месте, после чего рухнула на землю и разлетелась на осколки.

Тара взмахнула руками. От её магии Грегори и Конрада покрыли два волшебных жёлтых купола. Наёмники попытались выбраться из них, но это было бесполезно.

— Ты решила одновременно удерживать их и бороться со мной? — недоумевала Амелия. — Тара, но ты ведь ослабнешь так гораздо быстрее.

— А ты за меня не переживай, подруга, — лицо чародейки впервые было таким серьёзным. — Феррис акутис!

В воздухе появились сотни тысяч железных кольев, ринувшихся на Амелию. У ведьмы от неожиданности расширились зрачки. Она едва успела прикрыть эфирным щитом часть туловища. Но всё же ей разорвало край правой щеки и проткнуло левое плечо.

— Когда ты научилась совладать с железом? — в голосе Амелии слышались нотки восторга.

— Разработала новое заклинание как раз после того, как нас сковывали цепями! — выкрикнула та. — Ну так что, может, ты оставишь Конрада в покое? И извинишься потом перед Карлин, когда мы всё выясним?

Амелия в этот момент постаралась залечить свои раны, но уходило слишком много энергии. Поэтому она лишь остановила кровь, а торчащее из ран мясо оставила так. Волшебница оттолкнулась от земли и сделала кувырок.

— Игнеус крепитус! — вырвалось из её уст.

Тара бросилась бежать, но не успела. Мощная пылающая сфера взорвалась совсем рядом с ней. В воздух взлетели ошмётки чёрной земли и пожухлой травы. Из носа и ушей чародейки хлынула кровь. Перед глазами всё поплыло.

Бэбкок больше не мог спокойно смотреть на это. Он подбежал к Таре.

— Чем я могу тебе помочь? — с бледным лицом спросил он её.

Но она не слышала, что поэт говорит. Ведьма только слегка улыбнулась ему. Иорик всунул ей в рот листья крушины.

— Разжуй их. Может, поможет? — он движениями показал, чтобы начала жевать.

Тара хлопала его по плечу и кивнула. Туман в голове постепенно рассеивался, и ведьма вновь могла хорошо видеть.

— Спасибо, Бэбкок. А теперь убирайся подальше, — она оттолкнула его.

Но поэт не собирался больше прятаться.

— Амелия, приди в себя! — Иорик размахивал руками в её сторону. — Ты что, собралась перебить всех своих друзей?

— Сегодня я убью только предателя, — ледяным голосом ответила та.

— Идиот, — помотала головой Тара и связала его волшебными путами, после чего отбросила на несколько метров.

Амелия направилась к Конраду и приступила к разрушению защитного купола.

Тара ритуальным кинжалом разрешила себе ладонь и приложила её к земле. Из неё начали вырываться сотни крупных скорпионов с клыками и ядовитыми жалами.

— Это уже нечестно, — заметила Амелия.

— Да пошла ты к чёрту! — огрызнулась чародейка, шатаясь от бессилья на ногах.

Твари, призванные ей, ринулись на противницу. Они передвигались с огромной скоростью, резкими рывками. Их хвосты дерзко выбрасывались вперёд над панцирными головами.

Лицо Амелии напряглось. Глаза ведьмы изменили свой цвет. Холодное сияние вновь вырывалось из них. Тело девушки начало подниматься высоко вверх. Она использовала сильную магию левитации. Из правой руки вырастала оранжевая плеть. С помощью неё волшебница рассекала скорпионов насмерть. Их оторванные лапы и головы разлетались по всему полю, разбрызгивая чёрный яд.

Когда с тварями было покончено, она приземлилась рядом с Тарой и с вызовом уставилась в её глаза.

— Думаешь, что твоя прежняя супрематия в ковене что-то значит? — светловолосая чародейка бесстрашно вздернула подбородок кверху.

— Я никогда не считала себя сильнее вас, — спокойно ответила Амелия.

— Будем биться до последней капли крови? — Тара попыталась иронично улыбнуться, но в её глазах тоже виднелись застывшие слёзы.

— Ты думаешь, что мне хочется убивать Конрада? — свирепо вскричала ведьма. — Нет! — она всплеснула руками. — Я не хочу этого делать. Но я не могу себе позволить дальше рисковать всем. Я уже достаточно увидела и узнала. Хватит его защищать, Тара! Неужели ты не видишь, что все пазлы уже сложились? Мир в опасности. Мы больше не имеем с тобой права рисковать или закрывать глаза.

— А Карлин? Если бы она сейчас не умчалась, то ты бы и её убила? — недоумевала чародейка.

Амелия не смогла сразу ответить.

— Ну! Какого чёрта ты молчишь? — не выдержала Тара. — Отвечай! — закричала девушка.

— Да. Я убила бы её, — голос Амелии прозвучал хладнокровно, но по лицу хлынули горячие слёзы.

В глазах Тары вспыхнуло яростное пламя. Грудь её начала часто вздыматься, казалось, что ей не хватало воздуха. Девушка сделала два быстрых вращения от соперницы, и протянув в сторону руку, призвала свой волшебный лук.

В эту же секунду грудь Амелии пронзила насквозь стрела. Ведьма рухнула на землю. Из её рта доносились хрипящие стоны.

Тара повалилась на колени и выпустила лук. Она начала громко рыдать и почти задыхалась от постоянных душераздирающих криков.

— А-а-амелия, я... Я не хотела! — девушка повторяла без остановки, словно впад в транс. — Ты не оставила мне выбора.

Мужчины, видевшие эту картину, пребывали в полнейшем шоке. Но никак не могли вырваться от магических уз.

— Тара, — стучал руками по куполу Грегори, — выпусти меня!

Однако чародейка больше ничего не замечала вокруг, впад в безумие от горя. Руки её судорожно тряслись, а из искривленного от эмоций рта вырывались дикие крики.

Но Амелия ещё не умерла. Из груди лились струи крови. Ведьма продолжала что-то про себя шептать и едва заметно корябать на влажной земле руны.

Через пару мгновений кровь её потекла в обратном направлении. Она, пошатываясь, поднялась на ноги и вырвала из своей плоти стрелу.

Тара, открыв рот, смотрела на неё.

— Нет! — кричал Конрад, безрезультатно ударяя мечом по защитной магии. — Она убьёт Тару, — он тяжело вздохнул, глядя на побледневшего Грегори.

Амелия уверенными шагами приближалась к некогда бывшей подруге. Волосы её вздымались вверх, словно она плыла в океане, наполненном древней силой. Взгляд напоминал переливы, танцующие на лезвии из крепкой стали. Плотные сжатые губы несли на себе отпечаток чего-то жуткого. Казалось, что в этот момент в ней не было ничего человеческого.

Ведьма протянула руку вперёд и сжала её в кулак. Тару резко подбросило высоко вверх, а затем вниз. Девушка вскрикнула от боли. Кости её хрустнули. Из земли вырвались корни и цепко обвили тело чародейки. Они начали её душить.

В выпученных глазах Тары лопались капилляры. Цвет кожи приобрёл землистый оттенок.

Магический купол Конрада превратился в пыль и разлетелся по ветру. Наёмник снял с пояса серебряную секиру и, подскочив сзади, расколол череп Амелии надвое.

Тем временем в Остбоне

Розгальд стоял, сомкнув руки за спиной. Перед ним в едва проникающем солнечном свете снаружи виднелась могильная тяжеловесная плита. На ней высечены молитвы богам, которые должны позаботиться о покойном в другом мире.

Король молчал. Он считал, что слова излишни. Ведь Хорстар и так знал всё, что думал о нём правитель.

Его Величество снял с правой руки свой драгоценный браслет из золота и положил его на могилу бывшего военачальника. Он прекрасно понимал, что больше никогда не встретит в своей жизни настолько верного человека. Эпоха доверия окончилась для Розгальда с уходом Хорстара. Больше он не мог ни на кого так рассчитывать, как когда-то полагался на павшего друга.

Мы можем любить множество раз за свою жизнь. Мы можем уважать многих. Но верим мы только одному человеку за всю свою жизнь. И Розгальд это знал. Он тревожился о будущем. Ведь больше ни на кого нельзя уповать, а это невыносимо тяжело.

Король вышел из склепа. Корона на его голове переливалась в лучах солнца, образуя воздушные яркие волны. Он вскочил на белоснежного коня в пурпурной упряжи и галопом отправился во дворец, чтобы попрощаться с супругой перед выступлением из столицы.

За стенами Остбона полчища храбрых воинов ждали своего правителя. Армия пополнилась мужчинами со всех окраин Дормана, чтобы восполнить ту брешь, полученную в битве при Йеразеле.

Их латы переливались звоном, словно колокольчики, когда в них завывал ветер. И это был единственный звук, который можно было услышать. В вооружённых рядах дорманцев всегда превалировала дисциплина, сохраняющая идеальную тишину. Все в предвкушении ждали справедливого короля, чтобы отправиться с ним на новую битву. Радость переполняла их сердца. Вряд ли нашёлся бы кто-то взамен Розгальда, кто смог бы точно также как он вызывать уважение у каждого. В день, когда король поднялся на ноги, поборов смерть, весь город ликовал. От детей и до стариков, от простых крестьян и до герцогов, у каждого из глаз лились тёплые слезы счастья.

Правитель взбежал по ступеням в главный зал, но Тисса, стоя у окна, так и не повернулась к нему лицом. На ней аккуратно сидело пышное платье из парчи. Она походила в нём на один из самых прелестнейших цветов, которые цветут лишь на небесах, дабы радовать глаз самих создателей.

— Ты не хочешь обнять мужа перед тем как он отправится на сражение? — Его Высочество удивился.

— Я уже один раз чуть не потеряла тебя. Молилась всем богам, чтобы они вернули тебя мне. И когда этот день настал, я была самой счастливой, — она обернулась и заглянула ему в глаза. Черты лица её были строги. — Я знаю, что мы обязаны отомстить за убитых. Необходимо задержать повелителя хаоса во что бы то ни стало. Но... Розгальд, я не могу вновь отпустить тебя в это пекло. Неужели не видишь, что если ты покинешь эти стены, то моё сердце будет разбито. Я страдаю, потому что терзаюсь страхами. А ведь я ношу наше с тобой дитя. Почему ты не можешь остаться? Ты нужен мне и своему народу здесь. Вовсе не

обязательно самому участвовать во всех битвах.

— Тисса, немедленно прекрати нести вздор! — сурово заметил правитель. — Ты жена короля, а ведёшь себя как обычная женщина.

— Но я ведь и есть женщина. Неужели моя вина в том, что я переживаю за тебя? Как ты смеешь сердиться на меня за это?

— А как ты себе представляешь короля, который сидит на месте в то время, пока храбрецы делают за него всю работу? Таким жалким ты хотела меня видеть? Что ж. Очень жаль, что не вписываюсь в твою картину идеального супруга. Не знал, что тебе нравятся трусы и подлецы, прячущиеся за женскими юбками.

— Розгальд! — вскрикнула она, заломив себе руки. — Перестань! Ты ведь знаешь, что я не это имела в виду.

— Тисса, ты должна быть сильной ради ребёнка и ради всего народа. Надо уметь черпать мужество не только в собственном супруге, но и в самой себе. Это качество и отличает королеву от всех прочих, — правитель обвёл её печальным взглядом и, резко развернувшись, покинул дворец.

Когда он уже выезжал со двора, жена ринулась за ним вслед и прижалась лицом к его ноге. С глаз леди лились горячие слёзы. Розгальд нежно вытер их рукой и молча пустил коня прочь.

Из ноздрей скакуна вырывался пар. Он с большой охотой нёсся галопом, пронзая рыхлую землю подкованными серебром копытами. Боевому зверю, как и его хозяину, нравилось мчаться на встречу с неизведанным.

— Ваше Высочество! — эрл Даррен склонил голову. — Мы полностью готовы к выступлению.

Король кивнул своему новому главнокомандующему. После чего выехал на середину воинских отрядов.

— Дорманцы! — раздался, словно гром в поле, его призыв. — Мы выдвигаемся с вами, чтобы взять одни из самых защищённых и больших крепостей в Восточном Манкольме. Это Торн и Килн. Нашим войскам придётся разделить на две равные части. Одна из вас пойдёт под предводительством эрла Даррена и объединится возле моста Дэбиш с армией женщин-воинов аливитянками из дождливых краёв Саркена. И, следовательно, вы с ними будете штурмовать Торн. Другую же часть буду возглавлять я. И нам нужно объединиться с вурдалаками возле леса Хэтона. Да. Я знаю, что у вас сейчас в голове множество вопросов. Но это вынужденная мера. Мы заключили с ними договор по поставке лесной дичи, чтобы увеличитьна их территории исчезающую популяцию в связи с их охотой. Но нам нужны союзники. Нам необходимо успеть взять обе этих крепости. Кому-то сначала покажется это плёвым делом, но на самом деле орки сделают всё, чтобы мы погибли. Ибо в крепостях ведутся раскопки новых артефактов. Армия Узгулуна никого туда так просто не подпустит. Поэтому без союзников у нас не будет шансов. Вы, наверное, думаете, что можно было позвать эльфов вместо вампиров, но... Эльфийский народ отказался. Они решили занять нейтральную позицию. Что ж. Это их дело. Вурдалаки часто вступали с нами в стычки, но это в прошлом. В опасные времена мудрость состоит в том, чтобы уметь объединяться.

После того, как Розгальд закончил свою речь, к нему на вороном жеребце примчалась сама Эрлин.

— Милорд, вы уверены, что нам стоит остаться в столице?

— Да, директриса. Я понимаю желание ковена и ваше желание ринуться в бой. Но нам

там магия не нужна. Она всё равно бессильна против Узгулуна. Вам лучше остаться в Остбоне для его защиты на всякий случай. Сами понимаете, почти все мужчины ушли со мной. Нужно, чтобы в городе присутствовали силы, дабы в случае чего те могли позаботиться о женщинах.

Ведьма скинула капюшон, обнажив на своей седеющей голове диадему из хризолитов. Камни ярко выделялись в её образе, отчего на контрасте кожа казалась совсем бледной.

— Ваше Величество, я чем-то провинилась перед вами? Или... Неужели ковен вас разочаровал?

— Леди Эрлин, единственный человек, который может меня разочаровать — это я сам. Выбросьте уже ту ситуацию у озера из головы. Никто не виноват в исходе битвы. Вы меня сейчас даже немного оскорбляете своими словами. Если бы я был настолько требователен к своим подчинённым, чтобы просил их совершать невозможное, то я бы тогда и к себе должен был быть требователен в равной степени.

— Простите, милорд, — она склонилась в поклоне.

— Не стоит приносить никаких извинений. Лучше ответьте мне, кто отправляется с нами в путь, чтобы затем открыть портал?

— Преподаватели Сьерра и Труве, — она кивнула в сторону.

На каурых кобылах неподалёку восседали лысая Сьерра в чёрном хлопчатом костюме и высоченного роста худощавый Труве с длинным седыми волосами, заплетенными в две косы. Розгальд подъехал к ним.

— Здравствуйте! Сьерра, вы поедете с эрлом Дарреном до моста и создадите портал к крепости Торн. Ну а вы, Труве, со мной.

Командиры поделили войско на две половины, и все двинулись в путь. Через час им пришлось разойтись, чтобы каждый мог встретиться с союзниками.

— Удачи тебе, Даррен! — прокричал король.

— И вам, милорд, удачи! — ответил тот, приподняв шлем.

Армия прогремела: "Да славится великий Дорман!". И звук этот разнёсся по их родным лугам и озёрам. Казалось, что в тот миг сама природа была горда своими жителями. Листва на деревьях разрывалась аплодисментами. Ветер напевал мелодию гимна. Реки махали им волнами вслед.

Спустя несколько часов Даррен со своими подчинёнными добрался до моста у южной границы. Он спешил. Неподалёку виднелись высокие постовые башни с заготовками для сигнальных огней и несколько казарм. Эрл поздоровался с командующим, отвечающим за пограничную охрану. Мужчина уже был в годах, но всё ещё ответственно нёс службу. Он имел хорошую физическую форму. И если бы не его седые длинные усы и глубокие морщины по краям глаз, то можно было принять его за человека, находящегося в самом расцвете сил.

— Ну что, не видать наших союзников? — поинтересовался Даррен, нервно раскачиваясь на ступнях назад и вперёд. — А то любая задержка приравнивается к гибели.

— Так ведь поговаривают, что аливитянок можно увидеть только тогда, когда они уже всадили тебе топор в грудь, — развёл руками Имарос.

— Ну почему же только топор? Мы и мечами и копьями хорошо владеем, — раздался величественный женский голос из-за их спин.

Мужчины развернулись, не пытаясь унять на своём лице удивления.

— Но как вы незаметно пробрались? — нахмурил всё же брови командующий.

— Когда ты пытаешься пробраться тайно, то тебя раскусят. Нужно двигаться, а не скрываться. Тогда будет больше шансов. Открытые поступки — успех битвы.

— Да. Но всё же как? Не прошли же вы напрямик? Мои ребята бы вас заметили, — Имарос выпучил на неё глаза.

— Чтобы открыть дверь, нужно потрудиться самому повернуть ручку, а не ждать, когда перед вами её распахнут. Иначе так можно и всю жизнь у двери простоять, — ответила аливитянка.

— Я так понимаю, вы Ханна? — вмешался эрл.

Та вальяжно кивнула.

— Что ж. Очень приятно познакомиться с вами лично, — мужчина склонил голову. — Где же ваша армия?

Предводительница женщин-воинов улыбнулась и прошествовала к краю моста. Кожаное и очень короткое платье цвета сливок сексуально подчёркивало её смуглую кожу. Только в этот раз голову Ханны венчал не золотой обруч, а серебряный шлем, инкрустированный ромбовидными изумрудами, а макушка его заканчивалась длинным и густым хвостом из конских волос.

Воительница поставила ногу на нижнюю подпорку, оголив полностью своё подтянутое и сияющее от ароматического масла бедро. Мужчинам очень тяжело было отвести от её прелестей восторженные взгляды.

Ханна издала протяжный призывающий клич, напоминающий мотивы из песен древних народов, поклонявшихся солнцу.

И тут у эрла Даррена и у командующего Имароса отвисли челюсти. Оказывается, всё это время. Огромное войско чудесной аливитянки стояло в нескольких шагах от них. Женщины просто-напросто развернулись передом к своей правительнице. Спины их были так великолепно разукрашены узорами, напоминающими пейзаж вокруг, что их совершенно невозможно было увидеть, пока они не повернулись другой стороной.

— Но вы, кажется, говорили об открытых поступках, — вытер пот со лба Имарос.

— А это по вашему, разве не открытость? Мои воины стоят прямо перед вами в одних платьях. Их не защищает стена и тяжеловесные латы, — усмехнулась Ханна.

— А вы хитрая женщина, однако.

— Не стоит путать мудрость с хитростью, — заметила холодно та.

— Что ж. Раз все в сборе. Пора создавать портал. Надеюсь, что боги сегодня помогут нам, — закусил губу Даррен.

— Победа будет сегодня на нашей стороне, — уверенно изрекла женщина-воин. — И поверьте, эрл, боги здесь будут вовсе не при чём. Моё племя согласилось помочь просто так. Мы не просили взамен ничего. Аливитянкам нужна только слава и кровь врагов. Как бы сильно орки не старались, они погибнут все до единого. Торн будет взят ещё до захода солнца.

— Хотелось бы в это верить. Главное, чтобы артефакт не ушёл из наших рук. Иначе всё будет напрасно, — тяжело вздохнул военачальник и подозвал к себе Сьерру. — Можете приступать!

Преподавательница из ведьмовской школы кивнула и отправилась к объединившимся войскам.

— Куо когитатионес портаре сант! — вырвалось из её уст призывающее все силы природы и времени заклинание.

Голубые искры взметнулись вверх и закружились в безумном вихре. Чёрные призрачные ворота начали разрастаться всё больше и больше, после чего раскрылись, выпустив яркие столпы света.

Даррен сел на коня и помчался вперёд, чтобы первым переместиться в Восточный Манкольм.

В это время в чертогах леса Хэтона

Меж деревьев разносился неумолимый птичий щебет. Запах хвои и сырости хлопал по носу. Розгальд прислонился спиной к стволу. Ему как можно скорее хотелось встретиться с союзниками и начать битву. Но в то же время что-то внутри его сильно противилось этому. Ни одному человеку в здравом уме так или иначе не хочется сцепляться с кем-либо в кровопролитной схватке.

Королю не была страшна смерть. Он тревожился из-за другого. Чтобы народ его жил довольно и чтобы имя его не было запятнано позором. Правитель болел тщеславием, как и многие мужи его времени. Но у его любви к почитанию имелись только благие корни. Не исполнив свой долг, ты не улучшишь жизнь подданных, а следовательно, и не заслужишь славы. Всё взаимосвязано.

— Ваше Величество, — окликнул его рыцарь и указал взглядом вперёд.

Розгальд развернулся, отойдя от дерева. Перед ним стоял один из самых древних вурдалаков — Исмаил. Выглядел он превосходно. Белую кожу обрамляли блестящие волосы цвета угля. Над губой аккуратные усы. Тёмно-синяя туника с жемчугами покрывала собой верхнюю часть чёрных брюк из кожи.

— Приветствую тебя, правитель Дормана, — он слегка кивнул. — Многие годы твои люди отлавливали и сжигали мой народ. Но я всё же горд тем, что мне предстоит стоять с тобой бок о бок в бою, — речь его звучала словно мёд для ушей.

— Здравствуй, Исмаил, — король протянул ему руку. — Если бы вампиры не нападали на людей, то мы бы вас и пальцем не тронули. Во всяком случае, конфликты все в прошлом. У вас своя территория, где вы охотитесь на дичь. И нам до этого теперь нет никакого дела. Разве что я буду обязан предоставить вам после битвы новые стада зверей, как мы и договаривались.

— Интересно, как твои воины будут относиться к моим? — кровавый князь сощурил голубые глаза, пожав руку. — В сражении очень важно доверять друг другу.

— Не переживай, Исмаил. Дорманцы очень мудрый и в то же время простой народ. Мы ведём себя в точности так, как ведут себя с нами другие.

— В таком случае, по поводу нашего союза мои тревоги окончательно развеялись.

— Очень разумно, что ты беспокоился об этом. Я тебя понимаю. И уважаю за то, что ты не посчитал унизительным признать опасения.

Розгальд увидел, как с каменистых возвышенностей и из-за деревьев начали выходить вурдалаки. Лица их были бесстрашны, и в них выражалось почтение к Исмаилу. Король посчитал это хорошим знаком. Ведь там, где есть преданность, есть и определённый порядок и сила.

— Труве! — он подозвал к себе мага. — Можешь переправлять нас к Килну.

— Розгальд, у меня к тебе вопрос, — взгляд князя стал любопытным.

— Слушаю тебя, Исмаил.

— А почему твои волшебники не могут нас сразу перенести внутрь самой крепости? — он широко улыбнулся, оголив острые сияющие клыки в верхнем ряду. — Всё было бы куда

проще.

— Даже с точки зрения логики это было бы весьма тяжело. Ведь у нас большое войско. Но оно бы не переместилось целиком за один раз в крепость. Там полно орков. Силы бы наши не смогли особо превзойти. Обычная наука. К тому же орки хорошо знают все ходы изнутри. И они скорее нас бы заняли позиции возвышенности на стенах. Мы бы оказались в ловушке.

— Что ж. Согласен. Не лучшая идея, — лицо у Исмаила посерьезнело.

— Да и вообще. Магия по созданию порталов — одна из самых сложных в природе. И она, как и прочие явления, балансирует на потоке всевозможных энергий. И потому портал невозможно создать в самом эпицентре событий, для которых ты хочешь туда переместиться. Волшебные весы не позволят это сделать.

— Вы так подробно разбираетесь в колдовстве. Просто удивительно, — покорно улыбнулся князь.

— Правитель обязан разбираться во всём, чем умеют владеть его подданные. Иначе бы меня давно пустили курам на смех.

Исмаилу понравились взгляды Розгальда относительно жизни. Он зауважал его ещё больше, чем в те времена, когда просто был наслышан о нём.

Труве уже подготовил врата. Объединённая армия стройными рядами маршировала за своими предводителями в ослепительно сияющее облако.

Многие из них уже никогда не вернутся к своим родным. И каждый это знал и про себя надеялся, что это будет не он сам.

Восточный Манкольм. Крепость Килн

Перед глазами короля Дормана величаво возвышались стены угрюмого и щетинистого Килна. Нутро их было выполнено из прочного песчаника, покрытого рустовкой. Наружность же состояла из неприветливого и тяжело преступного кварцитового камня.

Крепость опоясывал глубокий ров, заполненный водой. Вход был только один — через подъёмный мост. С высоты опасно смотрели бойницы, укрытые свинцовыми решётками для защиты своих хозяев во время обстрела.

Мост был поднят, и железные ворота были закрыты прямо в тот миг, как орки заметили в поле появляющийся гигантский портал. И на берегу остался лишь один защитный форт, потерявший связь с крепостью. Необходимо было взять штурмом сначала его, чтобы во время атаки Килна в спину не летели стрелы с башни форта.

До ушей дорманцев и вампиров доносился звон предупреждающих колоколов и размытые крики орчьего гарнизона.

Розгальд несколько минут ходил из стороны в сторону, внимательно всматриваясь в сооружение. Ему было необходимо ещё раз обдумать тактику осады перед тем, как раздавать приказы.

Он очень сильно на себя злился, что ни разу сам не посещал Килн. А ведь это знаменитая крепость. Сколько стихов написано народами про сражения за неё. Розгальд, конечно, нашёл в библиотеке записи архитекторов и видел необходимые изображения. Но это мало чем могло помочь. Ведь она после каждой битвы достраивалась и видоизменялась. Идти на Килн, не побывав в нём — это всё равно, что сказать новорожденному слепому котёнку, как добраться тому до матери-кошки чтобы сососать молоко.

Король развернулся к своим войскам. Лицо его совершенно ничего не выражало, будто он всё ещё находился в своих размышлениях. Он уже собирался обращаться с речью, но ему стало не по себе. Розгальд был мудр и решил для начала переговорить с Исмаилом. Хотя правитель Дормана имел полное право, чтобы единолично управлять смешанной армией, так как это он пригласил вурдалаков и пообещал им вознаграждение. Но всё же он понимал, как ущемляется мужская гордость. Было бы не совсем тактично, если бы Розгальд руководил один. Исмаил бы в таком случае чувствовал себя униженным перед своим народом. Поэтому король Дормана подошёл к князю и рассказал ему тактику. Тот её одобрил. И они по очереди раздавали приказы. Это было разумно. Союзники должны ощущать себя абсолютно на равных условиях. Это их объединит ещё больше, а следовательно, сделает сильнее в бою.

— Господа! Мы с Исмаилом будем обращаться ко всем вам. Поэтому, дорманцы, вы точно также будете сейчас исполнять указания Исмаила, как и мои. А войско Исмаила будет исполнять и мои приказы. Итак. Всем арбалетчикам занять позиции позади лучников, на возвышенности! И ждать моей команды! Первый легион, немедленно начинайте приступать к сооружению деревянных башен с перекидными мостами! Тщательно укройте их коврами из канатов, чтобы никто сегодня в них не пострадал от камней и стрел орков. И по возможности завесьте лицевую сторону невыделанными сырыми шкурами.

— Второй легион приступает к сооружению крытых передвижных котлов! — подхватил передачу указаний Исмаил. — Третий легион, вы же начинайте делать фашины из прутьев и досок. А как закончите, помогайте остальным.

— Четвёртый легион, подвозите бомбарды к форту и настраивайте! После того, как ворота будут пробиты, врываемся внутрь!

Правитель Дормана завершил отдачу приказов и восторженно глядел на то, как воины быстро, но без суеты делают свою работу. Во всём этом была особая красота. Дорманцы и вампиры кружили ровными спиралевидными полосами по ещё холодному и неупоенному кровью полю. словно в прямом смысле рисовали своими телами исторические картины.

— Розгальд, а что это за бомбарды? Я таких не встречал, — любопытствовал Исмаил и вырвал того из созерцания.

— Это новый вид оружия. Ещё мой брат, когда был жив, отдал указ мастерам для разработки. Процесс трудоёмкий. Сначала пушки делали из железа, но вскоре научились лить из чугуна и стали. Снаружи они скреплены железными пластинами. Когда я их испытывал, заняв престол, они ещё стреляли камнями. Толку было мало. Камни крошились и не пробивали крепкую кладку. Да и пушки были неподвижны и куда больше. Но всё довольно быстро удалось улучшить. Снаряды тоже стали отливать из чугуна. Уменьшили бомбарды в размере и установили на тележки с колёсами. Чугун не сломается и пробьёт стены этого форта за считанные минуты. И летят такие ядра гораздо дальше, и скорость у них выше.

— А зачем ваши люди разводят огонь?

— Чтобы пушка заработала. Ты сейчас сам увидишь, как мои кулевринеры нагреют металлические прутья и с помощью них воспламят пороховой заряд через отверстие.

— За этим будущее! — восхитился князь. — Ни одна крепость больше не устоит!

— Я бы так не сказал, Исмаил. Например, стены Килна слишком толсты. Их придётся долго обстреливать. Уйдёт невероятное количество снарядов. Так что до этого будущего ещё далеко. Нам бы до него дожить. И есть ещё минус. Бомбарды долго остывают. Приходится между выстрелами делать перерывы. К тому же, в крепости тоже могут быть такие. Мой брат не единственный, кто принимался за подобные разработки. По всему свету полно учёных мужей. А это ведь сам Килн. Великий Килн. Скорее всего, нас тоже будут обстреливать.

— Но у нас будет преимущество в плане манёвренности. Вряд ли орки смогут перемещать такое орудие по узким лестницам и переходам крепости. Нам гораздо легче перестраиваться для обстрела. Они же будут палить в основном по одному месту. И им от этого не будет никакого толка.

— Здесь я полностью согласен, — кивнул Розгальд.

— Кстати. Я весьма удивился, когда эльфы решили выбрать нейтралитет.

— И я тоже удивлён, — вздохнул король. — Ведь Эриндел очень мудрый эльф. Он прекрасно должен понимать, что если Узгулуна не остановить, то в живых никто не останется. После битвы с хайрианцами мы выполнили условия, которые обещали им. Эльфам отдали земли с большими запасами Иллариума. А в этой битве я предложил ему драгоценные запасы из хранилищ Остбона. Но он отказался. Хотя нам предстоит битва, касающаяся абсолютно нас всех. Я же за это ещё и плачу, чтобы всех спасти. Так что я очень в нём разочарован.

— Эриндел ведь умён. Может, он не хочет подвергать жизнь своих воинов опасности. Мол, все остальные сразятся с Узгулуном без них. А они понаблюдают. И вступят в игру только в самом конце. Когда поймут, что без них нам не справиться.

— Это не признак ума, Исмаил. Это признак жестокости и позорной трусости. Если он действительно так задумал. Решил, что его эльфы достойны жизни и не должны собой

рисковать. В то время как дорманцы, вампиры и аливитянки сложат свои головы, спасая всех. Если я выживу и потом убежусь во всём этом, то лично отправлю этого долгожителя к его праотцам. Больше всего я не терплю неискренности. Лучше услышать ненависть, но в лицо. Нежели слушать затуманивающие разум речи и лесть.

В воздухе резко пробабахали выстрелы. Вампирский князь вздрогнул от неожиданных оглушительных звуков. Кулевринеры начали палить из пушек по стенам форта. Дым окутывал лица воинов и взвивался вверх. Чугунные ядра с лёгкостью крушили камни. Так как стены форта были куда тоньше, чем у самой крепости.

— Арбалетчики! — взревел Розгальд. — Не позволяйте оркам высовываться!

Воины начали натягивать тетиву с помощью ворота, упиравсь ногой о железные кольца на концах арбалетов. На их спинах были надеты высокие щиты, почти с их рост. Чтобы когда они перезаряжали арбалеты, то могли прикрываться от стрел врага.

Брешь в форте пробили. И пехотинцы ринулись в неё, прикрываясь щитами. Орки высовывались через амбразуры, бросая копья. Но их тут же насмерть поражали стрелы осаждающих.

Розгальд спокойно ждал, когда его люди разделяются с той небольшой группой орков в башне.

В это время в самом Килне активно работали железные шкивы, поднимая тяжеловесные булыжники, чтобы бросать их в случае чего на приблизившиеся легионы дорманцев и вурдалаков.

Из привезённых с собой и заранее подготовленных основ воины смешанной армии уже завершали сооружение передвижных башен и котов.

С противоположного берега из бойниц Килна полетели каменные и стальные снаряды. Но, как и предполагалось, они били по одному месту. Поэтому особого дискомфорта не составляли. Однако их всё же могли перебазировать. И тогда от непредвиденной смены мест пушек кто-то вполне мог погибнуть.

Форт взяли. И из смешанной армии даже никто не пострадал. В башне было всего лишь двадцать орков. Убили почти всех, оставив только двоих на всякий случай для допроса. Вдруг из них удастся выудить слабые места Килна.

— Пусть один отряд лучников займёт позиции в захваченном форте! — скомандовал Исмаил.

— Да. Хорошая идея, — кивнул Розгальд. — Будут прикрывать нас с высоты. Он повернулся к войску. — Катите котов ко рву и начинайте через них устилать фашины на воду! И готовьтесь переправлять деревянные башни сразу, как путь будет сделан!

Пехотинцы приступили к выполнению приказа. Град стрел сыпался на них и клевал, словно стая обезумевших диких птиц. Но у передвижного кота была крыша. Орки были в бешенстве. В дело пошли горящие стрелы, чтобы сжечь неприятельские передвижные устройства. Но крыши сооружений были покрыты также сырыми шкурами животных. И огонь не мог воспламенить конструкцию.

Связанные пучки веток, доски и брёвна были вымочены в воде со всех сторон и дружно устилали собой весь ров. Задача котов была полностью выполнена.

Король Дормана подхватил одной рукой свой щит, а вторую вддел в темляк, подвязанный к мечу, чтобы тот в случае чего не выпал из руки.

— Пора!!! — прокричал он. — Об этом дне труверы вечно будут петь песни, дабы чтить память тех, кто сражался за жизни всех рас и народов. То, что мы делаем, навсегда войдёт в

историю! Ибо если не мы, то будущего и вовсе не будет! В атаку!!!

Исмаил снял с пояса два своих гладиуса и ринулся вместе с Розгальдом напрямик на деревянную башню, въезжающую на шаткий настил.

Бомарды в щепки разбивали ограждающие палисады, чтобы передвижные башни могли подступить непосредственно к самим стенам Килна и перекинуть на них мосты. Гарнизон крепости начал переносить свои пушки, чтобы сбить башни. Сотни дорманцев, попадающих под такой обстрел, погибали. Их тела превращались в решето от деревянных осколков. Те же башни, на которые не хватало шкур, поджигались и воины в них сгорали заживо, или охваченные пламенем, выбрасывались с высоты вниз, проламывая себе черепа.

Земля нагревалась от смертей. Она с жадностью впитывала последние капли жизни. Словно люди были её урожаем. Она долго давала им пищу. И вот пришло время собирать свои плоды.

Розгальд и Исмаил слышали крики своих гибнущих воинов, и по их лицам было заметно, как каждое сражение сильно влияет на них. Им приходилось вдвойне хуже, чем всем остальным. Потому что это были их подданные, которые верили им свои жизни. Скольких мертвецов им за всё правление приходилось привозить домой? Скольких женских слёз им приходилось видеть, когда те узнавали гибель родных? Казалось бы, что сердца их должны стать жёсткими, чтобы справляться с такими вещами. Но только не у них. Розгальд и Исмаил были сильно похожи в одном: они ценили свои народы и уважали подданных. Они правили во имя населения, а не во имя своей прихоти и жажды богатства. Никто бы никогда не посмел им сказать, что кто-то из них забывает вскоре после битвы о павших воинах. Потому что это было не так. К каждому из них по сей день приходят призраки мертвецов, которые были с ними когда-то при самых первых сражениях. И это добрые призраки. Им нечего сказать плохого о своих правителях. Они лишь приходят, чтобы пожать им руку.

Но, увы... У приведенных нечего не выходит. И они, улыбнувшись, уходят из сонных чертогов. А Розгальду и Исмаилу каждый день приходится жить битвой. Либо в реальности, либо в воспоминаниях. Более слабых людей бы это сломало. Но только не их. Они живут в вечной скорби, однако не забывают и о живых.

— Направляйте к угловым башням! — раздавался громовой глас Исмаила. — Это самые уязвимые места всех крепостей! Они плохо продаются обстрелу с куртин.

— Да. Но что, если они перетащат туда пушки? — король закусил нижнюю губу. — Надо успеть! Парни, поднажали! — он крутил передвижной ворот вместе со всеми.

— Должны успеть! Бомбардам же нужно дать время, чтобы остыть.

Арбалетчики и лучники смешанной армии вели обстрел орков на стенах, прикрывая своих людей. Тёмно-синие волосатые тела, словно неуклюжие камни, валялись вниз.

Военачальник орков в шипастом кованом шлеме потерял всякое терпение.

— Установите рибодекины на главных башнях и немедленно начните обстрел ублюдков! — он отдал приказ своим подчинённым.

Огромные арбалеты въехали на колёсах по пандусам вверх и заняли свои места. Полуметровые дротики убивали насмерть по несколько дорманцев и вампиров за один раз. Щиты арбалетчикам не помогали против больших орчьих арбалетов. Ряды легионов начали сильно редеть. Люди на каждом метре земли бились в предсмертных конвульсиях. Кто-то полз с раздробленной ногой от снарядов, прилетевших со стороны Килна. У кого-то из рта лилась кровь, а в груди насквозь торчал огромный острый кол, нанизавший на себя ошмётки органов. Скоро не останется места, куда можно будет ступить и не услышать хруст от

раскрошенных черепов.

— Приготовиться! — из-под шлема Розгальда уже хлестал пот. Он резко перерубил канат, удерживающий перекидной мост. — За мной!

Король первым рванул по трясущемуся мосту на стену крепости. Там его встретили двое орков с мечами. Король занёс клинок кверху, делая обманный выпад на одного из них. А сам в то же мгновение, прикрываясь щитом от него, быстро развернулся и пронзил живот второму.

Дорманцы и вампиры пробрались в Килн в нескольких местах. Но врагов было так много, что в любой момент воинов бы просто-напросто отбросили.

Горы трупов наслаивались друг на друга в узких коридорах и на лестницах. Все в спешке запинались и летели кубарем, попадая под острые удары противника.

Розгальд бился против орчьего гарнизона вместе с небольшим отрядом и с князем на верхней платформе. Между орками не пролетела бы и мошка, потому что их была целая тьма. Головы с жёлтыми клыками летели с плеч. Приходилось постоянно вытирать глаза от крови, чтобы хоть что-то видеть. Шлем у короля на голове накалялся от напряжения.

Не уставал только Исмаил и его вампиры. Ведь их сердца и так давно не бились. Князе передвигался, словно вспышка молнии. Никогда не ожидаешь, где он будет и как ударит. Его гладиусы сияли сквозь тёмную кровь. Он вспарывал на ходу ими горло у врагов и потрошил им кишки.

От кучи валяющихся разодранных органов исходил тошнотворный запах, который сливался с запахом потных подмышек. Никому не хотелось дышать. Но это было не самым худшим. Орки почему-то резко отступили назад, скрывшись за переходом. Розгальд сначала обрадовался, что можно передохнуть хотя бы минуту и отдышаться. Но затем испугался, когда понял, что это может значить.

— Всем назад! Назад!

Воины в недоумении смотрели на него. Их тела были разгорячены от битвы и жаждали продолжать. Они решили, что орки их испугались. Но вопль короля вверг их в шок. Из-за этого все не сразу начали исполнять указ, а встали в ступор.

— Я сказал, отступаем!! — Розгальд громко взревел.

Но было уже поздно. Куча мешков с серой и с зажженной в них куделью полетела на них через потайные непробиваемые двери, которые сразу затем закрылись. И путь назад тоже был отрезан. Их загнали в ловушку. В которой ядовитый дым заволакивал всё. Дорманцев рвало. Раздавался громкий кашель. Глаза почти разъедало. Люди начали биться о стены, пытаясь выбраться. Короля затаптывали собственные воины. И эту панику и ужас невозможно было остановить.

Восточный Манкольм. Крепость Торн

Даррен с бледным лицом взирал на крепость. Её сила и превосходство делали его таким маленьким в его же собственных глазах. Словно он букашка, пытающаяся уничтожить слона.

Кастелян Торна внимательно сощурил свои чёрные глаза. Его волосатые тёмно-синие руки опирались на каменную кладку. Клыки торчали из нижней челюсти и доходили чуть не до изуродованного шрамами остатка носа.

— Труби в рог! — ухмыльнулся орчий военачальник, отдавая приказ. — Людишки пришли за артефактом. Давно ими не лакомился. После того, как убьём их, нужно отобрать самых молодых и желательнее баб. У них мясо вкуснее будет.

Протяжный вой разнёсся среди стен. И ряды орков потянулись из вонючих сырых казарм, стуча доспехами, в оружейный зал. Они хватали своими ручищами с чёрными и жёлтыми ногтями багры, мечи и булавы.

Ханна подошла к эрлу и заметила в его взгляде восторг вперемешку с отчаянием.

— Я удивлена, — она непринуждённо улыбнулась. — Думала, что у мужчин подобное восхищение вызывают красивые женщины, а никак не холодные стены.

— Значит, вы слишком плохо знаете мужчин, — вздохнул тот.

— Ну, неудивительно. Они ведь с нами не живут. Наши сыновья уходят далеко в горы, где строят свои порядки. Так всем легче. Женщины хозяйничают в одном месте, а мужчины пусть хозяйничают в другом и не суются. Во всяком случае, по выражению вашего лица я многое смогла понять, — она властным движением руки откинула роскошные локоны волос за спину. — Насколько всё плохо? — спросила аливитянка без тени страха.

— Эта крепость — творение искусства, — мужчина не мог отвести от вражеских укреплений глаз. — Окрестности её слишком для многих из нас послужат сегодня могилой. Наши бомбарды бессильны. Нет смысла их использовать, так как они бьют прямо...

— Но мы хотя бы удачно можем использовать онагры, — перебила его женщина-воин. — Мои люди увеличили дальность полёта снарядов тем, что заменили чашку на рычаге пращей. И с помощью них мы будем мешать появляться оркам на стенах Торна. И тем самым сможем подобраться к ним и сделать подкоп под фундаментом одной из куртин. Затем поставим деревянные подпорки, пропитанные салом и подожжём. Стена рухнет и путь внутрь будет свободен.

— Ханна, вы очень мудрая правительница, — он повернулся к ней. — И, судя по слухам, вы очень храбрая и прекрасно владеете оружием. Я очень рад, что аливитянки в этот день с нами. Сложно было бы найти более искусных воинов, чем вы. Но, судя по всему, вам не так уж часто приходилось брать какие-либо крепости? Я ведь прав?

Она смерила его прямым взглядом.

— Да. Всего лишь пару раз. Поэтому я вас и спросила. Хочу понять, что предстоит ожидать моему и вашему народу.

— Начнём с того, что перед нами контр-гарды. Поэтому мы пушками очень долго не попадём в стены самого Торна. Так что их нам просто придётся обойти. А затем нам предстоит спуститься вниз по чудесно оформленному контрэскарпу. Если все остальные крепости занимают возвышенность, то эта как раз наоборот. Она уходит в глубину. И это гениально. Мы будем спускаться по контрэскарпу, как безоружные младенцы. А в это время

по нам будут вести обстрел из кучи орудий. Так как их пушки, стреляющие прямо, будут, скорее всего, в шахматном порядке смотреть из амбразур прямо на наши легионы. И погибнут тысячи людей, прежде чем удастся добраться до самого Торна.

— А после спуска нас ожидает фроссебрея, которая уже наполнена орками. Твари из деревянных палисадов будут бить по нам копьями сверху и стрелять стрелами. Нам придётся взбираться наверх и рубиться с ними на ходу, — заметила Ханна.

— Именно. И в этой схватке падёт опять же множество наших людей. Так как стратегическое положение врагов куда выгоднее. И когда мы преодолеем толпы орков на фроссебрее, нас встретит фланкирующий огонь из бастионов. По идее, легче всего атаковать башни, но их невыгодно обрушивать. И поэтому подкоп действительно придётся сделать под куртинами. А они идеально простреливается со стороны врага. Это всё предстоит проделывать под снарядами. Так ещё и сверху из машикулей на нас будет лететь чёрт-те что.

— Тогда я отдам приказ воинам, чтобы обтягивали щиты сырыми шкурами?

— Да, — кивнул эрл. — Хотя бы защитят от огня.

Ханна оповестила подданных, чтобы все усилили щиты и готовились к наступлению. Даррен же отдал приказ людям, отвечающим за огры. Чтобы те сразу же приготовились вести обстрел, как только наступающие окажутся за контр-гардами.

Тысячи министриалов и мессеров Дормана вместе с жительницами Саркена пошли в атаку. Легионы поделились на множество квадратов, закрытых со всех сторон щитами. В их мужественных сердцах и холодных головах преобладало предвкушение от битвы. Каждый хотел показать своему соседу, что не боится, что сражения — это и есть то, ради чего стоит жить.

Но... Всё резко изменилось, стоило им только начать спускаться по контрэскарпу вниз. Пушки Торна начали петь смертельную песню. Чем их только не заряжали: цепями, гвоздями и кусками железа.

Тяжеловесные цепи, летя на большой скорости, врезались в отряды и переламывали осаждающим ноги. Щиты раскрывали свои внутренности. И тогда несчастных добивали орчьи стрелы и копья. Земляной склон постепенно начал пропитываться кровью. По нему и так было неудобно спускаться под углом, так теперь ещё ноги скользили по крови.

Смерть была долгой и мучительной. Раненые катились вниз кубарем, крича от боли, и давили друг друга насмерть, не имея возможности подняться. В глазах сейчас был лишь один страх. Но они всё же продолжали наступление.

— Не раскрывать щиты!! — вопил эрл Даррен. Глаза его чуть не выкатывался из орбит, когда он судорожно вслушивался в стоны раненых. — Перестраивайтесь быстрыми перебежками!

Онагры же, стоя на возвышенности, запускали свинцовые снаряды и камни по верхним линиям Торна. И благодаря им не вёлся обстрел с высоты по осаждающим. Орки действительно не могли подняться на парапеты. Как только они это делали, их тут же размазывали в лепёшку снаряды аливитянок. Орчьи серые мозги и их разорванные толстые артерии скользили по стенам крепости. И она сейчас больше походила на скотобойню, чем на один из самых величественных пунктов фортификации в Восточном Манкольме.

По стройным, но мускулистым высоким ногам аливитянок лились бурые струи крови, смешанные с потом и сырой землёй.

Впереди возвышалась фроссебрея. Из её кольев выглядывали самодовольные и облизывающиеся орчьи морды. Дорманцы подбрасывали друг друга, чтобы быстрее

переместиться к врагу. Женщины-воины выстраивали на телах друг друга мосты из щитов и, разбегаясь по ним, влетали в ряды гарнизона крепости.

Головы осаждающих летели с плеч в таком количестве, что тем, кто стоял внизу, казалось, что начался кровавый дождь. У каждого на языке и на глазах были капли крови своих боевых товарищей. И это сводило с ума. Сама Смерть боялась подходить к этому месту. Она не успевала собирать павших и билась в отчаянии от бессилья.

Ноги Ханны в изящных кожаных сапогах самоуверенно неслись по дрожащим щитам. Платье при каждом ещё шаге задиралось кверху, оголяя нежные смуглые ягодицы. Они напоминали сладкие медовые вафли. К ним хотелось припасть губами и языком. Каждая пядь её кожи заслуживала поцелуев. Такую женщину хотелось носить на руках и умирать с радостью за неё на дуэлях. Кто бы мог подумать, что Ханна с её небесной красотой будет одной из самых сильных воительниц в истории. Было сложно представить её с топором в руках и то, как она им переламывает кости врагам. Но она была именно такой.

Правительница аливитянок с хладнокровным лицом рубила конечности орков. Их трупы заменяли ей благоухающие цветы. Смерть ублюдков была для Ханны лучшим подарком.

Женщина умело и с молниеносной скоростью прикрывала щитом свою сияющую, словно бриллианты, кожу от опасных клинков и стрел. Её топор крошил коленные орчьи чашечки, заставляя тварей вопить от жуткой боли. Ударами локтя она выбивала врагам их злобные глаза. А лезвием небольшого кинжала, который висел у неё обычно на набедренной повязке в мирное время, вспарывала оркам ноздри и прокалывала виски, смачивая лезвие в их мозгах.

Эрл Даррен неподалёку от неё взмахивал своим мечом, отбиваясь от вражеских ударов. Он отпихивал от себя ногой мёртвые тела, чтобы иметь возможность отдышаться перед новой волной гарнизона. С его подмышек сходили реки пота. Рубаха под кольчугой словно одеревенела от сырости. Кровь пульсировала в голове. И он продолжал нестись на орков в атаку, как разъярённый бык. Мышцы в руках чуть не рвались от постоянного напряжения. Им приходилось долго находиться в дикой нагрузке.

Когда с орками снаружи было покончено, и трупы устилали собой полностью ров, доходя до высоты самого контрэскарпа, самым живучим предстояло пройти через очередное пекло.

Сотни аркебуз из бастионов начали стрелять по смешанной армии свинцовыми стрелами. Они летели с такой скоростью, что пробивали щиты и впечатывались в плоть дорманцев и аливитянок.

Девушки ползали по чёрной грязи, закрывая от боли глаза. Из горячих бёдер хлестала кровь, а стрелы невозможно было вырвать из тел. Лица их покрывались алым оттенком мук. Некоторые сами себя добивали, вонзая кинжалы в сердца.

Дорманцы шатались на ногах. Многим из них свинец пронзал руки, рёбра и лёгкие, наслаивая одно на другое, словно коржи на торт. Рты воинов широко открывались, и из них вырывались предсмертные вздохи и крики.

Эрл Даррен чувствовал, как у него от всего происходящего перехватывает дыхание. Он нервно глотал воздух, продолжая пробираться к стенам Торна.

Когда маленькие отряды смешанной армии чудом добрались до оснований куртин. И люди начали рыть подкопы, чтобы подорвать и обрушить стены, Ханна прокричала приказ.

— Прикрываем землекопов! Держать ряды из щитов! Лучникам приготовиться к смерти! — она грустно улыбнулась и сама взялась за лук.

Стрелкам приходилось сильно открываться и жертвовать собой, защищая остальных. Ханна метко целилась с помощью лука. Стрелы её, преодолевая большое расстояние и проходя сквозь узкие отверстия амбразур в бастionaх, вонзались в орчы лица. Подданные старались хорошо прикрывать её ноги щитами и по возможности голову. Но одна свинцовая стрела разорвала ей кожу на шее. Куски плоти уродливо болтались и плевались кровью. Правительница же аливитянок будто и не замечала этого. Важные сосуды не были задеты, поэтому она не обращала внимания на жгучую боль, а продолжала прикрывать своих людей и дорманцев дальше.

Эрл Даррен наравне с министралами рыл подкоп. Лицо его всё было в комках грязи и пыли. Но уже более сосредоточенное, чем пару мгновений назад. Он взял себя в руки и смог унять ужас, бушевавший на душе.

Подпорки были установлены в подземных камерах под фундаментом. Их начали поджигать.

Если бы знаменитый Мериольвиус Парионвильский дожил до этого дня, то он бы написал такие строки о происходящем:

*Мне больно смотреть на череп открытый,
И на сердце, уносимое беркутом вдаль.
Никогда уж не высохнет море крови пролитой.
Стены Торна разбили грааль.
Он рождён был людьми.
И те превзошли всех богов.
Хоть толпами трупов ты его воскорми,
Но не насытит тебе его сычугов.
Хочется целовать кирпичную кладку
И в то же время сжечь крепость дотла.
Тяжело унять лихорадку,
Что вызывает порождение зла.*

Стены куртин обвалились почти одновременно в нескольких местах. Даррен опустил на шлеме забрало.

— В атаку!! — он воздал в небеса клич и ринулся внутрь.

Из машикулей орки едва успевали сбрасывать на них булыжники. Тела дорманцев и аливитянок складывались пополам и расплющивались под их тяжестью. Органы разрывали плоть и, вырываясь наружу, лопались. Глаза выпадали из орбит. Когда сапоги случайно наступали на них, ноги начинали сильно скользить.

Гарнизон же крепости не терял времени. Когда рылись подкопы у куртин, с другой их стороны строились в бешеном темпе ограждающие палисады из земли, брёвен и веток. Так что, прорвавшись в Торн, смешанной армии приходилось вновь находиться в невыгодном положении. Орки вели обстрел с возвышенности своих укрытий. Приходилось вновь смотреть смерти прямо в лицо. Взбираться вверх по трупам своих же товарищей.

Ханне отрубило нос вражеской секирой. Ей пришлось отбиваться от высокого орка, заливаясь при этом кровью. Голова воительницы кружилась. Перед глазами всё плыло от разъедающей мозг боли. Эрл Даррен заметил положение союзницы и пришёл к ней на выручку, перерубив шею нападающему на неё орку.

— Правительница Саркена ранена! — кричал он аливитянкам. — Выводите её отсюда!
Ханна рухнула на колени и перед тем, как окончательно лишиться чувств, обратилась к

прикрывающему её военачальнику:

— Я продолжу сражаться дальше! Я могу... — глаза женщины невольно закрылись.

Её подданные подбежали к ней и подхватили под руки. Прикрываясь щитами, женщины-воины начали выносить Ханну.

Пока он беспокоился о защите раненой, на него со спины напал враг. Но он словно чувствовал это и успел развернуться в пол-оборота. И меч орка вместо сердца вонзился ему под лопатку.

— Сука! — прорычал в ярости главнокомандующий и другой рукой прикончил атакующего.

— Сэр, вы ранены, — приблизился к нему подчинённый, тяжело дыша от усталости. — Вам лучше отступить и сделать перевязку.

— Да пошёл ты к чёрту! — взвился на него Даррен. — Меня отсюда без артефакта вынесут только мёртвым! Всем собраты! Рубите этих уродливых сволочей! За короля! За всех павших!

Орки успели завершить раскопку. Из мглы тоннеля на цепях подняли сверкающий сиреневый кристалл с шероховатой поверхностью. Его невозможно было не заметить даже в этом пекле. Враги поспешно его укрыли в хорошо защищённом донжоне, находящемся у края, высоченного обрыва.

Когда военачальник увидел это. Он начал метать громы и молнии вокруг. Ярость заполнила всю его сущность. Эрл как в бреду рубил оставшихся возле него орков. В мыслях же он думал только о кристалле, а уже не о своей жизни.

— Спускайте сюда бомбарды! Немедленно! — вскричал главнокомандующий спустя час после того, как на плацдарме Торна ни осталось ни одного живого орка.

Он лёг на землю среди трупов и жадно хватал уставшими лёгкими воздух. Плечо горело от ранения. Вся спина жутко ныла. Хотелось провалиться от усталости и боли сквозь землю. От грязи и пота вся кожа чесалась так, словно тебя опустили в чан с кипятком в преисподней.

Не быстро удалось доставить пушки в Торн. Так как на пути была тьма трупов. Когда чугунные ядра стали бить в толстую и с железными вставками стену донжона, откалывая от неё только крупницы, по коже эрла Даррена пробежали мурашки ужаса. Мужчина стал бледным, словно мертвец.

— А... — только и вырвалось из его рта. У него даже не было сил от страха, чтобы сказать вслух то, что он сейчас понял.

Главнокомандующий ринулся со всех ног на выступающую за стену соседнюю башню. Он мчался, будто в тумане.

— Нет! Нет! Нет! Нет! — безумным воплем Даррен разговаривал сам с собой, пока ноги его несли по ступеням лестницы.

Он, разбив ставни, высунулся в окно. Челюсть его отвисла. Руки начали дрожать, как при предсмертных судорогах.

— А... А-а-а-а-а!!! — этот крик эрла испугал всех дорманцев и аливитянок куда больше, чем само сражение.

Увы... Он был прав, когда предположил, ещё будучи внизу, что у донжона может быть потайная дверь со стороны обрыва. Как раз из такой виднелась длинная верёвочная лестница. И он больше никого не видел. Это значило лишь одно: кто-то из орков уже был далеко отсюда вместе с артефактом.

Всё было напрасно. Все смерти были напрасны. Эта победа над самой великой крепостью не принесла им абсолютно ничего. Ни славы, ни надежд, ни утешения. Только боль. Ничем не унимаемая боль и вечные страдания...

— Я вознёс Его Величеству оммаж. Я должен был быть поручиком для него. А я... А я подвёл его! Я всех нас подвёл! — это были его последние слова на этой суровой планете.

Он выбросился из окна. Тело его стремительно падало, ударяясь о выступы скал. Из разmozженной головы вырвался фонтан крови. И окропил ненасытные земли Торна.

Килн

Бесчувственные к ядовитому дыму вурдалаки, вставляли мечи в дверные щели, пытаясь их открыть. Ничего не выходило.

— Розгальд! — звал короля в суматохе Исмаил.

Вокруг ничего не было видно. Всё застилал туман от горения серы. Никто не отзывался.

Неподалёку раздался громовой удар. Пол под ногами задрожал. Звуки от обстрела приближались всё ближе.

Большое ядро пробило стену. Дым начал вырываться поспешно наружу. Одного вампира навсегда снарядом впечатало в кирпичную кладку Килна. Двоих просто-напросто слегка зацепило осколками при обрушении.

Кровавый князь наконец увидел правителя Дормана. Тот неподвижно лежал в одном из углов ловушки. Кожа отливала синюшным оттенком. Вокруг него покоилась кучка трупов из подданных.

Исмаил прислушался к его сердцу. Оно не билось.

— Чёрт! — выругался он и уставился на своих подчинённых. — Чего стоите? Выбирайтесь через брешь и убивайте орков! Вперёд!

Сам же он уселся рядом и нервно начал кусать свои губы, думая о том, как быть дальше.

— Ну, Розгальд... Надеюсь, что ты меня поймёшь, — Исмаил вздохнул и впился в его шею клыками.

Выпив несколько глотков отравленной крови, князь судорожно замотал головой и сморщил лицо так, будто его заставили съесть лимон целиком. Он не был уверен, сработает ли сейчас обращение. Скорее всего, было уже слишком поздно. Правитель вурдалаков надкусил кожу на своей руке и выдавил пару тёмных гранатовых капель в приоткрытый рот Розгальда.

— А теперь остаётся лишь ждать, — Исмаил бросил на его труп ещё один взгляд и выбежал прочь.

В Килне не было ни одного свободного места. Клинки мечей скрежетали повсюду. Бой шёл за каждую пядь крепости.

На парапетах и лестницах отряды осаждённых и осаждающих, прикрываясь щитами, пускали в друг друга стрелы, и мертвецы валились градом вниз, сбивая с ног тех, кто не успел их вовремя заметить.

Исмаил с помощью своих сверкающих гладиусов убивал одновременно по двое орков. Одежда его насквозь промокла от вражеской крови и стала чёрного цвета. На белоснежной коже рук и головы сверкали прилипшие ошмётки сухожилий воинов Узгулуна.

Посреди площади зияла гигантских размеров пропасть. В которой уже никто не вёл раскопок артефакта. Смешанная армия перерубила канаты и цепи, на которых висели орки с кирками и те падали, устилая своими скелетами недра Барнара.

— Где король? — потерявшие Розгальда из поля зрения дорманцы с выпученными глазами окружили Исмаила. — Его Высочество ведь был рядом с вами.

На их лицах выражался страх и отчаяние. Но боялись они не своей гибели, а того, что не могли найти взглядом правителя. Он был для них всем. Одним своим видом милорд мог заставить пойти народ за ним в самое пекло. И древний вурдалак всё это прекрасно

понимал. Князь не мог сказать им правду о том, что нашёл Розгальда мёртвым, как и о том, что попытался его обратить. Исмаил догадывался, что в первом случае дух их ослабнет, а этого допускать в разгар сражения нельзя. А во втором случае он и вовсе не знал, как они отреагируют.

— С Его Высочеством всё хорошо. Он вместе со своим отрядом бьётся вон на той башне. А вы чего замерли, чёрт побери? Орки сами себя не перебьют! — вампир солгал им и бросился сражаться дальше.

Орки разворачивали бомбарды внутрь и палили по всем, кто приближался к раскопанному тоннелю. Ядра разных размеров дробили и откалывали кости дорманцам. Вурдалаки метались по плацдарму с разбитыми в груду фарша лицами.

Это был самый настоящий хаос. И он манил к себе своего покровителя. Того, кому смерть и ужас доставляют истинное удовольствие.

Узгулун парил над Килном. Он явился, чтобы забрать артефакт. Его алые глаза довольно взирали на горы трупов. Тварь разогналась и скрылась в глубинах пропасти.

— Сволочь! Сука! — Исмаил со всей силы бил сапогом по земле. — Его нельзя выпускать оттуда во что бы то ни стало! Иначе этот ублюдок заберёт артефакт и исчезнет. Чего стоите? Тащите скорее сюда пушки! Занять оборону вокруг! Если для этого понадобится, чтобы все сдохли, значит, мы все здесь и сдохнем! Но не позволим этой мрази уйти!

— Натягивайте цепи скорее над тоннелем! И закрепляйте их насмерть в железных кольях и в кольцах стен! Сделаем для него клетку! — князь, торопясь, раздавал приказы. — Смажьте всё хорошенько жиром и подожгите! Лучники, займите позиции! И приведите срочно сюда Труве! Пусть готовится в любую секунду создать портал! Шевелитесь быстрее, чёрт вас всех побери! Представьте, что это ваш последний, мать его, день! Больше ни у кого из нас не будет шанса что-либо исправить! Либо сейчас, либо никогда!

Воины смешанной армии действительно уже из закромов доставали свои последние силы. Они выкладывались так, как никогда этого прежде не делали. Тела валялись от усталости, но они заставляли их двигаться дальше. Остатки орчьего гарнизона продолжали кусаться местами, как надоедливые блохи. Приходилось биться с ними на ходу и одновременно исполнять указания кровавого князя. Никто из дорманцев не хотел подводить друг друга. Каждый понимал, что лучше умереть сейчас, чем вернуться домой с поражением и отсрочкой перед гибелью.

Когда оборона вокруг была выстроена, сердца у всех замерли в ожидании. Из тёмных недр не доносилось ни звука. Эта бездна. Эта тишина. Они подтачивали в каждом уверенности. Ладони леденели. Волосы на руках вставали дыбом. Дорманцы даже старались не дышать, чтобы не упустить никаких изменений. Кровь бушевала в сосудах с таким беспорядком, что головы неимоверно кружились. Сколько человеческий организм способен пребывать в постоянном кошмаре? Когда все сломаются от бессилия и страданий? Вот были главные вопросы, на которые они отвечали в тот день. Отвечали с мельчайшими подробностями, потому что испытывали всё на собственной шкуре.

И тут. Глаза от резкого порыва у воинов смешанной армии вздрогнули, а зрачки расширились до пределов чёрствой Вселенной.

Повелитель хаоса со всей силы взлетел вверх. Цепи натянулись и полопались в некоторых местах. Он вновь опустился и разогнался во второй раз.

— Приготовить крюки! — завопил Исмаил. — Поджечь цепи и стрелы! Умрём, но не

выпустим тварь!

Пламя поползло по импровизированной клетке Узгулуна. Он разорвал все цепи и начал подниматься выше. Арбалетчики пускали в его плоть горящие крюки со стальными канатами. Тысячи дорманцев и вурдалаков удерживали его проклятую плоть.

Повелитель хаоса извивался, разрезая своим воплем ушные перепонки нападающих. Он резко рванул в бок, подмяв под себя сотни воинов и раздавив тех.

Узгулун ударил о землю ногами, выпуская из пасти сносящую всё на своём пути волну. Стены Килна крошились. Смешанная армия разлеталась на куски. Освободившись от пут, он оттолкнулся ногами и начал взлетать, чтобы унести с собой драгоценный артефакт.

Но уже в следующую секунду одна из его рук была отрублена в прыжке Розгальдом. Из обрубыша истекла чёрная и липкая, как смола кровь. Кулак разжался. В ладони лежало удивительной красоты кольцо из розово-оранжевого сапфира. Оно напоминало бутоны нежных цветов, облачённых в капли дождя на закате.

Правитель Дормана взметнулся к артефакту. Его некогда синие человеческие глаза теперь навсегда стали серебристо-жёлтыми и бесчувственными. Отныне он не человек, а вурдалак.

— Труве! Портал! Портал! — орал изо всех сил король.

Маг исполнил свой долг вовремя. Розгальд успел переместиться далеко от Килна вместе с кольцом. Он был единственным, кому удалось выжить после этой осады.

Разъярённый Узгулун уничтожил всех, кто был в крепости. Вампиров испепелил дотла яростным огнём. Мистраль ещё долго раздувал по окрестностям оставшийся от них пепел. В воздухе отвратительно воняло подпаленной кожей.

Дорманцев он сжирал живьём, выплёвывая лишь их доспехи, мечи и кинжалы. Люди припекались обугленной кожей к каменной кладке крепости, чтобы стать её частью. Самые везучие успевали сами пронзить себе сердца или броситься в бездну.

Но Узгулуна не успокоила эта расправа. Он набрасывался на соседние города и селения, вымещая всю ненависть к Розгальду на всех остальных. Повелитель хаоса убивал. Без конца убивал, пока солнце не скрылось за горизонтом.

Из-за стольких гор трупов, выстилающих собой на карте большую часть Манкольма, в ту местность явилась подруга Смерти — Чума. Она довольно потирала руки, смотря на хищных птиц и голодных крыс, ждущих своего часа. Дама разгуливала в своём сером платье с кружевами среди мертвецов. Она вдыхала вонь от их испражнений, как ароматы парфюма. Чума с аппетитом лизала скользкие выпотрошенные кишки. За ней пронеслись толпы блох и вшей. Они устроили пир на крови и мясе павших. Чтобы затем отправиться в путешествие вместе с Чумой по всему свету. И сеять болезни и гибель. Дабы в этом был смысл жизни у обеих подруг.

Килн больше не великая крепость и не творение разума, а цитадель смертельной хвори. Остатки стен стали надгробными плитами для гигантской могилы братьев по оружию.

Розгальд тем временем спрятал артефакт, который когда-то носила на своей божественной руке сама Гильдегарда, ныне погибшая стражница небесных ворот. Король, ещё будучи малышом, слышал сказки про кольцо воительницы и защитницы богов. С помощью него она создала множество морей из слёз тех, кого не пропустила в город прародителей. Никто не мог её обмануть или испугать. Она видела красоту в здравом величии. И погибла множество веков назад во время междоусобных войн создателей.

Если бы Узгулун заполучил это кольцо, то к нему бы вернулась часть души из тех

времён, когда он сам был ангелом. И тогда страшно представить, какие бы он мог совершить вновь злодеяния с помощью него.

Розгальд огляделся по сторонам. Труве забросил его в случайное место. Это было гениально в их случае. Правитель Дормана сам не знал, где он именно сейчас находится. Но нужно было выбираться из леса и искать путь домой, в Остбон. Он брёл, закинув руки за спину и думал о том, как там обстоят дела в Торне. Король надеялся, что им удалось захватить два артефакта за один раз.

У правителя Дормана чесались руки, чтобы забрать кольцо Гильдегарды с собой. Ведь надев его, можно было получить невероятную силу. Но это было слишком опасно. Если Узгулун решит искать его, то сможет отобрать артефакт обратно. Всё же повелитель хаоса превосходит по мощи человека, даже если у него и не будет хватать какой-то части души. К тому же он изначально договорился с эрлом Дарреном о том, чтобы спрятать находки и не говорить друг другу где они будут храниться.

Розгальд спустя несколько часов только выбрался из леса. Его взору открылся чудесный водопад в скалах. Он сразу его узнал и понял, что до Остбона можно будет добраться ещё до сумерек, если повезёт. Но ему безумно хотелось пить. Ему хотелось горькой обжигающей нутро крови. И по пути он свернул шею двум кабанам и одной косуле. Королю казалось, что даже этого ему не хватит, чтобы насытиться.

Правитель думал о том, как иронично всё выходило. В прошлом он убивал кровопийцев, а сейчас сам стал таким. Интересно, как примет его народ? Будет ли срываться сам на человеческую кровь? Эти вопросы мучили его. Однако одно он знал точно: у вурдалака который это с ним сделал, не было иного выбора. Это было верное решение.

Узгулун — вот, что для него было самым важным. Необходимо было остановить его. И Розгальд был готов пойти на всё. Если его человеческая прежняя жизнь стала платой за такую мечту, то он готов с этим мириться.

Как всегда. Великие жертвуют собой во благо слабых. Но мало кто остаётся жить при этом дальше. А королю придётся жить. И какая его ждёт жизнь с Тиссой и с ребёнком, он больше не мог себе представить.

Правитель Дормана бежал со всех ног в Остбон через ущелья, растущие в высоченных скалах, и через обширные пашни крестьян. Он рвался не к жене. Не для того, чтобы прижать её голову к своей груди, в которой пылали раньше страсть и любовь. Нет. Сейчас там холод и больше ничего. От теплоты остались лишь воспоминания, как перечень правил для обычного поведения. Он торопился за информацией. Ему не терпелось узнать об успехе осады Торна. Ему не терпелось узнать об оставшихся в Килне после того, как он скрылся в портале. Розгальд думал только о своём долге. Отныне он безумно жаждал лишь крови и смерти Узгулуна. Это была его мания. Это была его единственная страсть, заставляющая жить.

Когда он приблизился к воротам Остбона, то его не сразу впустили. Лицо Розгальда было в крови животных. Жёлтые дикие вампирские глаза глядели бесчувственно.

— Ваше Величество? — едва смог произнести стражник на воротах.

— А что, пока я отсутствовал, меня уже успели забыть? — ухмыльнулся печально он. — Открывай ворота, Дэбр.

Мужчина, как в полусне исполнил приказ, всё ещё пребывая в недоумении. Но когда король вошёл, то тот, наплевав на всё, рухнул перед ним на колени и поцеловал край грязного кафтана, торчащего из-под кольчуги.

— Милорд, — он всхлипнул. — Мы думали, что вы мертвы. А сейчас я увидел вас.

Хвала небесам! Вы точно любимец Дахмана! — все остальные охранники, столпившиеся у главных ворот, тоже поспешно пали пред ним ниц. — А ещё сейчас ваши глаза такого цвета... Я подумал, что... А как...

— С чего вы взяли, что я умер?

— А как же? Ведь из Торна через портал вернулись аливитянки и наши люди. Они были в Килне после битвы и сказали, что там все были мертвы. Никого не осталось больше.

Розгальд остолбенел. И затем, придя в себя, со всей силы ударил о стену кулаком. Несколько камней отвалилось.

— Где эрл Даррен? Пусть живо придёт ко мне с отчётом!

— Так ведь эрл самоубился. В Торне не удалось добыть артефакт. Кто-то из орков сбежал, унося с собой кристалл через потайную дверь. Вот Даррен и выбросился, говорят, с высоты, как только это узнал. Он не мог себе простить этого.

Когда правитель Дормана услышал, что кристалл захватить не получилось, ноги его чуть не подкосились. Ему хотелось вновь пить. Ему хотелось убить всех к чертям. Но он всё же постарался взять себя в руки.

— А Ханна где?

— Ей в бою отрубило нос, и она находится в госпитале, имени Вашего Высочества.

— Ясно, — холодно ответил Розгальд и двинется ко дворцу.

Он шёл как в тумане. Добравшись до своих покоев, отдал приказ слугам, чтобы они срочно принесли ему вёдра, полные крови заколотых животных. Подданные были в шоке от таких указаний, но ринулись исполнять.

В ту ночь слухи быстро расползлись по столице. К утру уже все знали, что король больше не человек, а вампир. Жителям становилось страшно. Многие были недовольны. А кто-то не собирался в это верить, пока сам не увидит собственными глазами. Но факт был в том, что дорманцы были сломлены и разочарованы. Уже не счесть того числа семей в Дормане, которые потеряли почти всех своих близких. Каждый понимал, что Розгальд старался ради всех, но смерть и отчаяние перевесили чашу весов в их душах на свою сторону. Никому больше не хотелось сражаться. Все выдохлись. Некоторым даже уже и не за кого было сражаться. Похоронные процессии стали слишком частой частью пейзажа.

Людам был нужен поток успеха. Хотя бы маленький. Чтобы у них вновь появились силы. Чтобы этот поток придавал им храбрости. Очень тяжело сохранять уверенность, когда кругом смерть. Дорманцам уже казалось, что они проиграли. Конечно, новость, что один из артефактов удалось добыть, тоже разнеслась по округе. И это должно было всех взбодрить. Но вышло иначе... Люди не могли увидеть кольцо Гильдегарды, так как Розгальд опасался раскрывать его место в целях всеобщей безопасности. И в его размышлениях была логика. Но дорманцы были простыми людьми: они верили в то, что всё же видели. Им важно было узреть это чудо-кольцо. Оно бы заставило их продолжить борьбу. Но... Этого не произошло.

И на всё это наслаивалось новое несчастье. Их любимый милорд стал вурдалаком. Дорманцы сторонились кровопийцев, ведь они раньше вели с ними частые войны. Только острая необходимость заставила их войска объединиться.

Против Розгальда начал зреть государственный переворот. Мало в ту ночь осталось на его стороне жителей. Почти все дорманцы решили на рассвете предложить ему добровольно покинуть королевский престол. А иначе... Вурдалака ждала смерть.

Грегори же после исчезновения купола быстрее всех подбежал к Таре и разрубил корни, обвивавшие её тело. Девушка громко кашляла. Из глаз лились слёзы от удушья. Сломанные рёбра при каждом вздохе впивались в лёгкие.

— Грегори, — она с трудом проговорила, положив свою ослабшую руку на его грудь, — принеси из моей сумки зелёный мешочек с растительной пастой.

Наёмник кивнул и ринулся к её лошади. Он судорожно рылся среди множества склянок и различных свёртков. Глаза разбегались. Из-за нервного состояния у него совершенно не получалось сосредоточиться. На помощь явился Иорик. Глаза поэта, привыкшие к дешёвому мелкому шрифту букв и к быстрым поискам нужных отрывков, сослужили ему хорошую службу. Бэбкок в мгновение ока обнаружил мешочек с пастой и вручил Грегори.

— Спасибо, Иорик, — тот, быстро ответив, схватил его и помчался к подруге.

Тара слизывала пасту, как кошка, но ей было всё равно очень больно проглатывать. Когда содержимое в мешочке исчезло в желудке, волшебница, закрыв глаза, приступила к самолечению.

— Рурсум франгитур, мергитур, ут ривус ин ривум инфлюит.

Вывороченные кости её поползли на место, как собаки, забирающиеся в свои будки, когда идёт дождь. Из уст ведьмы вырвались стоны. Руками она вцепилась крепко в траву. Грегори видел, как ей больно, но ничем больше не мог помочь. Ладонью он придерживал её голову и нежно гладил пальцами по щеке.

Когда раны Тары закрылись, она поднялась сама, без помощи на ноги. Лицо её было всё таким же бледным. Девушка больше походила на каменную статую, чем на живого человека. Взгляд её сразу упал на окровавленную голову подруги.

— Амелия, — чародейка медленно направилась к ней и улеглась на её неподвижную грудь.

Она молча лежала, не закрывая глаза. Будто старалась всё же услышать у трупа сердцебиение.

— Тара! — взволнованно окликнул её Конрад, — Это ненастоящая Амелия.

Все устремили на наёмника вопрошающие немедленных разъяснений взгляды.

— Посмотрите на те узоры наподобие рун, что вывела она на сырой почве. Точно такие же были нарисованы чёрной краской на лицах у жрецов. Помните? Когда мы впервые встретили Узгулуна у селения Иезавель, — Конрад сделал небольшую паузу, чтобы друзья вспомнили. Когда те закивали, он продолжил. — Так что я не думаю, что настоящая Амелия стала бы призывать на помощь Узгулуна. Это всего лишь её копия. Идеально выполненная копия с помощью чёрной магии. Есть подозрения, что Амелию подменили ещё в Торианвиле. Ведь она там была абсолютно одна. Мы в тот раз разделились. Это был бы самый удачный момент для приспешников повелителя хаоса.

— Выходит, — Грегори закусил нижнюю губу. — С того самого момента Узгулун управлял копией Амелии, чтобы нас рассорить и уничтожить. Так сказать, с лёгкостью избавиться от нас. А сам он в то время попивает чаёк. Ну, или ищет артефакты. Сколько их там? Кто знает? Или, может, он работает на опережение и разыскивает сам осколок звезды, чтобы его перепрятать?

— Возможно, всё именно так, — кивнул друг.

— Стойте. Но тогда надо спасти её! Ведь если её копия, питающаяся воспоминаниями и силой Амелии, провалила свою задачу, в таком случае настоящую Амелию захотят уничтожить. Она им больше не нужна! — Тара в ужасе выпучила глаза.

— К сожалению, ты, скорее всего, права. Если мы не успеем её найти, то они с ней покончат.

— Но... Но где? — всплеснула руками чародейка.

— Давайте отталкиваться от того, что мы имеем. За Узгулуна всю работу делали его слуги. И как мы решили: подмена произошла в Торианвиле. Это самый логичный вариант из всех. Очень легко было неожиданно на неё наброситься, пока она одна. И я думаю, что она до сих пор в том городе. Вряд ли бы её стали перевозить. Слишком рискованно и заметно. Но вот где именно? Торианвиль очень большой. Должно быть, что-то малолюдное и на окраине.

— Я вспомнила! — резко выпалила Тара. — Амелия говорила о том, что купила свою кобылу Люнету на конюшне, — она кивнула в сторону золотистой лошади. — И эта конюшня как раз одна из лучших, и находится она на окраине.

— Всё летит к чёрту! — Конрад тяжело вздохнул. — Время явно не на нашей стороне. Но у нас нет выбора. Нужно телепортироваться, Тара, срочно! Пока её не убили.

— Да. Но... Подождите, а что с моей сестрой? Почему она уехала? И куда? Что это всё значит? Я ведь не могу просто так уйти отсюда. Мне нужно разобраться. У меня голова уже идёт кругом от всего! Неужели она тоже копия?

— Я так не думаю, — Конрад нахмурил лоб. — Карлин ведь всегда была с нами. Правда... В Торианвиле она находилась в другой комнате, но...

— Но что здесь такого? Она ведь была одна?

— Она просила никому не говорить, чтобы вы ей не докучали шутками. В общем. Карлин в ту ночь была не одна. Когда утром я к ней зашёл, из её комнаты выходил лысый рыжебородый гном по имени Ормонд. Он клялся ей в любви. Карлин его нахваливала. Я было хотел её отчитать за то, что, мол, надо вести себя осторожнее, но она сказала, что не причём. Этот гном доставлял украшения в торговую палату напротив нашей гостиницы и увидел якобы её через стекло. Ночью уже вполз к ней в окно с вином и сыром. И я не знаю...

— Что ещё за бред! — взволнованно вскричала Тара. — Быть этого не может! Моя сестра всегда гномов терпеть не могла! Ни за что не поверю, что она когда-нибудь в жизни бы переспала с гномом! И она любит спать с мужчинами, но ни за что бы не стала впускать к себе через окно незнакомца. Она привыкла первой всегда знакомиться и выбирать ухажёра, а не наоборот.

— В таком случае, как это понимать? Тара, я ведь не лгу, — наёмник устремил на неё прямой взгляд.

— Конрад, я тебе верю, — нервно ответила та. Она начала ходить из стороны в сторону, заламывая за спиной руки. — Выходит, что её чем-то одурманили. И... И подчинили себе. Но кто? И зачем?

— Вряд ли это дело рук Узгулуна. Ему бы хватило и одной Амелии для осуществления своих планов. Хотя...

— Чёрт! — Тара перебила его. — В детстве... В детстве бабушка рассказывала нам забавные истории про приключения двух друзей. Они были очень популярны. И одним из этих друзей был мальчик из рода полуночных звёзд, а вторым был гном по имени Сэдди. Сказки сказками, но они всегда на чём-то основываются. На первых этапах обучения в

колдовской школе мы проходили историю, где касались происхождения всех магов. И... Я уже смутно помню, но гномы насколько я знаю, всегда хорошо дружили с тем вымершим родом полуночных звёзд.

— Ты клонишь к тому, что этот гном охраняет осколок звезды? — сощурил глаза Конрад. — И что он как-то узнал, что мы его ищем? И решил одурманить одного из нас, чтобы рассорить? В таком случае никто бы не добрался до Уэксарвана. Гномы охраняют склеп Эбера? И они не хотят, чтобы осколок звезды попадал в те или иные руки. Стараются сохранить его в тайне от всех. Хм. Но где мы оплошали? Как они нас заметили?

— Эти гномы, что рехнулись? А Узгулун их не смущает? Вот пусть его и одурманивают. Мы же наоборот спасти всех хотим, — возмутился Грегори.

— Это сказать проще, чем сделать. Попробуй-ка одурмань самого повелителя хаоса, — усмехнулся наёмник. — К тому же они ведь не знают с какой целью мы его ищем. Скорее всего гномы поставили себе задачу, чтобы никого по возможности не подпускать близко. И им явно было легче посеять смуту среди нас, чем приниматься за Узгулуна. Маленькие хитрые ублюдки. Хотели как лучше. Ладно, чего это я. Они ведь просто защищают то, что действительно стоит защищать. Их тоже можно понять. Но как они нас вычислили? Следили за нами?

— Да. Наверное, так, — кивнул Грегори. — Гномы очень хорошие следопыты. И они компанейские. У них в каждом городе есть знакомые и свои глаза и уши. А мы идиоты. Хотя... Мы ведь изо всех сил соблюдали осторожность. Не считая, конечно, Иорика.

— Я... А я? Что? — побледнел поэт.

— Да ничего, Бэбкок, ты тут не причём. Всё в порядке. Ты теперь с нами в команде, — Грегори протянул ему руку.

Иорик пожал её в ответ. Между ними наконец-то наступило доверие. Его больше не считали лишним.

— Когда Карлин дотронулась до руки Амелии, — продолжил рассуждать вслух Конрад. — Копия узнала, что та находится под действием зелья и решила использовать её в своей игре. Вернее, в игре Узгулуна. Карлин пребывала в некоем гипнотическом податливом состоянии, и ненастоящая Амелия внушила ей уехать. И карты легли так, как ей было нужно. Отъезд Карлин обострил бы обстановку еще больше, как и произошло. Копия отлично справлялась с эмоциями Амелии. Девушка очень точно передавала её чувства. Никто бы сразу не догадался, что это не она.

— Но Карлин... — в глазах Тары начали выступать слёзы. — Она что, решила от неё избавиться? Минус один человек?

Волшебница бросилась к своей лошади. Мужчины последовали её примеру. Иорик оседлал Люнету, а ослика ухватил за поводок и повёл за собой.

Тара уставилась на видимые местами следы в земле и направила на них руку.

— Семита ми ад фамилиам миам вэют пилэ дук!

Вмятины от подков лошади Карлин засияли ярко-жёлтым свечением. Их линии чётко просвечивались на всём пути. Друзья во весь опор и пришпоривая скакунов, ринулись по следам.

Сердце чародейки вырывалось из груди. Холодный колючий ветер до дрожи пробирал открытую шею и плечи. Но ей было плевать. Пусть хоть пушечные ядра по ней стреляют, но она ни на миг не остановится, пока не нагонит Карлин. В мыслях роились страшные мысли. Слёзы вылетали из глаз и на такой скорости отрывались от тела хозяйки и исчезали позади.

Тара осознала, что её может ждать впереди, но всё ещё надеялась на обратное. Слишком сложно было поверить в злую судьбу. Слишком сложно...

Впереди виднелось мрачное море. Уставшие чайки звонко гаркали, завершая свою рыбалку. Птицам хотелось скорее скрыться в своих гнёздах, чтобы спрятать замёрзшие лапки под перьями и спокойно дремать, переваривая вкусную рыбу.

А пред морем был резкий обрыв. Линия травы заканчивалась, не имея возможности пробраться через камни. И чёрно-белая скала с кучей острых выступов почти под прямым углом упиралась в песчаный берег. Увы... Светящаяся дорожка из вмятин от копыт оканчивалась на самом краю обрыва.

Тара чуть ли не на ходу прыгнула со своей лошади и молниеносно начертила рукой небольшой портал. Она вбежала в него и оказалась сразу у основания скалы.

— Н-е-е-т! Нет! — её тело сложилось пополам, когда из рта вырвался этот вопль, распугавший всех птиц.

Грегори постарался обнять Тару и успокоить, но она со всей силы заехала кулаком ему в нос. В её глазах была неподдельная ярость и гнев. Зубы её злобно скрежетали. Всё лицо девушки перекопилось от душевной боли.

Волшебницу трясло. Она, едва перебирая ногами, подошла к телу сестры. Расколота голова Карлин покоилась на окровавленном бульжнике. В шаге от неё с выпученными бледными глазами лежал труп лошади. Её переломанный хребет торчал из-под кожи, и несколько мух бегали по нему, пытаясь забраться поглубже и отложить яйца.

Конрад стоял неподалёку и не мог сдержать нахлынувших из глубины горячих слёз. Грегори и Бэбкок тоже. По их серьёзным мужественным лицам ползли солёные ручьи. Карлин для всех была хорошим другом. Её гибель стала большой неожиданностью, мощно ударившей по каждому из них.

— Я клянусь: я убью этого сучьего гнома! Я выпотрошу его вонючие кишки! — грозные вопли вырывались из уст Тары между её рыданиями. — А-а-а-а!!! — всё её тело продолжало трястись, словно в болезненных судорогах. Она сидела возле Карлин, обхватив ту за окостеневшие плечи.

Конрад хотел было остановить девушку, чтобы она не раскидывалась клятвами, ведь Ормонд или кем бы он там ни был, он лишь хотел защитить осколок. Но потом наёмник понял, что целью гнома всё же была гибель их всех. А ведь он их даже не знал, но покусился на их жизни. Так что наёмник решил, что если Тара когда-нибудь найдёт его и убьёт, то это будет вполне честно и заслуженно. Поэтому мужчина промолчал.

— Тара! — прервал крики Грегори. — Нам нужно спасти Амелию. Создай нам с Конрадом портал в Торианвиль. А сама отправляйся с телом Карлин в Остбон. Ведь тебе нужно проститься с ней, как полагается. С тобой пусть пойдёт Иорик. Тебе нельзя быть одной сейчас, — он вытер слёзы с лица и подошёл к ней.

Грегори сначала поцеловал труп Карлин в лоб, а затем Тару в голову.

— Держись! — произнёс он вслух.

Девушка даже не взглянула на него, а лишь протянула в сторону руку и щёлкнула пальцами. Открылся портал.

— Идём, Грегори, — Конрад похлопал друга по плечу.

Наёмники вместе со своими конями и с Люнетой Амелии скрылись из вида.

Бэбкок сидел на песке рядом и молчал. Руки его покоились на коленях. Небо было серым. Солнце клонилось к закату. Тело и душа замерзали от холода.

Тара улеглась рядом с Карлин. Глаза её были закрыты. Поэт подумал, что подругу из-за нервного потрясения склонило в сон. Ведь так уж мы устроены. Когда всё слишком плохо, нам хочется сбежать от самих себя и забыться сном. Иорик достал из сумки тёплый плащ, чтобы укрыть её, но, как оказалось, она не спала, а просто размышляла.

— Извини, я думал, что ты уснула. Во всяком случае, держи плащ. Холодно же... — замер тот рядом.

— Собирайся, — безэмоционально ответила ведьма. — Нужно привязать аккуратно тело Карлин позади седла. Поедем галопом в сторону столицы. Потом я смогу сделать портал. У нас мало времени.

Поэт не понимал, к чему в их случае такая спешка, но решил задать вопросы чуть позже.

Они с большим трудом смогли зафиксировать окоченевшее тело так, чтобы не повредить его. И выдвинулись в путь. На протяжении всей дороги волшебница то и дело создавала магические проходы, чтобы ускорить их перемещение. Постоянное молчание сильно действовало на нервы Иорика Бэбкока. Он не выдержал.

— Тара, ты ничего не хочешь мне сказать? Ты ведь явно что-то задумала? Я же твой друг. Имею право знать.

— Я хочу оживить Карлин.

У поэта отвисла челюсть.

— Как? Разве это возможно?

— Да. Я слышала о таких случаях. Правда, все они происходили в тёмные времена, когда сёла и города наполняли чёрные колдуны с продажными шляхами-демонами. Говорят, что если после смерти не успевали пройти сутки, то такого человека могли вернуть к жизни.

— А... А что для этого требовалось? Не всё же так просто.

— Ты прав. Для ритуалов оживления приходилось приносить много невинных жертв. Но я, конечно же, ничего подобного делать не собираюсь. Просто хочу выяснить. В ковене могут быть и другие данные. Поэтому нам надо спешить. Я не могу позволить себе отпустить Карлин так просто. Смириться — это не мой вариант. Я надеюсь, что есть какой-то способ. Не знаю... Например, заменить её жизнь на свою. Отдать душу в залог демонам. Что угодно. Просто это держат в тайне. Но директриса Эрлин наверняка что-то знает. И я заставлю её сказать. Она увидит моё горе, и у неё не будет выбора.

— Тара, — Иорик взглянул на неё, — я полностью на твоей стороне. И поддерживаю тебя. Помогу, чем смогу. Но... Ты ведь понимаешь, что может случиться так, что ничего не выйдет? Если бы каждый мог воскрешать близких, то все бы так делали. Вряд ли ваша Эрлин может знать что-то такое, что нам поможет.

— Заткнись, Бэбкок! — огрызнулась подруга. — Я же сказала, что всё получится! Маги действительно могли воскрешать людей. Значит, и я смогу. Я найду способ.

— А если тебе для этого придётся кого-то убить? Например, невинных детей для ритуала? Что ты это сделаешь? — бесстрашно парировал поэт. — Или, может, ты меня в крысу превратишь, что я посмел открыть рот? Так вот знай, я тебя не боюсь! Я, наоборот, хочу помочь! А ты сейчас в таком состоянии находишься, что совершенно не соображаешь.

— Прости, Иорик, что я так грубо тебе ответила. Да. Я сейчас с трудом могу контролировать себя. Но... Слушай, я не знаю. Не буду я убивать детей, конечно. Однако способ какой-то подыскать придётся. В любом случае, я чувствую, что Карлин умерла по ошибке. Боги что-то напутали, будь они неладны. И я это исправлю. Я правда верю в это. А иначе без этой веры я сама сброшусь с обрыва. Ты понимаешь меня?

— Да, — вздохнул тот.

Только к утру удалось Таре и Иорику добраться до границ Остбона. Лошадь волшебницы полностью выдохлась, она едва передвигала ногами после безумной ночной скачки. Только выносливый осёл поэта всё ещё держался. Он крепкими шагами продолжал идти вперёд. Весь его твердолобый, самодовольный вид говорил о том, что ослы куда мудрее и сильнее любого жеребца.

Перед друзьями, еще не в успевшем полностью рассеяться тумане, вырисовывались высокие башни старинного имения. Студенты и педагоги сладко нежились в своих постелях. Волшебные твари, служившие ковену, тоже мирно посапывали в своих норах неподалёку.

Когда путники приблизились, Тара с помощью заклинания открыла дверь в невидимой защитной стене. И они оказались на территории магической школы. Сначала чародейка с Иориком отвели однокопытных товарищей в местную конюшню, простирающуюся в форме прямого угла. Они вычистили шкуры животных от грязи и насыпали им овса. Во время этих занятий Тара понемногу успокаивалась и приходила в себя. Ей необходимо было показать директорисе свою здравую серьёзность. Чтобы она увидела разумное горе пред собой, а не обезумевшую девушку.

— Ты готова? — спросил её Бэбкок, ополаскивая руки в ведре со студёной водой.

— Да, — девушка окунула голову в ведро целиком и вытерлась рукавом. — Иорик, ты ведь будешь мне помогать её убедить?

— Постараюсь, Тара. Большого обещать не могу.

Они отвязали уже немного посеревшее тело Карлин. Поэт поднял труп на руки и направился следом за ведьмой. Им не хотелось попадаться к кому-либо на глаза. Настроения для объяснений ни у кого не было. Да и их бы вряд ли бы поняли. А работники школы уже проснулись. В коридорах засияли свечи на люстрах. Повара разжигали печи, чтобы начать готовить завтрак студентам и учителям. Помощники магов подготавливали кабинеты для занятий по колдовству. Поэтому Тара сделала портал, который сразу же вывел их на балкон директорисы. Ей было страшно и жутко неловко врываться к леди Эрлин вот так. Но смерть сестры всё же пугала её куда больше. Поэтому ведьма решила не обращать внимание ни на какие условности.

Тара постучала в стеклянную дверь, украшенную по бокам дубом бирюзового цвета. Шёлковые занавеси с вышивками из золотых нитей разъехались по углам. Директриса была не в ночном костюме, а в синем платье для приёмов, что было весьма странным в столь ранний час.

— Не заперто. Входите, — она пригласила их жестом руки.

Девушка придерживала дверь, пока Иорик вносил труп Карлин внутрь.

— Можете уложить её на диван для гостей, — Эрлин кивнула в сторону.

Поэт направился к дальней стене, где стоял жёлтый мягкий диван с серебристыми ножками.

— Вы нас ждали? — уставила на неё непробиваемый взгляд Тара.

— Да. Сегодня во сне я увидела смерть твоей сестры. И я догадалась, что ты явишься ко мне. Уж больно хорошо я знаю твой характер, Тара. Ещё с тех времен, когда ты была непоседливой девчушкой. Когда тебе говорили, что что-то делать нельзя, то ты тут же шла и делала это, — Эрлин тяжело вздохнула. Она подошла к Карлин и уселась на край дивана

рядом. Директриса с печалью в глазах на неё взглянула. — Очень жаль, что множество замечательных людей сгинуло из-за возрождения Узгулуна. Очень жаль. Карлин была возрастом примерно с мою дочь Авонмору. Они обе слишком молоды, чтобы умереть. Но, увы... Такую судьбу нам отвели на небесах. Мы здесь безвластны, — она поджала морщинистый подбородок, и на том образовалась испещрённая бороздами вмятина.

— Хватит, леди Эрлин. Просто прошу вас, расскажите мне всё, что вам известно о воскрешении. Мы ведь обе знаем, что это возможно. Мне нельзя больше терять времени. Нужно действовать! — резко заявила гостья.

— Воскрешать нас, смертных, могут только демонические твари или ангельские создания. И вернуть человека из мира мёртвых можно успеть только в первые сутки. За это время душа покойного еще окончательно не забудет свою прежнюю жизнь. Так как мир наш создали всё же небесные прародители, то демонам, чтобы попасть в чертоги Терминаса, так называемого пограничья между нашими миром и миром мёртвых, придётся сильно попотеть. Для них Терминас закрыт. Ведь демоны часто воруют души, находящиеся вне тела. Для них это лёгкая задача. Поэтому, чтобы очутиться в пограничье, им самим придётся пройти множество препятствий. Следовательно, за такую работу они возьмут в залог и твою собственную душу и потребуют от тебя также множество человеческих жизней. И я знаю, что ты на это не пойдёшь. Как бы ты ни любила свою сестру, ты всё равно не станешь убивать невинных существ. Так что этот вариант отпадает.

— А как договориться с ангелами?

— Никак, — улыбнулась грустно директриса. — Ангельские создания отвечают за смерть. А не демоны. Не забывай этого. И ни один ангел не нарушит своей работы. Они неподкупные, в отличие от демонов.

— Но вы же сказали, что с помощью их силы это возможно, — Тара сжала в волнении руку в кулак.

— Девочка моя, это очень редкий случай. И... Я не думаю, что должна тебе это говорить, — Эрлин опустила глаза. — Ты можешь наделать кучу ошибок. Непоправимых ошибок...

— Но... Вы же меня хорошо знаете! — вскрикнула ведьма.

— Вот именно. Слишком хорошо знаю. Поэтому так и говорю, — директриса поднялась с места. Лицо её приняло полный оттенок серьёзности. — Только поклянитесь мне, что никому не расскажете, что я вам сейчас поведаю.

— Клянусь, — отозвался Иорик.

— А... Ну а друзьям-то можно? Нет?

— Каким друзьям, Тара? — Эрлин строго на неё взглянула.

— Как каким? Амелии, Конраду и Грегори. Ну и Карлин, само собой, когда я её верну. Им-то можно будет знать? Я от них не умею ничего скрывать. У меня не получится соврать. К тому же они видели, что Карлин умерла. Как я им должна потом объяснить её воскрешение?

— Хорошо, — тяжело вздохнула женщина. — Поскорее бы уже уйти на покой. Что-то я уже не в том возрасте, чтобы волноваться, — она налила воды из кувшина в маленькую чашку и отхлебнула. — Тара, наши вороны принесли мне плохие вести. В Остбоне назревает бунт. Многие вилланы недовольны правлением короля. Мужчины то и дело гибнут в сражениях. Некому обрабатывать земли и ковать железо. Многие дома опустели. И вы, возможно, не знаете, но Его Величество теперь вурдалак. При осаде Килна его обратил кто-

то из союзников. Видимо, не было другого выбора. А вы понимаете, как народ относится к вампирам. Одно дело временно объединиться с ними для всеобщей выгоды, но другое дело, когда на престоле Дормана восседает кровопиец. Людям страшно. Они устали от битв и поражений.

— А... Подождите... Как? Но ведь милорд, наоборот, всё делает для всеобщего будущего. Почему они так!? Никто другой лучше бы на его месте не справился с государственным управлением. Неужели вилланы не понимают, что сейчас всем тяжело? Не только им.

— Крестьяне всё понимают, Тара. Но и ты их пойми. С них же идёт спрос. А они страдают со всеми наравне. Вилланы обеспечивают продовольствием всех остальных, но их самих из-за войн осталось мало. И каждый прекрасно помнит, как вампиры убивали родственников. Народу нужны весомые основания, чтобы унять свой пыл негодования и вновь набраться сил. И у Его Величества такое основание есть. Но вместо разговоров с населением он заперся во дворце и ни с кем не видится. Боюсь, что нашему ковену придется унимать множество беспорядков в городе.

— А какое у него основание?

— В Килне король нашёл кольцо Гильдегарды, которое несло в себе часть души Узгулуна. Но милорд спрятал его и никому не показал, и мельком. И это всё играет против него. Однако Розгальд рассуждает в этом плане здраво. Чем меньше народу знает о кольце и о его местоположении, тем безопаснее. Его Высочество лишь хочет защитить всех.

— Мне может помочь кольцо? Я ведь права? — Тара исподлобья взглянула на директрису.

— Я не думаю, что король даст тебе его. Для него, как для правителя важнее, будущее всего народа, а не жизнь одного человека. Он не будет рисковать.

— Я не об этом спросила.

— Тара, это слишком опасно.

— Леди Эрлин, а если бы вы узнали о том, что кольцо Гильдегарды нашлось как раз в то время, когда Авонмору убил Узгулун? Вы что, хотите сказать, что не рискнули бы спасти свою дочь? — чародейка возвысила свой голос.

Директриса подошла к окну. Она молча наблюдала за тем, как красные и оранжевые цветы раскрывают свои лепестки в горшках навстречу первым лучам солнца.

— Когда Гильдегарда защищала во время междоусобных войн бога письменности и вдохновения Марциана, её пронзила насмерть копьём Гида Монвиальская — дочь Солнца и бога Тьмы. И в тот момент на ней не было её кольца, что даровал ей создатель при рождении. Его выкрали за несколько дней до этого. Так стражница исчезла навечно. Но если бы кольцо было на ней, то она смогла бы вернуться из пограничья, — не поворачиваясь лицом, рассказывала Эрлин. — Но учти, Тара, Гильдегарда была сильным ангельским созданием, а ты всего лишь человек. Не надейся слишком на кольцо. У тебя будет только одна попытка.

— Я должна умереть? — сощурила глаза девушка.

Глава ковена развернулась к ней и взглянула сверху вниз.

— Да. Ты должна умереть с кольцом Гильдегарды на пальце. Время в Терминасе идёт вспять. Чем больше ты будешь там пребывать, тем больше вероятность, что не сможешь возвратиться уже назад. Тебе нужно будет быстро найти душу Карлин среди мириад остальных душ и увести её за собой. И не думаю, что тебя там встретят приветливо.

Хранители и счетоводы пограничья не любят вторжений в их рассчитанный до мелочей мир. Они сразу же почувствуют силу кольца. И спустят на тебя всех наёмных тварей из преисподней. В Терминасе очень жестоко карают непрошенных наглецов. Даже демонам достаётся. Поэтому они берут такую плату.

— А как мне быстро найти сестру?

— Не знаю, моя дорогая. Я в пограничье не была. Моё время ещё не пришло. Я лишь слышала истории от демонов.

— Демонов? — удивилась Тара.

— Они ведь не всегда плохие. Взять хотя бы канувшего в Лету Озира.

— Ну да, — нервно начала кусать губы волшебница. — А моя магия будет работать в Терминасе?

— Нет. В главном зале на стене висит тяжеленный пятнистый меч, отлитый из серебра и железа. Если сможешь удержать его в руках, то только он сможет послужить тебе защитой там.

— А чей это меч?

— Тара, ты плохо училась на последних этапах, — улыбнулась уголками глаз Эрлин. — Клинок принадлежал рыцарю подземных царств Соломону-Павлу Рэбе. Это единственное оружие, которым можно сражаться во всех мирах. Соломон-Павел был любимцем ангелов и демонов. Его все уважали за безумное бесстрашие и за его чувство юмора. В него даже была влюблена супруга князя тьмы. Стыдно такое не знать. Если ты выживешь, то обязательно потом прочитай про него книги в библиотеке имения. И не переживай, лезвие меча находится в идеальном состоянии. Оно способно перерубить кого угодно и что угодно. Только, как я говорила, оружие тяжёлое. Тебе будет явно не легко с ним управляться. Но лучше ничего нет. И попробуй только не вернуть эту ценную реликвию на место! Я тогда тебя, юная леди, без всякого кольца Гильдегарды достану!

— Эх... Да, директриса, спасибо вам большое, — Тара обняла её. — Я только из лука хорошо стреляю, а с холодным оружием у меня так себе выходит управляться. Но ради Карлин, я постараюсь со всем справиться.

— Удачи тебе! И постарайся не делать глупостей! Хотя кому это я говорю, — махнула рукой леди Эрлин.

Ведьма уже создала несколько порталов. Забрала меч рыцаря подземных царств и перенесла вместе с поэтом тело сестры в королевский дворец.

В холодных высоких залах каждый шаг и звук отдавался эхом. На удивление было безлюдно. Обычно всюду снуют слуги, занимаясь исполнением привычных обязанностей. А в этот раз даже портьеры на окнах не были открыты. Неожиданно пробежала полненькая женщина — лекарь в чепце и со свечой в руках. Она с удивлением взглянула на мёртвую Карлин, которую, пыхтя под её тяжестью, держал на руках Бэбкок.

— Здравствуйте, Мария Агнесская, — первой обратилась Тара. — Вы куда-то торопитесь? Неужели кто-то во дворце заболел?

— Э... Да, к миледи. Она давно чувствует себя неважно. Как только Его Высочество отправился на штурм крепости, королева сразу же слегла. Мы все очень переживаем за неё и за наследника. Дежури́м по очереди в её покоях. Но когда милорд вернулся, — уже шёпотом продолжила она, — он даже не навестил супругу. И как это понимать? Может, он боится причинить ей вред в связи с тем, что он сейчас... Ну, вы понимаете. Он обратился. Однако, с другой стороны, всё это странно. Ведь он так сильно её любил. А сам даже о ней не

спрашивал ни у кого из подданных. Мы уже не знаем, что и думать, — и тут она вновь взглянула на бледную кожу Карлин и на её искривлённые окоченевшие конечности.

— Ну что вы, мадам, — склонился в поклоне Бэбкок, спасая положение. — Не думаю, что вас должны касаться взаимоотношения королевы и короля. Ваша задача состоит в том, чтобы помочь миледи, а не в том, чтобы шептаться за её спиной, — он кольнул её своими хитрыми глазами. — А на Карлин не обращайтесь внимания. Бедняжку враги напоили парализующим зельем. И Его Величество вызвал нас к себе, чтобы узнать, как обстоят дела, которые он нам поручал. Нам необходимо ему показать, что случилось с сестрой Тары. После чего в ковене её выводят. Не беспокойтесь так. А милорд у себя в покоях? Верно?

— Странно, — закатила озлобленно глаза лекарь, — правитель никого у себя не принимал, — она презрительно фыркнула, встряхнув своими полными щеками, и ушла.

— Где ты научился так врать на ходу? — изумилась Тара.

— Обижаешь, — пожал плечами тот. — Я же поэт. Если бы я не умел лгать, то ни единого слова бы за всю жизнь не написал.

— А мне казалось, что писатели и поэты пишут то, что им чувственно знакомо.

— Это, конечно, да. Но мир сам весь лжив. Чуткая душа творческого человека ни во что не верит, а от этого она верит абсолютно всему. Что очень даже нам на руку.

— Из твоего сумасбродного лепета я ничего не поняла, — замотала головой подруга. — Пошли лучше в королевские покои скорее.

Они двинулись по коридору дальше. Из рта вырывались пары холодного воздуха. Каминные затапливали в той части, где располагался Розгальд. Тара шмыгала носом, открывая одну дверь за другой. Пока, наконец, не добралась до высокой резной арки, покрытой золотом. Ставни прочно были закрыты. Она со всей силы постучала.

— Ваше Величество, у нас очень важное сообщение для вас! — прокричала девушка. — Оно совершенно не терпит отлагательств!

— Странно, — тихо обратилась волшебница к Иорику, — даже возле самих покоев нет стражи. Что-то я беспокоюсь за короля.

— А что будем делать, если он не откроет?

— Я вынесу двери, — серьезно отрезала та.

— Ясно. Кто бы сомневался. Думаю, что ещё никто так бестактно не врывается в покои правителя. Он нас за это повесит, — поэт побледнел. По его лицу градом катился пот.

— Милорд! На кону стоит судьба всего народа! Дело касается самого Узгулуна! — попробовала громко заявить ещё раз Тара.

— А ты тоже врать неплохо умеешь, — скосил на неё глаза Бэбкок.

— Это разве ложь? Это просто-напросто краткое изложение всей обстановки.

Только после слов об Узгулуна внутренний засов был снят, и дверь отворилась. Перед ними в горностаевом плаще, залитом кровью, с кудлатыми волосами предстал Розгальд. Лицо его было мервенно-бледным. В глазах бесчувственно искрились жёлтые переливы.

— Что известно? — угрюмо и властно спросил король, глядя на них, словно зверь, который вот-вот набросится.

Тара заволновалась ещё больше, чем прежде. Иорик, чующий за версту опасность, остался стоять у двери, дабы в случае чего первым выбежать. Тело Карлин он прислонил к стене у входа. Больше не было сил носить труп на руках. Подруга там же поставила тяжёлый меч Соломона-Павла.

Розгальд, увидев всё это, начал с любопытством смотреть на вошедших. Он продолжал ждать ответа, но сейчас как-будто в его взгляде ожило что-то человеческое, способное к рассуждениям.

— Ну! — брови правителя поехали вверх, отчего лоб покрылся продольными морщинами.

Девушка облизала пересохшие губы и глубоко вдохнула, перед тем как всё выложить начистоту.

— Ваше Превосходительство, — она склонилась в почтённом низком поклоне. Иорик неуклюже повторил за ней. — На самом деле я пришла к вам сейчас не из-за Узгулуна.

— Я уже догадался, — тот кивнул в сторону её мёртвой сестры. — Так что происходит?

— Э... — она сглотнула слюну. — Для начала я хотела бы сказать, что я вам искренне верю. Многие жители сомневаются в том, что артефакт не добыт. И народ...

— Тара, — резко рявкнул король, — давайте ближе к делу! Я и без вас прекрасно понимаю, какая обстановка нынче в Остбоне! Не вам меня учить или тем более жалеть! Я не нуждаюсь в словах поддержки!

— Я не хотела вас задеть, милорд. Простите. Я... — она замерла, приоткрыв рот. Девушка не могла подобрать слов. Ей казалось: чтобы она не произнесла, всё будет звучать и казаться не таким, как было задумано.

Иорик увидел её замешательство и решил рискнуть сам.

— Ваше Высочество, — он прокашлялся, чтобы голос его не резал по ушам от волнения. — Пока мы отправлялись в Западный Уэксгарван...

— А ты ещё кто такой? — не дал тому договорить Розгальд.

Тара покрылась красными пятнами. Этого еще хватало, чтобы король узнал, что они посвятили в тайное задание какого-то проходимца. И почему она об этом раньше не подумала?

— Я... А я... Э... — Бэбкок начал заикаться, но потом всё же взял себя в руки. Властный взгляд правителя выводил из себя его ранимую душу. — Милорд, я друг наёмников и ведьм, — протараторил он. А вслед решил переступить через себя и применить лесть. — И также я ваш верный подданный. Готов отдать свою жизнь за Вас и за Дорман. Так вышло, что друзьям понадобилась моя помощь в их задании. Но не было возможности сообщить вам, что я тоже примкнул. Так вот. Когда мы держали путь в графство, случились несчастья. Амелию незаметно для остальных подменили приспешники Узгулуна. И сейчас Конрад с Грегори стараются спасти настоящую Амелию. А Карлин одурманил какой-то гном-защитник осколком звезды. Так как гномы раньше дружили с тем родом. И Амелия, вернее её копия, она это почувствовала и решила с лёгкостью избавиться от Карлин. Узгулун хотел всех рассорить. И...

Его Величество отвернулся от них. Поэт замолк, так как король принялся нервно и громко смеяться. Этот жуткий смех охлаждал кровь в венах. Друзья переглянулись. На Таре не было лица. Казалось, что ещё немного и она упадёт в обморок. Под её глазами вырисовывались большие синие круги от усталости и переживаний.

Розгальд опёрся о небольшой письменный стол из чёрного дерева у кровати. Его руки в кожаных перчатках судорожно тряслись, то ли от того, что он продолжал смеяться, то ли от нарастающей в нём злобы.

— Милорд, — решил вновь начать свою речь Бэбкок, как только наступила тишина.

Но в этот момент в него полетел золотой кувшин вместе с водой, который стоял секунду назад по правую руку от правителя. Поэт едва успел увернуться. Кувшин со звоном ударился об пол. Иорик быстро обтёр лицо от попавшей воды. Тара в недоумении смотрела на всю эту сцену. Больше она терпеть не могла.

— Я всё понимаю! — вскрикнула она, всплеснув руками. — Вы сейчас новообращённый вампир. И поэтому у вас такая сильная жажда крови и ярость, — она обвела взглядом ведро с засохшей кровью, валявшиеся на мятой постели. — Но я слышала, что это затем проходит. Дальше будет легче. Ваше тело привыкнет. Жажда утихнет.

— Ничего уже не будет прежним! — закричал гневно Розгальд. — Что ты понимаешь, чёрт тебя побери? Безмозглая девчонка! — он вперил в неё свои холодные глаза. Ведьма даже не могла спокойно дышать под этим пристальным взглядом. Казалось, что сердце её вот-вот разойдётся по швам. — Почему наёмники спасают Амелию? Они должны были продолжать свой путь! Вы все должны были быть уже в Уэксгарване! Так вы, значит, выполняете приказы короля? Вам настолько наплевать на судьбы людей? И зачем вы ворвались ко мне? Хоть кто-то вообще пытается завершить дело? Вы ни единой монеты не получите, сволочи! Всё придётся делать самому!

— Милорд! — храбро вступился Бэбкок. — Мы делаем всё возможное, чтобы...

— Иорик, — одёрнула его за рукав Тара, — не надо. Это уже не имеет смысла. Он всё равно сейчас нас не поймёт. Жажда делает его безумным!

— Что ты себе позволяешь, мерзавка? — взревел Розгальд и, оголив колючие клыки, кинулся в её сторону.

Ведьма положила свои ладони друг на друга в горизонтальном положении. И резко раскрыла их прямо перед лицом вурдалака. Серая шаровидная молния вырвалась из них и врезалась в лоб короля. Она растворилась внутри него, поглотив разум. Глаза тоже сменили цвет на серый. Розгальд замер в движении.

— Что ты сделала с ним?

— У нас мало времени. Свяжи его хорошенько с помощью балдахина. А я пока спрошу про кольцо Гильдегарды.

— А он это потом вспомнит? — поэт уже рвал ткань навеса для пут.

— Да, — отрезала девушка. — Некогда тут воспоминания вынимать. Это слишком долго. А он быстро придёт в себя.

— Тара, ты... Ты... Совсем уже ума лишилась? — Иорик вцепился в свои волосы на голове и чуть их не вырвал.

Но волшебница уже не обращала внимания на перепуганного друга. Её взгляд был прикован к лицу Его Величества.

— Милорд, скажите, где точно находится кольцо Гильдегарды? — размеренным голосом произнесла чародейка.

— De hoc satis! De hoc satis! — вырывалось из уст того. Он повалился на пол и начал биться в судорогах. Пена текла по его щекам.

— Чёрт! — ведьма топнула ногой об пол. — Его мозг сопротивляется!

Девушка уселась рядом с ним и закрыла глаза. Она приложила руку к его лбу.

— Дик ми хи куа парс вирутис эс. Ноли тиби ресистере!

Король перестал дёргаться и вновь замер.

— Транкевальский лес перед угодьями. Куколь пятьдесят четвёртый после расколотого берёзового пня, — наконец, холодным монотонным голосом прозвучал долгожданный ответ.

Правитель вновь пришёл в себя.

— Стража!!!

Тара вместе с Иориком набросились на него и затолкали ему в рот рваный кусок простыни.

— Скорее обматывай вокруг головы, — пыхла волшебница, стараясь удержать неподвижно сопротивляющегося Розгальда.

Когда король был полностью скручен и связан, чародейка наложила на его пути заклинание, чтобы он не смог быстро их разорвать. После чего они затолкали милорда в выстроенный в стене просторный дубовый шкаф, где тот хранил необходимые ему часто рукописи и книги.

— Он нас убьёт, — чуть не со слезами на глазах проскулил поэт. — Зачем я только в это ввязался?

— Потому что ты мой друг, — вздохнула Тара. — Я только одного не понимаю. Какой ещё, к чёрту, куколь? Это он про ядовитый сорняк говорил? Так те растения уже отцвели. Ладно, хоть лес совсем неподалёку. Поднимай Карлин. Сейчас вернёмся в ковен, заберем скакунов и затем сразу в Транкевальский лес.

— А потом куда? На виселицу? — съязвил Бэбкок.

— Я не знаю, — помотала головой волшебница. — По ходу дела разберёмся, — она широко улыбнулась.

Тара испытывала сладкую радость от близкой опасности. Это безумное чувство, когда всё вокруг катится к чертям, вызывало у неё мурашки на коже. Хуже уже ничего не могло случиться. И это развязало руки, заставляя тело с головой окунуться в водоворот будоражащих душу событий.

Спустя пару минут друзья уже галопом мчались за город. Так как в конюшне имения их лошадь и осёл были уже в упряжи по распоряжению директрисы. Она догадывалась, чем всё это закончится. Таре и Иорику придётся скрываться от эшафота всю свою оставшуюся жизнь.

В поле ведьма создала портал, через который они вышли к границе леса. Под стволами деревьев пряталась замерзающая трава, а чернозём вокруг был покрыт тонкой коркой хрупкого льда.

— И где искать этот берёзовый пенёк? С какой стороны? Мы так за сутки не управимся.

— Спокойно, Тара, — Иорик поехал на своём ослике вдоль границы тёмно-синих сосен. — Скорее всего, он находится с этой стороны. Не думаю, что король бы стал вести отсчёт от тайника с дальней стороны от столицы. Это как минимум глупо, потому что не имеет никакого смысла. Обычно люди запоминают те ориентиры, что вблизи. Так уж мы устроены.

Девушка пустила лошадь галопом. Та постоянно запинаясь и скользила по канавам

своими подковами. Но спустя пару мгновений волшебница увидела узкий пенёк берёзы с глубокой трещиной посередине ствола.

— Иорик, сюда! Скорее! Кажется, я нашла! — она спешила и привязала животное уздой к ближайшему дереву.

Друзья принялись отсчитывать вглубь пятьдесят четыре дерева, попадающихся в ряд.

— Я не вижу никаких цветов! — Тара почесала затылок, взъерошив сальные белоснежные волосы.

— Куколем ведь ещё называют капюшон у монахов. Смотри. Ветви этой ели складывается как раз в форме купола.

Они ринулись к дереву и заметили у его основания следы. Будто кто-то совсем недавно рыл здесь землю. Ведьма запустила пальцы в холодную почву и принялась откапывать. Поэт ей помогал. Совсем скоро, у самых корней ели они обнаружили небольшой свёрток грязной ткани. В ней хранился драгоценный артефакт.

— О боги, какое же оно красивое! — у Тары лицо замерло в изумлении. — Это кольцо точно создавали не люди.

Девушка надела его на указательный палец левой руки. Оно пришлось ей почти впору.

— Чего ты стоишь, Бэбкок? — она опёрлась о рукоять длинного меча Соломона-Павла. — Давай. Проткни мне кинжалом сердце. Пора найти Карлин.

— В смысле? Я? — выпучил глаза Иорик.

— Ну не я же! Как я должна сама себя убить? У меня не получится. Рука дрогнет.

— Но я тоже не могу! Даже не упрощай! Я этого делать не буду! Сама всё это придумала, сама и расхлёбывай. Я и так уже достаточно натерпелся ужасов за последние часы. Из-за тебя нас будут преследовать люди короля.

— Ах, вот как ты, значит, заговорил? А что ты мне предлагаешь? Надо было убить правителя, чтобы никаких следов не оставлять?

— Я не это имел в виду.

— Мне плевать, что ты имел в виду. Иорик, я ещё раз тебе повторяю: мне нужна твоя помощь! Просто возьми и убей меня. Иначе всё было напрасно. Нельзя уже останавливаться. Если ты не можешь убить меня ножом, то возьми мой лук. Отойди и просто выстрели мне в грудь. Ты что думаешь: мне самой нестрашно? Из нас двоих вообще-то я сейчас умру.

— Но из меня плохой стрелок.

— С близкого расстояния-то ты явно попадёшь, — она закрыла глаза. — Ну, стреляй, чёрт возьми!

Иорик с трудом натянул тетиву. Руки его ходили из стороны в сторону.

Над кронами деревьев разнёсся крик.

— Бэбкок, сука! Отродье курвы! — Тара завалилась на одно колено. — Ты куда целился, бабуин косоглазый? — сквозь боль выдавила она.

Стрела торчала в бедре волшебницы.

— Прости! Я же сказал, что так себе стреляю. Сейчас ещё раз попробую.

— Если ты ещё раз промахнёшься, то я самого тебя в пограничье отправлю!

Со второго раза поэт попал в лёгкие. Девушка повалилась в траву. Из её рта вырывалось хрипение и лилась кровь. Иорика от переживаний вырвало неподалёку. Он чуть не посинел и не задохнулся от собственных рвотных масс.

Тара уже была мертва. Глаза её постепенно становились стеклянными.

Она долго ничего не видела. А брела в кромешной тьме. До неё доносились страшные

крики замученных душ. Девушка шарила вокруг руками и наткнулась на влажную холодную стену. Ведьма с опаской двигалась вдоль неё. Но вспомнив, что время здесь играет против неё, Тара начала двигаться вперёд более уверенно и высоко задирая ноги. В свободной руке у неё был меч. И мышцы ныли под его тяжестью. Она думала, что ей здесь будет страшно от тварей из преисподней, но на самом деле страх не найти сестру был куда больше.

Вскоре волшебница заметила впереди бирюзовое сияние. Ей всё время казалось, что рядом в темноте кто-то есть, так как волосы на одном плече постоянно стояли дыбом. И она не ошибалась. Когда девушка вышла из ущелья пещеры, то увидела сбоку от себя души мертвецов с мешками на головах. Руки их были связаны, а шеи прикованы друг к другу цепями. Они двигались молчаливой шеренгой, словно псы на поводке. Вёл всю эту процессию голый демон с рогами на голове и с факелом в руках. Видимо, это были погибшие с порочной душой, и он забирал их в подземное царство. Между бледными ногами у демона свисал отвратительный заострённый хвост. Тара сморщила лицо от этой картины. На спине зияли рваные раны и торчали железные крючья. Можно подумать, что демон сам когда-то сидел на цепи у своего хозяина.

Чародейка старалась не издавать лишних звуков, чтобы он её не заметил и не решил присоединить к цепочке остальных. Вокруг простиралась чёрная вода. Гладь её вдали покрывал изумрудный туман. К ним приблизилась длинная и дырявая лодка. Но, как ни странно, та не тонула. Вода через отверстия не проникала внутрь. Правила лодкой знаменитая по легендам и страшным сказкам переправщица душ. Рост у неё был гигантский. Таре приходилось задирать голову вверх, чтобы оглядеть её полностью.

Костлявые и покрытые зелёной плесенью плечи переправщицы укрывала изодранная ветхая мантия. А на худой серой талии держалась длинная юбка до самых пят. Она полностью состояла из человеческих костей. Открытый череп без кожи венчала гигантская корона в форме рыбьего хвостового плавника. Корона полностью закрывала её глазницы. Переправщица душ управляла лодкой с помощью высокого посоха, исписанного яркими непонятными знаками.

— Мда. Весёлая поездка намечается, — вздохнула про себя ведьма.

Она забралась в лодку последней. И демон её заметил. Но его чёрные глаза с большим безразличием смотрели на наглуую гостью.

— Здравствуйте, — Тара решила, что терять уже точно нечего, и попробовала начать разговор. — А куда мы плывём? Я тут ищу душу одной девушки. Она чем-то похожа на меня, но только у неё длинные тёмные волосы и через сломан.

Но демон молчал и не двигался с места.

— А у вас тут у всех язык отрезан, что ли? — съязвила, разозлившись, волшебница.

Тара сбилась со времени, пока лодка бороздила по морю пограничья. Тишину изредка нарушали всплески воды, ударявшейся о хиленький борт. Да стоны страждущих, доносившиеся издалека.

Сначала ей хотелось сорвать со всех мертвецов мешки, чтобы попытаться хоть с кем-то поговорить и понять что-нибудь. Но ей что-то подсказывало, что делать этого не стоит. Ибо под этими мешками её может ожидать слишком жуткая картина. Неспроста же их на них надели.

Она стояла у края лодки. Её начинало сильно клонить в сон. Тара решила отойти от борта. И принялась кусать остервенело свои губы, чтобы прийти в себя. Казалось, что проползла уже целая вечность и что переправщица бесконечно будет водить их по морю.

Но вскоре унылое бирюзовое небо заволокли призраки. Их черепа и хребты кружились вокруг в сумасшедшем танце и на большой скорости ударялись о лодку. Из ртов привидений вырывались мерзкие крики, вызывающие дурноту. Судно начало покачивать. Зрачки Тары расширились. Она уже жалела о том, что ввязалась во всё это.

Однако, как оказалось, самое страшное девушку поджидало на берегу. Как и говорила леди Эрлин, её непрощенную душу сразу заметят.

На земле в железных шипастых доспехах и в таких же шлемах стояли двенадцать стражников. У одних в руках были копья, у других арбалеты, а у кого-то мечи. Через забрало на неё глядели ярко-синие ледяные глаза. Кровь от страха резко ударила ей в голову.

Дно лодки зашкрябало о прибрежную мель. Тара ухватилась двумя руками за меч. Ноги её дрожали. Ладони потели. Больше всего она не хотела выходить на сушу. Потому что догадывалась, что с ней сделают, если схватят.

Торианвиль

Конрад с Грегори незаметной рысью промчались по боковым улочкам. И добрались до окраины города.

В низине, у оборванного края дороги виднелась большая конюшня. Её длинные коридоры с денниками окружали с человеческий рост в высоту корралы. За такими заборами по вытоптанной земле, усеянной конским навозом, бегали на выгуле статные лошади. Они толкали друг друга и резвились, громко ржали. Галки и вороны рылись в их отходах, ища что-нибудь вкусное и питательное.

Людей снаружи не было видно. Проехав мимо деревянных телег и стогов сена, наёмники спешили у больших двустворчатых ворот. Внутри их обдало приятным теплом. Пахло потом и шерстью лошадей. Этот запах успокаивал. Друзья прошли мимо фуражной с зерном и постучали в небольшую, утепленную шкурами дверь амуничника.

— Кто там? — донёсся до них хриплый мужской голос.

Дверь приоткрылась. Перед ними в промежутке показался в рабочей одежде, усыпанной сеном, седовласый высокий мужчина.

— Добрый вечер, а можно поговорить? — Конрад проговорил это таким тоном, что отказа последовать не могло.

— Ну, заходите, коли пришли. Только если быстро, а то мне пора животину запускать в денники и кормить их.

— Да. Мы не задержим вас, — гости уселись на тюфяки с соломой, покрытые сверху грубой тканью от мешков. — Скажите, пожалуйста, а владелец столь чудесной конюшни на месте?

— Так Честер Салерно уже дома подавно. Он ведь только по утрам является. Раздаёт указания да уезжает. А то и вовсе не видно его по целым неделям.

— Что ж. У нас дело неотложное. Так что обратимся к вам, — Конрад показал бумагу с печатью правителя Дормана. — Мы по приказу короля осматриваем фермы и уголья. Так что, я думаю, вы не будете против, если мы у вас здесь пройдемся?

— Если уж Его Высочество вас сам сюда направил, то только дурак будет против. Глядите, ходите, что вам там надо. А вообще, к чему это всё?

— В скором времени узнаете, — многозначительно ответил Грегори. — А как вас зовут?

— Мариус.

— Мариус, скажите, а у вас здесь есть какие-нибудь постройки, которыми вы довольно редко пользуетесь?

— Нет у нас ничего такого. Токмо корпус с денниками. Всё вот здесь.

— Хорошо, тогда мы их быстро проверим, — кивнул Грегори.

Наёмники вышли в проход. А конюх одарил их вслед вопросительным сощуренным взглядом. Он так и не понял, что именно гости хотят увидеть.

— Тогда расходимся? Поищем потайной вход в денниках? Мало ли какие подземные ходы могли вырыть приспешники с помощью сил Узгулуна. Ты осматриваешь всё, что справа, а я всё, что слева. Надо только поторапливаться, — Конрад закусил губу. — У меня слишком плохие предчувствия.

Друзья разошлись по стойлам, покрытым чистыми опилками. Под ногами у них бегали бездомные кошки со своими пушистыми котятами. Видимо, здесь им неплохо жилось. Добрые работники приютили их. В конюшне всегда было тепло и зимой, и летом. А в кривые деревянные миски им всегда наливали остатки парного молока с коровьей фермы неподалёку. Это не могло не радовать глаз. Ведь когда ты видишь доброту в таких загрубевших лицах мужиков, то невольно начинаешь улыбаться. Котята играли друг с другом и также нападали на ноги Конрада и Грегори. Они вскарабкивались с помощью своих маленьких цепких коготков по их брюкам и мурлыкали. Котята пищали, чтобы на них обратили внимание и погладили. Много ли им нужно для счастья? Конрад почесал у одного рыжего котика за ушком пальцем. Тот закрыл глазки и довольно засопел.

— Ладно, приятель, мне нужно подругу спасти. Некогда с тобой играть, — Конрад осторожно снял с себя животное и усадил на пол.

Но котёнку наёмник понравился, и он вновь начал на него заползать. Тогда мужчине пришлось его отогнать громкими хлопками ладоней. Котёнок выпучил глаза и быстро умчался к матери. А взрослые кошки тем временем беззаботно дремали у мисок с едой. Один только чёрный кот, у которого не было уха, ловил больших крыс, покушавшихся на еду лошадей. Он исполнял свои ежедневные обязанности и приносил пользу. Конюхи хорошо знали, что этот четырёхлапый друг им отлично помогает, поэтому частенько угощали его вкусными кусками мяса из собственного кармана. Мужики души в нём не чаяли.

Грегори обшаривал руками кирпичные стены, покрытые глиной, в надежде найти потайной лаз. Но безрезультатно. Он ногой раздвигал в разные стороны опил, чтобы внимательно изучить пол. Но ничего особенного не увидел. У Конрада дела обстояли не лучше. Стойл было много, а времени мало. От этого внутри зарождалось сильное волнение.

Мариус уже начинал заводить жеребцов и кобыл в проход. И те спокойно расходились по своим местам, чтобы поесть. Лишь несколько ретивых коней устроили страшную драку, чтобы проявить свой характер перед самкой в течке. Они вставали на дыбы и со всей силы били передними копытами перед собой. Конюх был из бесстрашных. Он смело накинул на одного из них узду и рванул на себя. Похлопал по-хозяйски разъярённого коня по шее и ласково, но уверенно поговорил с ним. Драчливый конь злобно взмахнул длинным хвостом и, мотая головой, вошёл в свой денник. Мариус едва успел закрыть дверь на железную задвижку, как тот ударил по ней изнутри копытом. Любой такой удар может стать смертельным для человека. Так что работа конюхом никогда не считалась простой.

Работник конюшни приступил разносить вилами сено по решётчатым кормушкам. И скакуны своими чувственными губами потянулись к пище. Мариус разливал по ведрам тёплую воду из железных бочек, отапливаемых огнём снизу. И разносил их по многочисленным денникам. Кони довольно хлебали воду, издавая громкие и забавные хлюпающие звуки. Также мужчина черпал большой миской добротный свежий овёс из фуражной и тоже разносил его животным. От хорошего питания у зверей шерсть сияла здоровым блеском.

Наёмники же уже успели закончить осмотр внутри. После чего Конрад выбежал на улицу и обвёл окрестности нервным взглядом. Лицо его было серее облаков в небе.

— Неужели мы ошиблись? — подошёл к нему друг. — Но тогда где искать Амелию? Неужто это пропащее дело? Тара тогда точно этого не переживёт. Она только что потеряла сестру, а сейчас ещё и лучшую подругу.

— Подожди, Грегори, — наёмник скрестил руки на груди. — Рано ещё Амелию

хоронить. Есть у меня ещё один вопрос.

Конрад развернулся и направился к вспотевшему от работы конюху. Тот как раз двигался к нему навстречу, закуривая небольшую чёрную трубку.

— Мариус, скажите, а может быть, где-то за конюшней есть ещё какие-нибудь постройки? Может, заброшенные? Совсем старые?

— Вы что, отстраивать хотите? — выпустил дым мужчина. — Так это гиблое дело. Вон там, в пролеске, неподалёку сгоревшая конюшня прежняя. От неё остались только обугленные головёшки. Всё уже давно заросло травой. Там рядом силосные ямы.

— Спасибо, — резко кивнул наёмник и широким шагом направился в нужном направлении.

— Странные они какие-то, — вслух произнёс Мариус. — Совсем уже все с ума там, в королевской палате у себя походили. Тьфу на них, — он широко зевнул и продолжил курить трубку, разгуливая и разминая свои уставшие кости.

Конрад с Грегори мчались по влажным, шатающимся под их весом кочкам. Вдали группа углежогов возвращалась в хаты. Назревал дождь. И те громко пели народные песни в конце дня.

Очутившись в пролеске, друзья заметили остатки от прежней конюшни. До них доносился кислый запах силоса из ям неподалёку.

Мужчины принялись всё внимательно исследовать. Каждое обугленное бревно казалось им подозрительным. Такое часто бывает с людьми, когда они намеренно на чём-то сосредотачивают размышления.

Конрад услышал звук от обвала грунта и развернулся.

— Грегори? — он прытко подскочил к зияющему отверстию.

По краям ямы снизу плелась длинная паутина. Наёмник прищурился и увидел там каменный пол. Он спрыгнул вниз. Но Грегори нигде не было видно. Его встретили лишь подземные серые лабиринты и эхо.

Конрад присел на корточки, чтобы рассмотреть возможные следы в пыли. Однако её там не оказалось. Всё выглядело слишком подозрительно. По потолку и стенам складывалось впечатление, что здесь уже много лет никого не было. Но вот пол переливался чистотой. Ни единого следа.

— Грегори!! — ещё раз прокричал наёмник. Отозвалось только эхо.

Конрад вынул меч из ножен и пошёл прямо по коридору. Но от него в разные стороны ответвлялись точно такие же. Это сильно нервировало. Абсолютно не было никакого понимания, в каком направлении двигаться.

В это время в одной из комнат подземного лабиринта

Грегори очнулся. Он не мог встать. Руки и ноги его были прикованы к деревянной жёсткой и неподвижной платформе. Мужчина приподнял голову и обомлел. Кто-то снял с него полностью всю одежду.

— Какого чёрта? — изумился вслух наёмник. — Конрад! Я здесь! Ты где?

На низких стенах горело пять факелов. Но тепло от них не достигло его тела. Сбоку открылась узкая скрипучая дверь.

Грегори, повернув голову, смотрел на вошедшую. Девушка стояла в одной тонкой и просвечивающей шемизе, которая едва прикрывала её ягодицы. На талии был широкий медный пояс в форме корсета. Розовые соски виднелись сквозь сорочку.

Белоснежные пышные волосы на голове доходили до поясницы. Щиколотки её

украшали серебряные браслеты с чёрными драгоценными камнями. Они, извиваясь и переплетаясь, оканчивались у верхней части голени.

— Кто ты такая?

— Мне холодно, — пролепетала она своим далёким голосом. Будто с ним говорили сами звёзды.

Чем больше Грегори всматривался в её серые красивые глаза с пышными ресницами, тем больше он переставал хотеть освободиться отсюда.

Незнакомка начала лизать его большие пальцы на ногах. Тепло и влага от её языка вызывали на коже мурашки. Наёмник заулыбался.

Девушка, раздвинув свои ноги, уселась ему на нижнюю часть живота. Она развязала лямки шемизы и оголила упругие груди с сосками, направленными в противоположные друг от друга стороны. Нежные тонкие руки её теребили соски. Незнакомка продолжала упорно смотреть наёмнику прямо в глаза.

Грегори ощущал, как чресла и лобок наполняются жаром, несмотря на то, что вокруг было довольно прохладно. Его мужское достоинство поднималось и упиралось прямо во впадину между её ягодиц.

Мужчина закрыл глаза. Девушка мягко водила пальцами по его груди. Она прижалась к нему и раздвинула языком ему губы. Их языки сплелись вместе.

Незнакомка запускала руку в волосы Грегори и массировала голову, заставляя полностью расслабиться. Мужчину охватило состояние, балансирующее между сладким сном и приятной явью. На душе было спокойно. Хотелось любви. Чтобы их тела согревали друг друга всю ночь и весь день. Неужели нужно что-то ещё?

Однако неожиданно в мыслях наёмника пронеслись воспоминания. Он вздрогнул, вспомнив про мёртвую Карлин и про страдающую от горя Тару.

Грегори резко открыл глаза.

— Освободи меня, — проговорил он как можно ласковее. — И я согрею тебя.

— Прости. Я не могу, — после этих слов девушка лизнула его висок и ухо.

— Сука! А ну слезь с меня! Суккуб проклятый! Мой друг скоро найдёт тебя и выпотрошит все твои похотливые кишки, сволочь! Конрад! Конрад!!! — он яростно завопил.

— Можешь кричать сколько хочешь, но он тебя всё равно не услышит, — она ангельски улыбнулась.

— Что ты с ним сделала, дрянь?

— Наёмника уже ждут. У вас не выйдет спасти свою рыжеволосую подружку. И зачем она вам сдалась? Что в ней такого притягательного?

— Так ты тоже прислуживаешь Узгулуну? Вот в чём дело, — Грегори положил голову обратно на доски и глубоко задышал, раздумывая, как выпутаться отсюда и успеть на помощь друзьям. — Слушай. Повелитель хаоса ведь вас использует временно для своих целей. Чтобы вы просто-напросто сделали за него всю работу. А затем он про вас забудет. Максимум, если вам повезёт, то Узгулун, может быть, оставит вас всех в живых. Но... Я сильно в этом сомневаюсь. Ты ведь не глупая, должна это и сама понимать. К тому же ты очень красивая. Я бы с тобой любовью и без скованных рук занялся. Ну так как? Отпустишь меня? Проси, всё, что хочешь взамен.

Суккуб поднялась и встала в полный рост.

— Жаль.

— Чего тебе жаль? — взволнованно на неё покосился Грегори.

— Я хотела сегодня быть в нежном образе. Но, видимо, придётся, как обычно, — она хитро улыбнулась, оголив стройный ряд ровных зубов. — Я не люблю просить. Я люблю брать то, что мне интересно.

За спиной девушки выросли гигантские чёрные крылья с остистыми отростками, как у летучей мыши. Её сочные груди, бёдра и талию опоясывала тёмная кожаная портупея. Она вышла за дверь и вернулась с какой-то кучей вещей. Среди которых наёмник различил длинные плети и розги.

— Раз ты, мой сладкий, любишь так громко кричать, то я научу тебя кричать ещё сильнее, чем прежде. Будешь моей личной игрушкой. А когда ты мне наскучишь, то просто съем тебя.

— Я всё же не понимаю, почему ты отказалась от моего предложения? Оно ведь разумно, — Грегори постарался сохранить самообладание, хотя бы внешне.

— А меня это не интересует. Мне осталось жить недолго. Скоро я умру, и из меня вылупится полно других суккубов. Хочу повеселиться с тобой напоследок.

Грегори почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он вновь ощутил холод. Его ноги и спина покрылись ледяным потом.

Суккуб со всей силы полоснула плетью по его лицу и разорвала ему щеку. Алая кровь полилась на пол. Наёмник не вскрикнул, лишь цепко стиснул зубы.

Девушка слизывала всю кровь с его лица и впиалась в рану зубами. Она долго сосала кровь, пока та не перестала течь.

— У меня хорошая слюна. Так что не надейся. От кровоизлияний не умрёшь. Это было бы слишком просто, — она безумно рассмеялась.

Суккуб развернулась и, оголив перед его головой свои пышные ягодицы, обтянутые кожаными ремнями, принялась лёгкими движениями лизать тому яйца.

— У тебя ничего не выйдет. Можешь даже не пытаться, — сухим голосом обратился к ней Грегори.

— Ну, это мы ещё посмотрим.

Она лизала его лобок и член. Пускала слюну в его промежность. После чего взяла одну из розог и начала хлестать им по ногам мужчины, рассекая кожу.

— Сволочь! Если я освобожусь, то четвертую тебя! Клянусь! — чертыхался наёмник сквозь боль.

Одна бровь девушки поползла вверх. Она вновь вышла и вернулась с раскаленными докрасна в печи железными прутьями.

— Хочешь, чтобы я на тебе порисовала горячим железом?

— А есть смысл говорить, что нет?

— Быстро учишься, — суккуб обхватила его обмякший от ужаса член рукой и начала активно ублажать наёмника.

Но у Грегори мужское достоинство больше не поднималось.

— Как грустно, — девушка наигранно скорчила печальную гримасу.

Она воткнула в его пятку раскалённый прут.

— А-а-а-а!! — из рта наёмника вырвался жуткий вопль и хлынули слёзы. — Сумасшедшая сука! Проклятое отродье!

Суккуб продолжала вести горячее железо по его бедру, рёбрам и шее. Грегори лихорадило от ужаса.

— Я хочу кушать, — она вздохнула. — Я люблю человеческие языки. Но ты ведь так

просто не откроешь мне рот?

Мужчина едва успел обратить на неё свои выпученные глаза, как та вонзила в его щеку раскалённое железо. Он громко вскрикнул и потерял сознание.

Суккуб открыла его рот и отрезала язык под самый корень. Она начала жевать, похрустывая жёстким сырым мясом.

— Какой вкусный, — облизнулась девушка, проглотив кусок от плоти Грегори. — Может быть, что-нибудь ещё отрезать? — размышляла она вслух. — Нет. Это слишком скучно. Нужно для начала привести его в чувства.

Она окатила его холодной водой из ковшика. Наёмник медленно раскрыл веки. Взгляд его блуждал по потолку. В нём читалось отчаяние и страх. В уголках глаз начали накатываться слёзы.

Девушка принялась сосать его член, обильно смачивая слюной.

Пограничье

Порочные души бесшумно спрыгивали в воду у берега и следовали за рогатым демоном. Таре абсолютно не хотелось выходить из лодки. Она пригнулась, стараясь укрыться за бортом от стрел.

— Уважаемая переправщица, а мы не могли бы отчалить? — ведьма нервно улыбнулась.

Но это не имело никакого смысла. Высокая переправщица не видела и будто и не слышала её. Она неподвижно стояла, чего-то ожидая.

— Вот же дерьмо! — проскрежетала зубами девушка и выглянула одним глазом сквозь пробитую в судне брешь. — Так. У четверых мечи, у ещё четверых копыя и у четверых арбалеты. Сволочи! Подстрелят меня, как дичь в открытом поле и отправят в преисподнюю. А там уж со мной будут развлекаться веки вечные. Ну уж нет! Как-нибудь в следующий раз. Моё время ещё не пришло.

Тара отломила шатающийся кусок доски от лодки и кривыми гвоздями прикрепила к дереву ремень, куда затем вставила руку. Кожа на ладони у неё вся содралась, пока она мастерилла самодельный щит. Волшебница только сейчас поняла, откуда в этом судне столько дыр. Видимо, она не первая, кто догадался до того, чтобы сделать так же. И это её не очень-то и радовало. Где все те, кто были до неё?

Она перепрыгнула через борт лодки и, прикрываясь щитом, со всех ног побежала по краю берега. Чёрные ледяные стрелы вырвались из арбалетов, словно адские гончие, рванувшие за провинившейся душой. Одна из стрел воткнулась в песок рядом с её ногой. Вторая попала в щит и застряла в нём. Третья содрала ей кусок кожи вместе с клочком волос на голове. Кровь лилась ей за шиворот. И четвёртая пробила правую голень насквозь.

Тара чувствовала эту вонзившуюся стрелу каждой пядью своего тела. Мысли её кружились только вокруг ранения. Но она не испытывала боли. Лишь холод в ноге. Страх вечных мук в преисподней заставлял её продолжать бег. Ведьма даже не замедлилась и не обернулась. Казалось, что если пронзить ей сердце и голову, то даже в таком случае она не остановится. Вот что делает страх. Он её окрылил. Неспроста крысы, загнанные в угол, готовы прогрызть себе путь наружу.

Стражники перезаряжали арбалеты. Чародейка повалилась лицом в серый песок. В щит со всей силы врезалось копьё. Она резко взглянула назад. Один из них занёс над ней меч.

Тара вскочила на ноги и отпрыгнула вбок. Девушка перерубила древко копыя, которое застряло в её щите. В неё полетело второе копьё. Ведьма пригнулась и затем сломала и его.

Арбалеты были перезаряжены. Стрелы вновь полетели. Щит не мог закрыть её полностью. Она присела. Клинок меча метнулся к лицу. Тара сделала кувырок. Нога начала жутко болеть, будто её грызли волки. Слёзы потекли по щекам. Но волшебница лишь быстро размяла шею. И разъярённо запустила свой щит в одного из стражников, а сама, развернувшись, рассекла почти пополам мечом Соломона-Павла другого.

Тара схватила оружие погибшего стражника. Тот был намного легче, чем её клинок. Девушка обещала директрисе, что вернёт реликвию, но сейчас ей было совершенно не до этого. Приходилось действовать по мере возможностей.

Страж разломил щит чародейки. И она осталась абсолютно открыта для ударов. Рядом с ней стояли трое с мечами, за ними виднелись двое с копыями, а позади четверо

арбалетчиков, дожидались своего момента.

Тара осознавала, что это конец. И то, что она очень сглупила, решив отнять у смерти законную душу. Ведьма мысленно оглянулась на своё прошлое и поняла, что так сумасбродно, как она себя, ещё никто не вёл. Волшебница не знала, то ли радоваться своей нескучной, но законченной жизни, то ли наоборот, жалеть обо всём. А есть ли смысл расстраиваться? Ей уже ничто не поможет. Легче не станет. Осталось лишь в последний раз ринуться в бой за что-то хорошее, как она делала это раньше.

Она лезвием своего нового клинка подцепила снизу меч одного из стражников. Его оружие скользнуло вверх, а её, наоборот, впилося в его грудь. Тара провернула меч, и враг начал падать. Но девушка подставила свою спину, и тело стражника повалилась на неё. Оно стало её новым щитом.

Прикрываясь с помощью трупа от стрел, летящих ей в спину, ведьма подбежала ко второму нападающему и разыграла театральную сценку, как любила делать это всегда. Ведь если силы противника превосходят, то нужно уметь хорошо притворяться. Глупо сражаться честно, когда враги обнаглели и когда они в большинстве.

Волшебница приблизилась к воину пограничья и молниеносно рухнула вниз, будто выбилась из сил под тяжестью тела. Страж вертикально направил меч ей в шею, но она вынырнула из-под трупа и рванулась вверх, вонзая клинок в подбородок атакующего. В результате оружие того попало в мертвое тело первого стражника, а сам нападающий стал её новым щитом.

Перед ней остался только один стражник с мечом, но совсем ненадолго. Так как двое безоружных, у которых она переломала копья, подобрали клинки павших.

И потому вновь было трое врагов с мечами. Раненая нога вызывала приступ тошноты от боли. Тело начинало сильно лихорадить. Руки тряслись.

Тара никогда не сражалась в ближнем бою с помощью холодного оружия. Но, к удивлению её любящий думать мозг рисовал перед ней картины ударов, которые могли бы ей помочь. И пока не проверишь, не узнаешь, сработают ли они.

Девушка толкнула труп на одного из противников, а сама упала на землю всем телом и перерубила не ожидавшим такого поворота событий двум стражникам ноги. Те повалились на неё. И ей пришлось за шиворот схватить одного из них и добить. Она вовремя отступила назад вместе с новым щитом из убитого.

Стрелы и одно копьё полетели прямо в неё. Но попали в мёртвого стражника, которого она из всех сил держала своей ослабевающей и дрожащей рукой.

Арбалетки перезаряжали оружие. Тара повернула тело в пол-оборота и вынула копьё. С размаху, с помощью него ей удалось пронзить шею одному из неудачливых стрелков.

Итого остался один страж с мечом, один с копьём и трое арбалетчиков. Ведьму начинало это радовать. Она испытывала азарт. Потому что несколько минут назад думала, что будет мертва сама. Но всё ещё здесь. Это её очень удивляло. Чародейка совершенно не ожидала от себя такой выносливости и мастерства по владению мечом. Видимо, внутри каждого из нас есть потаённые силы, вырывающиеся наружу в моменты полного отчаяния.

Горианвиль

Конрад внимательно осматривал паутину на стенах, ища порванные края. Это могло бы указать на чьё-то перемещение. Но ничего подобного он не замечал.

Чем дальше наёмник уходил от места обрушения почвы, тем меньше различал, что вокруг. Тьма поглощала его.

Мужчина опёрся о каменные плиты рукой и шёл вдоль них. Слух обострился до предела. Однако всё, что он слышал, так это собственные шаги.

В тёмной бездне волнение обрушивалось на него волнами и тащило на дно. Он задыхался от собственных мыслей. Конрад ненавидел себя в этот момент за свою беспомощность, хотя и понимал, что в этом нет его вины.

Наёмник думал о том, что вдруг уже никогда не увидит её зелёных и всё понимающих глаз. Амелия с самого первого дня их встречи была для него словно богиня, сошедшая с небес и переодевшаяся в человеческую оболочку. Он вспоминал её величественный взгляд, прикосновения её красивых рук, после которых в его сердце радостно сверкали молнии, озаряя привычные ему сумерки. А за улыбку Амелии он и вовсе был готов разбиться в лепёшку. Что она с ним сделала? Увидев её один раз, он уже не мог спокойно спать по ночам. Она приходила к нему во снах и касалась своими сладкими губами его лица. Оттого по всему телу разбегались мурашки, а за спиной вырастали крылья. И при всём этом Конрад жутко её боялся. Боялся так, как никого другого. Ему казалось, что стоит только намекнуть ей на то, как он ей восхищается, как она тут же растопчет все его мечтания в пух и прах. Будто Амелия над ним посмеётся. Наёмник не знал, что от неё ожидать. Но он страшился не только отказа, но и её согласия. Стоит только ей подпустить его к себе, как он навсегда станет её верным псом на цепи. Амелия будет его главной слабостью. А этого он не может себе позволить. С самого своего беспризорного детства ему приходилось быть сильным, чтобы выстоять против унижений, гонений и одиночества. Ведьма же может стать брешью в броне. С помощью неё смогут задеть и его самого. Он не хочет зависеть от её настроения и от её жизни. Но в то же время ему бы всё хотелось отдать только за один поцелуй ведьмы.

Впереди внезапно вспыхнули яркие факелы. Коридор начал расширяться. Перед ним предстала вытянутая прямоугольная комната из жёлтого тёплого камня.

Мужчина вошёл в неё. В центре находилось невысокое круглое возвышение из чёрного опала. Он направился к нему. Резко вверх взметнулась широкая острая пила и отрубила ему кончик сапога. После чего также быстро скрылась обратно в полу.

Конрад едва успел выпучить глаза, как пилы начали вылететь из разных частей комнаты. Ему приходилось подпрыгивать и быстро перемещаться, чтобы не превратиться в куски нарубленного мяса. Наёмник вскочил на возвышенность, и атака лезвий прекратилась. Сердце его билось в груди так ярко, что он совершенно уже не слышал собственного дыхания.

Мужчина застыл на месте и боялся пошевелиться. Пытался сосредоточить взгляд на стенах, чтобы разглядеть отверстия, из которых вылетали пилы. Но те были настолько тонкими и настолько плотно задвигались каменной кладкой, что всё это не имело значения.

Конрад закусил верхнюю губу, думая над тем, как быть дальше. До выхода из комнаты он насчитал одиннадцать шагов. И, скорее всего, как только нога его ступит на пол, лезвия снова повыскакивают со всех сторон. А их так много, что предсказать верные шаги слишком нереально.

Наёмник взглянул на поверхность чёрного опала у себя под ногами и заметил на нём вырезанные узоры в форме полусфер. И в этих узорах покоился крошечный гладкий шарик. Конрад принялся его передвигать по рисунку, но тот не отсоединился от поверхности, а перемещался только по линиям в форме полусфер. В центре возвышенности было маленькое отверстие, и тот понял, что шарик нужно закатить туда. Возможно, это отключит действие пил.

Он очень долго передвигал шарик, но врезался в тупик, поэтому приходилось часто

откатывать его обратно, чтобы выбрать другое направление. Мужчина уже выходил из себя от такого кропотливого занятия. Пот стекал по его вискам.

— К чёрту! — выругался он.

Это отнимало слишком много драгоценного времени. И наёмник решил, что раз уж первую часть комнаты смог преодолеть, то и вторую часть сможет. Это будет куда быстрее, чем водить шариком. Ещё неизвестно, что будет после того, как шарик достигнет цели.

Конрад осторожно ступил одной ногой на пол и громко вскрикнул, быстро поднимая обратно. Вторая часть комнаты оказалась совершенно непреступной. Лезвия проходили так близко друг к другу, что между ними могла пролететь только муха или проскочить мышь.

Он продолжил перемещать шар по запутанному узору. А в глазах уже рябило от полусфер, наложенных одна на другую.

Но спустя какое-то время у него получилось закатить фигуру в отверстие. Он вытер пот с верхней губы и замер в ожидании.

Пол резко разъехался под его ногами в разные стороны, и мужчина полетел вниз. Конрад плюхнулся в прохладную бурлящую воду. Подводным сильным течением его несло непонятно куда. Он едва успевал поднять голову вверх и вздохнуть хотя бы каплю спёртого и сырого протухшего воздуха, как волны вновь запикивали его в водоворот.

Зловещая неизбежность пугала. Наёмник не знал, куда его тащит, но, опираясь на логику, всё же надеялся, что к открытой местности.

Однако суккуб не солгала, когда сказала Грегори, что Конрада уже ждут. Его действительно ждало множество смертельных жутких ловушек. В одну из которых он уже угодил. Узгулун хорошо защитил свою жертву — Амелию. Он знал, что с помощью неё сможет обезопасить своё полное воплощение. Наёмники и ведьмы были для него словно вредные и раздражающие блохи. Амелия должна была сделать так, чтобы они сами перегрызли друг друга. Повелитель хаоса оберегал её с помощью ловушек, чтобы никто не отобрал его марионетку.

Суккуб же согласилась ему прислуживать перед своей скорой смертью лишь по простой причине. Она была корыстным демоном. Многие годы девушка преклонялась перед дьяволом, так как все суккубы являлись бастардами князей тьмы. Они обязаны нести службу у дьявола и доставлять ему души, чтобы тот вознаградил их: отпустил на свободу. Суккуб всю свою жизнь послушно убивала мужчин и доставляла их измученные души правителю преисподней. Инкубы же, наоборот, убивали женщин. Была своя, чётко выстроенная система по распределению рабских душ.

Но, увы... Суккуб так и не стала свободной. Но эту свободу после смерти ей пообещал повелитель хаоса. Он мог даровать ей новую и лучшую жизнь, когда станет сильнее. Поэтому-то девушка и стала ему служить. К тому же с самого своего детства ей очень нравились страдания и мясо людей. Для неё это веселье, а не трудная работа.

Конрад тем временем захлёбывался ещё больше. Его тело занесло в гигантский железный бак. Где эхом отзывались его крики о помощи, а потом тушились огромными потоками воды. Она лилась на него сверху, уже с трудом давая ему возможность всплыть над поверхностью. Но когда цилиндрический высокий бак заполнился ещё больше, наёмника прибило к его ржавой стене. Он жадно глотал воздух. Вода быстро поднималась. И тут его сердце оборвалось от ужаса.

Мужчина услышал, как наверху захлопнулась труба, из которой его только что выбросило сюда. Водопад прекратился. Но он кожей ощущал, как та всё же продолжает

прибывать откуда-то с самого дна. Но сколько метров до этого дна? Восемь? Десять?

Ничего не было видно. Только тьма и куча воды, которая вскоре заполнит собой всё пространство. И когда это произойдёт, то его больше не станет.

И что делать? Сейчас каждое мгновение может оказаться решающим. Дождаться, когда вода поднимется выше, и тогда попробовать пробить отверстие в трубе, чтобы выбраться? Но что, если на него вновь хлынет водопад? И сможет ли он подняться наверх? А если доплыть до дна и нащупать отверстие там? Но он не сможет через него выбраться, пока вода прибывает с такой скоростью. Единственный вариант: дождаться, когда огромный бак полностью заполнится, и только после этого добраться до дна и выплыть через отверстие, откуда сейчас поступает жидкость. Но самым жутким было то, что он не знал, какого размера отверстие и как скоро оно закроется? Что, если он не успеет доплыть? И хватит ли ему воздуха? Каждая мысль об исходе сводила с ума. Она напрочь лишала спокойствия даже такого храбреца, как Конрад.

Он ждал. Улёгся на спину, закрыл глаза и ждал. Старался дышать размеренно, но от страха дыхание всё равно было учащённым.

Мужчина остался один на один со своей судьбой. Больше не было ни друзей, ни Узгулуна, ни важного задания, ни любви. Была только Смерть. Она плавала рядом с ним и с любопытством смотрела на его мнимое самообладание. Её зловонное дыхание ударялось о его ушные раковины. Конрад слышал её улюлюканье и смех.

Наёмник открыл глаза лишь тогда, когда коснулся носками сапог железного потолка. Волны убаюкивали его и говорили, что уже всё решено. Но когда он дотронулся рукой о потолок, то вытряхнул мысли о смерти из головы. Он не готов.

Последние секунды, когда вода застирала оставшиеся крохи пустоты, были самыми отвратительными. По телу пробежали мурашки. Конрад сделал глубокий вдох и оттолкнулся со всей силы ногами от потолка. Опустившись на несколько метров, ему стало тяжело плыть дальше, и он выдохнул остатки воздуха, чтобы погрузиться ещё ниже.

Сколько именно плыть, Конрад точно не знал. Когда он сюда попал, дно уже было покрыто водой.

Голова начинала кружиться. Виски стискивала боль. Ноги резко дёргались от недостатка кислорода. Лёгкие пылали гневным огнём, требуя от него вздоха, но он не мог им этого дать. Тогда горький едкий дым от пожара, устроенного ими, перекинулся на все остальные органы. Те в панике бились друг об друга, ища спасения из тонущего тела.

Никаких надежд. Только мрак, страх и смех Смерти...

Ноги уже давно бесполезно пинали воду, а не помогали плыть. Руки инстинктивно начали грести вверх. Но Конрад знал, что там спасения нет. Глаза закатились вглубь, словно черепахи, спрятавшиеся в панцирь от опасности.

Всё замерло...

Наёмник ощущал только колючий холод на коже, которая казалась ему сейчас такой далёкой, что совершенно не имела уже никакого значения.

Тёплое молоко с мягким сладким хлебом... Пыльный запах сена... Озлобленные взгляды... Ледяной дождь... Река и отречение от надежд... Грубые лохмотья вместо одежды... Раскаяние матери... Горячее сердце... Ветер и лошадь, мчащаяся во всю прыть... Яркое сияние клинка... Зелёные глаза и дарующие счастье губы... Её тонкий цветочный аромат вызывал в нём страсть. Он звал его к себе... Он кричал ему уходить прочь отсюда.

Эта вереница из размытых воспоминаний пронеслась в голове.

— Конрад, значит, — донеслось до него во тьме. — Когда очнёшься, начинай грести изо всех сил.

— Кто ты? — но тут наёмника, будто ударили в затылок.

Он резко разомкнул веки и увидел впереди тусклое мерцание. Мужчина ринулся плыть к нему. Внутри открылось второе дыхание. Чем больше он перебирал руками, тем ближе он был к поверхности пещерного озера.

Вынырнув на каменные плиты, поросшие мхом, Конрад встал на четвереньки и громко закашлялся. Хотелось сбросить с себя всю тяжёлую одежду, несмотря на холод. Главное, что он был жив. Эта чёртова ловушка осталась позади.

— Что бы я ещё раз когда-нибудь полез в воду... Да никогда в жизни! — он помотал головой, отдышавшись.

Сбоку в стене скалы находился проём, выточенный множество лет назад природной стихией. Наёмник пробрался в узкую шершавую щель. Пару раз он чуть не застрял в ней из-за своих насквозь промокших вещей. Пришлось сбросить с себя плащ и рубаху и поглубже вдохнуть. Колючие выступы камней порезали его кожу, но всё же удалось протиснуться в следующее широкое помещение, которое оказалось очередной комнатой с ловушкой.

Конрад обвёл взглядом иссиня-чёрные камни. Ветер с завыванием разгуливал там и разрывал старые нити паутины. По полу стелился туман. Мужчина смиренно вздохнул своей мускулистой грудью, на которой от холода волосы встали дыбом, а маленькие капли крови застыли на месте. Он шагнул в неизвестность одной ногой. Под ней было что-то скользкое и шаткое.

— Змеи. Много змей, — пронеслось у него в голове. — Дерьмо! — прокричал, разведя руки.

Наёмник отошёл как можно дальше и, разбежавшись, прыгнул прямо к ним. Конрад чуть не упал, когда их упругие крепкие тела принялись быстро извиваться под ним. Его начало засасывать вниз, будто в болото. Их находилось здесь слишком много. Настоящее глубокое море из живых змей. Которые утопят тебя в себе и затем задушат.

Мужчина оттолкнулся подошвой от самой толстой, и та взметнула зубастую красную голову вверх. Он отсёк ей голову и рванул дальше. До его ушей начало доноситься озлобленное шипение тварей. Они высоко прыгали, извиваясь в воздухе хвостами, и

пытались укусить, чтобы впрыснуть яд. Конрад устроил танец меча. Рука его на ходу вращалась вокруг своей оси и рубила всё в мгновение ока. А толстые сырые сапоги невозможно было прокусить. Их клыки застревали в материале, и ему приходилось бежать вместе с прицепными к сапогам змеями. Это была жуткая картина. Словно измученный дьяволом раб вырвался из самой преисподней. Он не бежал, а летел по полу, а скрючившиеся и болтающиеся змейки позади его ступней будто являлись его личными крыльями.

Наёмник приземлился на тонкую полосу каменной плиты и, наконец, выдохнул. Отсёк оставшиеся головы хищников на себе и начал убираться отсюда подальше. Как раз вовремя. Так как из моря тварей вырвалась огромная зубастая пасть размером во всю комнату. Клубки змей тоннами повалились в её глотку. Жёлтые зубы скрежетали по краям стен. Монстр проглотил всё, что ещё шевелилось секунду назад и скрылся в туманной бездне.

Конрад перебрался в следующее помещение и увидел её. Амелия с кожей белее снега, опустив голову вниз, повисла на цепях. На её левой руке покоился широкий браслет с рунами.

Мужчина кинулся к ней и прикоснулся рукой к её подбородку. Ведьма открыла глаза, и в них застыло удивление, сродни тому, когда мы видим мираж. Во взгляде читались и радость, и неверие.

— Конрад? — пересохшими губами едва вымолвила девушка.

— Да. Это я. Сейчас разрублю цепи и выведу тебя! — наёмник постарался улыбнуться, чтобы придать ей с хорошей новостью сил.

Топор лязгнул о её железные кандалы и разломил их.

— Браслет, — произнесла она, кивнув на руку. — Он не позволял мне использовать магию.

— Понял. Сейчас, — Конрад вцепился в его края и поднапрягшись, разжал. Тот со звоном ударился о камни.

Мужчина подхватил Амелию на руки. Волшебница от бессилья не могла обхватить его вокруг шеи руками. Он прижал её за плечи к своей груди.

— А как ты догадался, что я здесь? И что та Амелия не была мной? — она уткнулась лбом в его плечо.

— Что ж. Это было весьма сложно. Ведь характер у злой копии так походил на твой, — он попытался пошутить, чтобы развеять угнетающую атмосферу подземелья. — Обманка даже сражалась с Тарой. И та запустила в тебя стрелу из лука. Это надо было видеть.

По губам чародейки проскользнула призрачная полуулыбка.

— Тара всегда такая Тара. Я в ней не сомневалась. Она в порядке? Та лживая Амелия не причинила ей вреда?

— Да. Всё хорошо, — наёмник решил не говорить ей сейчас о смерти Карлин. — Копия, конечно, потрепала Тару, но ничего страшного. А потом я разрубил Амелии голову секирой. Представляешь?

Подруга подняла на него свои красивые глаза.

— Я надеюсь, ты это сделал тогда, когда был полностью уверен, что это не я.

— О. Ну, были некоторые сомнения... — тот усмехнулся. — Но после того, как твоё смертельно раненое тело начертило на земле узоры, которые мы видели на приспешниках. То я с большим облегчением раскрошил милую черепашку.

— Конрад, спасибо тебе, — она приложила холодную ладонь к его груди. — Я так рада,

что ты здесь! Мне казалось, что я больше никогда не увижу никого из друзей. И я так сильно боялась за вас.

— Да брось. Ты что думала: мы за тобой не придём? По-другому и быть не могло. Не так-то легко кого-то из нас провести.

Наёмник почувствовал, как по коже у него побежали её горячие слёзы. Он нежно подхватил голову Амелии сзади и принялся гладить пальцами по щеке.

— А остальные ищут осколок? Да?

— Э... Ну... Таре с Карлин и Бэбкоку пришлось вернуться в Остбон из-за некоторых обстоятельств. Но там ничего серьёзного.

— Как? А как же время? Нам нельзя медлить. Кто-то ведь уже должен был добраться до Уэксгарвана! — взволновалась ведьма. — Ты что-то мне не договариваешь. Конрад! Я должна знать правду.

Мужчина нервно вздохнул.

— Карлин мертва... Её одурманил какой-то гном ещё в Торианвиле. Он пытался защитить, скорее всего, осколок. И использовал Карлин так, чтобы она тоже всех нас рассорила и сбила с пути. А когда... Когда лживая Амелия поняла, что разум той слишком податлив для неё, то избавилась от... От Карлин. Она разбилась, прыгнув со скалы.

Ведьма оттолкнулась от рук друга и встала на ноги.

— И Тара отправилась в Остбон, чтобы проститься с ней, как подобает. Я понимаю, — в зелёных глазах всё ещё трепетали слёзы. — Это я во всём виновата!

— Амелия, не носи чепуху! — Конрад осадил её.

— Мне не стоило отбиваться от всех в Торианвиле! Я могла бы притвориться твоей женой, а я... — она разрыдалась, закрыв руками лицо, и повалилась на колени. — А я не стала, потому что обижалась на тебя, как дура. Винила тебя в том, что ты спас мне жизнь, а не артефакт. Какая же я идиотка! Из-за меня Карлин теперь мертва.

— Амелия! — наёмник поднял её с пола. — Никто из нас ни в чём, чёрт возьми, не виноват! Хватит уже себя считать ответственной за всё! Сколько можно? Ты никак не могла спасти Карлин. И никто из нас не мог. Просто потому, что так сложились обстоятельства. Мы не можем всё контролировать и знать наперёд. В этом и есть задумка жизни. Если бы каждый знал, что случится завтра? То тогда в чём бы была вся суть вещей? — он вновь попытался поднять её на руки, но она отошла в сторону.

— Нет. Я могу идти сама, Конрад.

— Ну, смотри. Ты ведь очень слаба. Так бы было быстрее. Я хочу вывести тебя отсюда, чтобы потом сразу вернуться и найти Грегори.

— Грегори? — обратила на него в испуге расширившиеся зрачки. — Как давно он пропал?

— Я не помню точно, сколько времени назад. Так как самому было не до всяких мыслей. Тут полно проклятых ловушек. Но Грегори исчез сразу, как провалился в подземный лабиринт. Я понятия не представляю, куда он мог деться.

— Так ты не убил суккуба?

По выражению лица друга она поняла, что он с ней не встречался.

— Это демоница-людоедка. Любит соблазнять мужчин и насиловать их, а затем съедать. И ей жутко как нравится пытать людей. Мне повезло, что я была нужна Узгулуну живой. Но боюсь, что если бы не вы, то она принялась бы и за меня. Сволочь служит повелителю хаоса в надежде заполучить хорошую жизнь в будущем. Но идиотка, кажется, не

знает, что за всё зло ей придётся расплачиваться.

— И как найти её здесь? Сколько здесь коридоров? — Конрад побледнел.

— Я попробую использовать магию. Но не знаю, хватит ли мне сил, — она приложила ладонь к кривой каменной кладке. — Аними карпе виам амико!

Из-под её кожи поплелась слабая и узкая голубая полоса. Она мерцала и переливалась, словно вода при лунном свете ранним утром.

Конрад пошёл первым по следу волшебной нити. Амелия двигалась позади, иногда опираясь о его плечо рукой.

Петляя то по узким, то по расширяющимся коридорам. Следуя безопасному пути самой суккуб, они добрались до наклонного спуска. Каменная облицовка закончилась, когда они сошли на уровень ниже. Их ждал туннель, вырытый в земле. Всё это больше походило на ходы, ведущие в нору какого-то зверя.

Впереди была дверь и там мерцал огонь.

— Амелия, встань сбоку, — прошептал мужчина. — Резко её откроешь, а я ворвусь внутрь.

Ведьма кивнула и после того, как раскрыла на руке третий палец, рванула ручку на себя.

Наёмник с мечом влетел в небольшую комнату. Там в печи трещали поленья. А на стенах висели засушенные человеческие уши и скальпы. Сбоку имелась ещё одна дверь, но поуже. За ней были слышны стоны и мычания.

Конрад быстро открыл её с ноги и появился в проходе. То, что он увидел, заставило кровь в венах остановиться.

На Грегори не было живого места. Вся кожа разодрана розгами. Торчало лишь одно оголенное мясо. А рядом сидела суккуб. По её светлым волосам стекала кровь наёмника. Она ублажала себя, засунув пальцы Грегори во влажную промежность.

Заметив нежданного гостя, демоница вскочила и оскалилась. Из её нижней части туловища выросло восемь длинных паучьих ног чёрного цвета. На их концах были уродливые гнилые когти, а сами они покрыты маленькими движущимися волосками.

Суккуб обрушила своими крепкими большими крыльями тонкий потолок в углу и выбралась молниеносно на поверхность. Разъярённый тем, что она сделала с его другом, Конрад разбежался и, оттолкнувшись одной ногой от стены, прыгнул вдогонку.

Амелия тем временем освободила Грегори от оков. Он уставил на неё пустой взгляд. И это было куда хуже, если бы он просто был напуган. Суккуб сломила его волю и разрушила тело.

— Грегори, я сейчас подниму тебя отсюда. Попробую с помощью колдовства. И в Торианвиле есть хорошие лекари. Кожа быстро затянется. Останутся, конечно, рубцы, но это ведь не так важно. И я помогу с выздоровлением. Чего ты молчишь?

Наёмник открыл рот, и она всё поняла. Видимо, суккуб уже успела полакомиться им и тщательно пропитала рану своей слюной, чтобы тот не умер раньше времени от сильного кровотечения.

— Мы что-нибудь придумаем! Всё будет хорошо! — она с уверенностью посмотрела на него, чтобы заронить хоть каплю облегчения в истерзанную душу. — Я попробую заклинание, которое снимет боль. И ты, возможно, даже сам сможешь идти.

Конрад же в этот момент сражался на земляных холмах с суккубом. Неподалёку текла широкая и быстротечная река. Демоница пыталась сбежать, но ничего не вышло. Он успел зацепиться мечом за её костистое крыло. Тварь волокла его с такой силой и скоростью, что у

того закружилась голова.

Мужчина схватился второй рукой за её волосы, и она недовольно заверещала и начала кружиться на месте, перебирая лапами. Конрад спрыгнул на землю и перерубил ноги суккуба.

Демоница поползла прочь, опираясь на слезящиеся обрубьши. Она попыталась взмахнуть крыльями. Но наёмник пригвоздил их клинком к земле.

С лица девушки сползло злобное выражение, и она жалостливо заглянула в его глаза. Конрад вынул нож и замахнулся.

— Почему на тебя не действует... — остриё вонзилось ей в грудь. — Мой взгляд, — вырвалось из её уст.

Суккуб опрокинулась на спину.

— Вы всё равно опоздали... Он уже нашёл осколок звезды, — лицо демоницы расплылось в предсмертной улыбке, и по губам хлынула кровь.

— Что ты, сука, сказала? — мужчина злобно схватил её за плечи и начал трясти, но та испустила дух.

Амелия выбралась с Грегори на поверхность. Ведьма набросила на него сверху свой плащ. И наёмник, скрепив края накидки вместе, прикрывал свою наготу.

Друзья подошли к Конраду.

— Её нужно сжечь, чтобы из тела не вылупились такие же твари, — волшебница щёлкнула пальцами, и та вспыхнула ярким оранжевым пламенем.

В её трупe что-то громко лопалось, когда охватывалось огнём.

— Грегори, ты как?

— Демоница отрезала у него язык.

— Во всяком случае, она за это поплатилась! — с суровостью в голосе изрёк Конрад. — Нам пора искать тропу обратно к конюшне. Затем передадим тебя Грегори лекарям.

— Стой. А суккуб пыталась заморозить тебя своим взглядом? Ты смотрел ей в глаза? Я забыла тебя предупредить. Она может забирать волю у человека на какое-то время. Демоница так сделала и со мной, и, возможно, и с Грегори тоже.

— Я не понимаю, о чём ты, Амелия. Я ничего не заметил.

— Странно.

— Нет. Это как раз меня не волнует. Знаешь, что действительно странно? Перед тем, как замолчать на веки вечные, она успела сказать вот что... Узгулун уже добрался до осколка звезды. Либо сволочь специально солгала, чтобы лишь нас равновесия. Либо... — он не договорил, а уставился в одну точку такими испуганными глазами, что Грегори с Амелией резко обернулись.

Повелитель хаоса почти во всём своей полном воплощении летел прямо на них. Он обладал страшной силой звёздного осколка.

Его бурые крылья с рисунком из толстых вен сомкнулись за спиной, и тот тяжеловесно приземлился на землю. Голову Узгулуна венчала корона с широкими длинными рогами. Его серо-лиловое тело покрывали золотые сияющие доспехи. Вокруг ног извивались мощные отростки в форме щупалец. На них росли острые шипы. Он издал звонкий вопль, и в глазах вспыхнули карминные языки пламени. Повелитель хаоса навёл мерцающий молниями меч на Грегори. Бедолагу расщепило на мириады щепоток. Даже не было крови. Одна лишь пыль.

Ужас отразился в лицах друзей.

— Бежим!!! — наконец завопил Конрад.

Амелия, задрав высоко подол платья, ринулась прочь. Ведьма слышала только собственное дыхание. Копна рыжих волос то и дело взлетала вверх позади неё. Конрад мчался рядом, жадно глотая воздух. Его оголенный торс пронизывал ветер.

Молния вонзилась прямо перед их ногами, и земля тут же поползла вертикально ввысь. И друзья упали.

— Вставай! Скорее! — наёмник резко схватил руку чародейки и дёрнул её в сторону, как раз вовремя.

Очередной удар пришёлся в то место, где только что лежала девушка.

— Конрад, — она заглянула ему в глаза. — Больше нет смысла бежать. Разве можно скрыться от того, кто обладает силой самой Вселенной? Уже слишком поздно... Мы проиграли...

Ведьма прижалась губами к его губам. Поцелуй был сладким, пускай и с примесью солёных слёз. Наёмник прекрасно понимал, что она полностью права. И уже было всё равно на поражение.

Это был поцелуй настоящей любви на самом краю перед бездной...

Там не будет слышно птиц

И не видно солнца.

Только взмах её ресниц,

В темноте сей встрепенётся...

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net